

SCHERZO

Элисон Крафт

...жизнь – это только игра нашего воображения,
и я хотела, чтобы вам она понравилась.
сыграйте в эту игру...

18+

Элисон Крафт

Scherzo

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69431980

SelfPub; 2023

Аннотация

Истории, которые переплетаются в общий сюжет, но могут быть рассказаны отдельно друг от друга. Они наполнены чувствами главной героини и ощущениями неслучайности....жизнь – это только игра нашего воображения,и я хотела, чтобы вам она понравилась.сыграйте в эту игру...Элисон Крафт

Содержание

SCHERZO 1	5
SCHERZO 2	12
SCHERZO 3	18
SCHERZO 4	26
SCHERZO 5	33
SCHERZO 6	44
SCHERZO 7	53
SCHERZO 8	61
SCHERZO 9	68
SCHERZO 10	76
SCHERZO 11	85
SCHERZO 12	93
SCHERZO 13	103
SCHERZO 14	115
SCHERZO 15	126
SCHERZO 16	136
SCHERZO 17	146
SCHERZO 18	154
SCHERZO 19	166
SCHERZO 20	175
SCHERZO 21	188
SCHERZO 22	199
SCHERZO 23	208

SCHERZO 24	219
SCHERZO 25	231
SCHERZO 26	248
SCHERZO 27	259
SCHERZO 0	274

Элисон Крафт

Scherzo

Как музыкант настраивает инструмент, чтобы зазвучал оркестр, так и вы, прежде чем прочесть части Scherzo, включите музыку, предшествующую им в описании. Настройте все свои чувства на погружение в это повествование...

SCHERZO 1

1/// в левой – бокал ледяного Prosecco, в правой – тонкая коричневая сигарета

Музыка к этой части: *Feeling Good / Nina Simone/*

Они сидели друг напротив друга, откинувшись на спинки

стульев и вытянув босые ноги. Люси наблюдала через прищуренные глаза за людьми, время от времени проходившими мимо. Их неспешный, тихий разговор лениво продолжался. Обрывки фраз висли в сонном воздухе, не растворяясь в аромате весеннего Средиземноморья. На столе стояла почти допитая, уже вторая, бутылка Prosecco. Он лениво брал лед из ведра, где прохладно светилось темное стекло, и водил тающим осколком по лбу и шее. В этом же ведре красовалась роскошная белая роза. Темные очки он не снимал и сквозь черное стекло внимательно наблюдал за Люси. Прохожие его сейчас мало интересовали...

Она потрогала шип, выпирающий из толстого зелено-бурого стебля.

– Я, вообще-то, никогда не любила розы... Но эта хороша. Когда вот так – одна, а не в тесном букете. Это как с людьми. В толпе не разглядеть человека... Какой у нее тонкий, чувственный запах.

Люси задумчиво рассматривала цветок, наклонив голову.

– Спасибо тебе, она действительно очаровательно великолепна.

– Ты нашла того, кто будет редактировать твой текст? Его нужно подготовить к изданию, – Егор снял очки и протер их салфеткой, пристально посмотрев на Люси.

– Нет, я никого не знаю, не представляю к кому с этим обратиться. Егор, ну-у-у, ты думаешь, это будет кому-то интересно? – Она оторвала атласный белый лепесток и растерла

его между пальцев. – Это же надо как-то все собрать прежде, чем отдавать на редактуру. Неловко даже... Ты видел, я пишу без знаков препинания, – она хитро улыбнулась, – у меня абзац – одно предложение, и ошибок полно. Про издание даже думать боюсь.

Люси протянула ему пустой бокал.

– Налей еще, там что-нибудь осталось? Ты отлично знаешь, как это происходит. Я записываю текст, когда он приходит как... – Люси прервалась и оглянулась, – как вот эта береговая волна. Раньше я и сны записывала. Они у меня как сериалы бывали. Засыпала в ожидании продолжения сюжета. Правда, я была то зрителем, то действующим лицом. Бывало, спустя год наступало время следующего сезона. И ремейки случались. Я даже места узнавала, где во снах бывала.

Егор внимательно слушал, наблюдая за неспешными морскими волнами, смывающими с песка память о только что прошедшем здесь человеке.

– Объясни, чего ты боишься? – он повернул голову к Люси.

– Я не боюсь, но зачем? Мне достаточно, что я могу читать тебе эти сюжеты, когда они рождаются. Но систематизировать и превращать их в типа «литературный продукт»? Не зна-а-аю.

– Лю, послушай, я жду наших встреч и мчусь к тебе на другой конец земли не только, чтобы решать наши рабочие вопросы. Мне очень любопытно услышать продолжение

этих хитросплетений... Если мне это интересно, то наверняка есть и другие, кто найдет для себя что-то важное и ценное в твоих историях. Взрослым, как и детям, полезно время от времени провалиться, словно Алиса, в «кроличью нору». Зазеркалье твоей Люси – это опыт новых переживаний. И я не понимаю, почему со мной так происходит, но читая, я получаю опыт собственных духовных переживаний... Я знаю тебя тысячу и одну ночь, и ещё сто дней. Но иногда, кажется, не знал никогда. Не улавливаю грани между тем, что может быть в этих рассказах реальностью, а что – сфера мистики.

– Не преувеличивай, ночей моих ты не знаешь, – усмехнулась Люси, – но это не мешает мне доверчиво, почти на грани интимного, посвящать тебя в мой писательский хаос. Егор, любимчик, друг мой... соглашусь в одном, ты прав: не только Алиса может оказаться в стране чудес. С немножко взрослыми людьми тоже такое случается. Но только они не любят почему-то об этом говорить. Может быть, боятся и не доверяют своим фантазиям. Мы принудительно научились жить в другом формате жизни, в ограниченной системе координат. Пишем тонны толстых поучительных, назидательных книг, считая себя творцами всего. Но фантазии – это мостик к чему-то большому. Чаще всего их ограничивает наш минувший опыт. Мы не можем даже до конца осмыслить это атрофировавшимся, социализированным сознанием. Самое лучшее, что можно сделать для себя – довериться и отдаться *космосу* вокруг, который привёл нас сюда и заберет в свои

объятия после маленького земного опыта... Все это так просто, но все еще так сложно для нашего рационального ума...

Егор поднял ее ноги, положил себе на колени. Зачерпнул в ладони воду из ведра (лед в нем уже весь растаял) и вылил на ее лодыжки.

– Люси, ты чувствуешь то, что не все могут... Не знаю как выразить, но погружение в иллюзорный мир твоих фантазий оживляет меня и обостряет внимание к происходящему вокруг и к себе самому.

Некоторое время они молча смотрели на синий уходящий горизонт

– Должен сказать, кстати, не сделал этого сразу, извини, конечно же, я заметил твоё платье. Я в восторге. Это то, о котором говорила Марго, привезенное из Японии с вашего модного форума?

– Оно, да. Пока моя влюбленность в него не прошла, везде выгуливаю. Но ты должен был мгновенно прийти в восторг и нахваливать его все время, что мы здесь сидим! – Люси толкнула Егора мокрой пяткой в бок.

Егор откинулся на спинку стула, забавно раскинув вверх руки.

– Я извинился, был неправ!

Он вскрикнул весело, уселся поудобнее и попросил:

– Пожалуйста. Читай. Я жду продолжения.

– Ладно, закажи мне теперь мороженого. Лучше итальянцев его никто не делает. Ем его только здесь. И пригото-

ся слушать мой бред, раз ты такой любопытный. Но! Ты же помнишь, что история непоследовательна. Это не роман, не рассказ, и не повесть. Не... сама не знаю что это.

Люси достала из своей холщовой стильной сумки пачку сигарет и айпад:

– Ещё ты помнишь, надеюсь, что всякая история из этой «сказки» имеет в эпиграфе музыкальное сопровождение. Сегодня это Feeling Good by Nina Simone.

Люси включила музыку, затянулась сигаретой и надела очки в тонкой красной оправе, приготовившись читать...

SCHERZO 2

2/// дразня мир дурманом энергий, белый шиповник то-
мится в капле горького кофе

Люси закрыла айпад, отложила в сторону очки и пододвинула к себе изящную чашечку с остывшим кофе. Она опустила туда палец и горько провела им по губам. Вокруг себя она чувствовала еле уловимую, но нарастающую сладковато-нежную ноту белого шиповника. Он смешался с запахами жаркого лета и сгоревших спичек.

Высоко над ними стояло внимательное солнце. Люси запрокинула голову, поймала взглядом в вышине неподвижного неба след тающего перламутрового полупрозрачного облака. За их спинами искрилась синяя вода открытого моря, прозрачная как тонкая слюда. Люси почувствовала как где-то в голове, позади глаз, усилилась болезненная пульсация, а в сердце ударила горячая волна. Неожиданно в памяти с поразительной ясностью всплыли острые переживания, предшествующие трансформациям привычной жизни.

События того времени она вспомнила до мельчайших подробностей. Ее жизнь изменилась, ее штормило. Так чувствовал бы себя компас в поисках привычных ориентиров, если бы ось Земли неожиданно сместилась. Ее душа металась. А вслед за ней и тело, пытаясь не отстать и не выпустить ее из своих объятий. Что-то в ее жизни должно было произойти... Что-то она интуитивно чувствовала, но не понимала. И необъяснимо, безостановочно, как зверь гоняла по окрестным лесам и полям в поисках места, где, казалось,

все должно было найти объяснение и вернуть ее в прежний мир.

Тем темным утром, прежде чем выйти из дома (эти ранние выходы становились для ее близких пугающе ритуальными), она выбрала и надела свое новое шелковое белое платье, усыпанное жемчужными бусинами, и отправилась в ближайшую деревню на велосипеде. Деревня располагалась на юге, на зеленом холме. Путь туда был неблизкий, но уже хорошо знакомый Люси. Через пару часов она бросила свой транспорт на обочине и вошла в высокую пахучую траву. Здесь, в обнимающем ее безмятежном уединении, она чувствовала короткое успокоение. Дойдя до середины поля, она привычно опрокинулась на спину и, дыша глубоко, замерла. Постепенно ее уставшее сознание попало в плен сладкой дремы и, спустя еще мгновение, она, казалось, на мгновение провалилась в усталый сон.

Люси открыла глаза, мир вокруг нее был невозмутимо тих. Поднимающееся ранее солнце ласково успокаивало и согревало все видимые горизонты. Она сложила руки и почувствовала под ладонями колючий репей, прицепившийся к платью. Белый нежный шелк был в зеленых пятнах от травы, некоторые бусины оторвались и на их месте торчали короткие хвостики ниток. «Придется выбросить...» – разочарованно подумала Люси.

Телу было мокро, но оно умиротворенно дышало вместе

с земель, теплой и уютной. Люси с интересом наблюдала как от рук и ног поднимается пар. Вставать не хотелось. «Полежу еще немножко, надо вспомнить сон» – думала она. С некоторых пор это стало для нее чрезвычайно важно. Она понимала, что необычные сны – это не просто сигналы из глубин подсознания. Это еще и ответы, которые Люси искала на свои вопросы. Главное – правильно расшифровать эти кодированные послания от внутреннего “z”.

Сквозь прищур глаз она исследовала небо: оно было мягким и неторопливым. В него осторожно вливались краски и звуки просыпающейся природы. Мир вокруг оживал и менялся. Она перевела взгляд и стала наблюдать, как под рукой копошилась жизнь. Затем осторожно потянулась и стащила с грязных исцарапанных ног чёрные конверсы, прижала их к животу.

Неожиданно Люси отчетливо уловила новые звуки. Сначала различила тонкий вздох мягко шевелящегося клевера и улыбку ветра. Потом стал нарастать живой гомон, не похожий на людской гул. Люси слышала, как пробуждалась земля и все ее мелкие обитатели: жуки, комары, черви, трепещущие мотыльки. Мир, придавленный ее изможденным телом, наполнялся веселым треском. Люси вдруг показалось, что это поле все больше становится похожим на утро итальянского городка в разгар курортного сезона. «Как странно, – подумала Люси, приподнимаясь на локте и вглядыва-

сь в траву, – чувствую себя просто как Алиса после чудесного эликсира! Интересно, подадут ли мне здесь кофе или чашечку бодрящего чая?»

– *Ш-ш-ш-што... ты хочешь сейчас-с-с больш-ш-ше всего-о-о?*

Люси показалось, что кто-то прошипел это ей в затылок. Она с удивлением обернулась и увидела ползущего к ней ужа. «Боже, он задает мне вопрос или у меня бред?» – промелькнуло в ее голове. Люси не шевелясь смотрела на грациозно извивающееся тело... Неожиданно что-то резко ударило ей в лоб, и глаза захлестнула яркая изумрудно-черная волна. Стало холодно, Люси услышала эхо своего сердца, гулко и объемно бьющегося во вселенной.

Она дернула рукой. Надоедливый шмель настойчиво кружил над ее лицом. В лоб нещадно светило солнце, а тень жасминового куста, куда она еще утром забралась с ноутбуком и своим кофейником, бесследно исчезла. Вокруг звенели цикады, воздух был пропитан пьянящими ароматами.

Люси оглянулась на свой дом. Алекс шел к бассейну с перекинутым через плечо полотенцем. Он увидел ее и помахал рукой. Потом сложил руки рупором и прокричал:

– Давай возвращайся, тебя заждался отличный завтрак! Я поплаваю, и мы должны собираться. Надеюсь, ты не передумала!

Люси поднялась и озадаченно пошла в сторону дома. Навязчиво, как недавний шмель, в ее мозгу крутился вопрос:

«Куда мы сегодня собирались? Не понимаю, совершенно не помню...»

Она прошла на просторную террасу, где ее ожидал красиво сервированный завтрак. Алекс умел и любил затейливо оформлять стол. Это всегда было неожиданно и любопытно. В цинковом ведре на полу стояли свежесрезанные ветки шиповника – конечно, из соседского сада. Из динамиков под потолком тихо играла музыка.

– Я никуда сегодня не поеду, – тихо произнесла себе под нос Люси, – мне нужно со всем этим разобраться.

SCHERZO 3

3/// босыми ногами ступая по солнцу

Музыка к этой части: Mil pasos /Soha

Они вместе шесть лет. Сколько это? Много или мало для того, чтобы два разных мира, два времени, две жизни слились в одну. И возможно ли «общее» без личного пространства? Эта встреча – трансформация, преобразование и рождение другого мира, который вдохновлен энергией кардинальных перемен. Она не могла понять, как с ней это произошло. Но время, проведенное с Алексом за эти года, было жизнью, похожей на нектар созревшего фрукта.

Люси подошла к столу. На синей глиняной тарелке, под белой крахмальной салфеткой красовался нарезанный кружками бурый помидор, присыпанный кумином. Рядом – пучок зелени, дурманящий своим запахом, перевязанный красной суровой нитью. В одной пиале кунжутное масло, в другой – черный тмин. Как обычно: кувшин со свежавыжатым соком. Сегодня он из яблок, сельдерея, имбиря. Нежно-зеленый, с пенкой из воздушных пузырьков. И еще высокий темно-зеленый граненый стакан. Люси повертела его в руках, она предпочитала пить сок из чистого прозрачного стекла, но для Алекса всегда непостижимо важно было создавать аппетитное сочетание цвета. Она ухватила длинными пальцами кружок помидора и тут же выронила его, оказавших в объятиях мокрых рук. От Алекса веяло лимоном и свежестью – так пахнет горный воздух.

– Я похожа на вареную креветку, – улыбнулась Люси, при-

липая к нему.

Его глаза светились глубинным огнем. Сильные загорелые руки держали ее плечи крепко, но легко. Она чувствовала, что могла без усилий освободиться, если бы захотела. Но не сейчас... Она обхватила его мокрую голову и поцеловала в лоб. Он удержал ее за плечи своими руками.

– Ты как сложное оптическое явление, как мираж счастья, который может исчезнуть в любой момент, – голос его звучал приглушенно и напряженно. Он отстранил от себя Люси и произнес уже спокойно своим привычным низким тембром:

– Через 2 часа мы уезжаем, тебе нужно собраться.

Внешне Алекс был сдержан, как до времени сдержан вулкан с кипящей в его недрах лавой. Люси знала, что ее вопрос «куда?» бессмыслен и останется без ответа. Она с легким вздохом осторожно сняла его руки со своих плеч и положила айпад на стол.

– Хорошо, я сейчас переоденусь. Сок возьму с собой, спасибо тебе. Он меня взбодрил. Вкусно.

Люси чувствовала напряжение: ощущение, что не может сказать чего-то важного для него. Поэтому еще раз тихо поцеловала Алекса и направилась к лестнице, ощущая на своем затылке его испытующий взгляд. Поднявшись на несколько ступеней, она все же обернулась и долго вопросительно смотрела на него.

– Ты даже не спросишь, куда мы едем? – поправляя очки, уточнил он, казалось, растерянно.

– А зачем? Ты же не скажешь. Я буду с тобой, мне этого достаточно. Скажи: что ты хочешь, чтобы я надела?

– Решай сама. Проверим мою интуицию, – напряженные черты его лица стали мягче. Он даже попробовал заговорщически улыбнуться.

– Имей в виду, что мы вернемся только завтра к полудню. Впрочем... , я скажу. Мы едем к Мелани. Она пригласила нас на ужин. Это будет маленькое торжество по случаю их возвращения из Лондона с новыми удачными проектами. Наверняка будет много интересных рассказов. На ночь я снял номер в твоём любимом отеле.

– Ах вот что! Отлично! А что там с моей выставкой, она тебе говорила?

– Мне говорила, да, конечно. Мы с ней почти ежедневно разные детали обсуждали, весь этот месяц. Она взвалила на себя огромную работу по ее организации. И уверена, что все должно получиться. Но ты меня, как всегда, удивляешь. Почему сама ее ни о чем ни разу не спросила?

– Не знаю... Мы так много говорили об этих фотографиях прежде, что... не знаю. Хочу сейчас просто побыть сторонним зрителем, я подожду. И я совершенно доверяю Мелани, я не хочу ей мешать... Она в этом деле, в отличие от меня, профессионал.

Люси поднялась в свою комнату и подошла к распахнутому окну. Мгновенно раздался звук колокола. Легкие шторы взметнулись, будто звон разбудил ветер. Она закрыла глаза.

С последним ударом, Люси взяла телефон и набрала номер: – Марк, ты можешь сейчас подъехать за мной? – на другом конце выразили удивление и немедленное согласие с уточняющими вопросами. – Да, пожалуйста, буду ждать с задней стороны сада. Да, одна. На вокзал. Спасибо.

Потом она решительно подошла к шкафу и достала свою дорожную сумку, которую называла «Мэри Поппинс»: в ней всегда было все необходимое для короткого путешествия. Бросила туда шелковый каирский шарф, белую рубашку и белые узкие брюки. Недолго думая, переоделась в легкий, цвета пыльной розы, трикотажный костюм. «Да, еще не забыть кольца...» – мелькнуло в голове. Без них она чувствовала себя раздетой. Любимые, они всегда лежали в ее бордовом бархатном мешочке с вышитым золотыми нитками вензелем L.

Быстрым шагом она спустилась по лестнице и взяла со стола айпад. Из комнаты рядом доносился легкий джаз и чуть слышный разговор – Алекс говорил с кем-то по телефону.

Спустя 4 часа Люси сидела в бизнес-зале аэропорта с бокалом белого вина в ледяных руках. Ее самолёт в Лондон только через 3 часа. Это время как раз для того, чтобы привести в порядок мысли и попытаться понять происходящее с ней. Люси восстанавливала ход событий: шесть лет назад она небрежно начала делать записи для «сказок...», но в какой-то момент остановилась. Потому что, спустя время,

с ней стали происходить в точности те истории, которые она легко придумывала и записывала в блокнот (по просьбе своего давнего друга, Егора). Именно тогда и появился он: Алекс. Совершенно неожиданно. О себе он сказал: «Я твой Ангел». Их отношения во многом стали повторять ее литературные фантазии.

Вот как и сегодня... Они должны были поехать во Флоренцию к Мелани. Поднимаясь по лестнице, чтобы переодеться, она вдруг вспомнила, что и это было давно записано в блокноте. Так Люси, ошеломленная в очередной раз, решила попробовать изменить то, что когда-то придумала для своей вымышленной героини. Поэтому, ни в коем случае не желая сделать ему больно или продемонстрировать собственную независимость, она решила уехать. В тот момент она не понимала: возможно ли объяснить ему мотивацию этого решения.

Люси задумчиво смотрела в окно на взлетное поле. Она теперь ожидала вылета. Куда лететь не раздумывала. Зайдя в здание аэропорта, она просто уточнила ближайший рейс, на который может взять билет бизнес-класса. Она не пыталась объяснить себе зачем ей потребовалось лететь в Лондон именно сейчас. С тех пор как она уехала из дома, ее телефон был отключен. «Это несправедливо по отношению к нему, – думала Люси, – удрать из дома ничего не объяснить, и главное: почему? Чего я боюсь? Того, что мои записанные фантазии материализуются в реальной жизни? Да, но ведь

мне нравится эта новая жизнь. Она удивительна и наполнена чудесами. Наконец-то мое хобби стало интереснейшей работой. Я действительно чувствую себя счастливой... Или нет?»

Люси нервно смотрела на телефон. Все-таки надо включить его. Она ожидала увидеть десяток пропущенных звонков. Но от него было всего одно сообщение:

«Дорогая моя, я знал, что все так и произойдет. Вчера, когда я планировал поездку во Флоренцию, у меня появилось сомнение... Не хотел тебе говорить до последнего. Черт, я предчувствовал, что ты захочешь улизнуть. Не знаю, я не могу найти этому причин, но... Поверь, я не сержусь и совершенно спокоен за тебя. Наверняка ты уедешь в Рим или улетишь в Лондон. Когда вернешься, я буду ждать тебя в нашем доме. Мелани я предупредил, что мы не сможем приехать, что встречу придется перенести. Она, конечно, расстроилась немного.

Ты знаешь, для нас не существует ни времени, ни расстояний. И ты знаешь, что у нас никогда нет причин для ссор, разочарований и упреков. Вся Вселенная наполнена моей любовью к тебе».

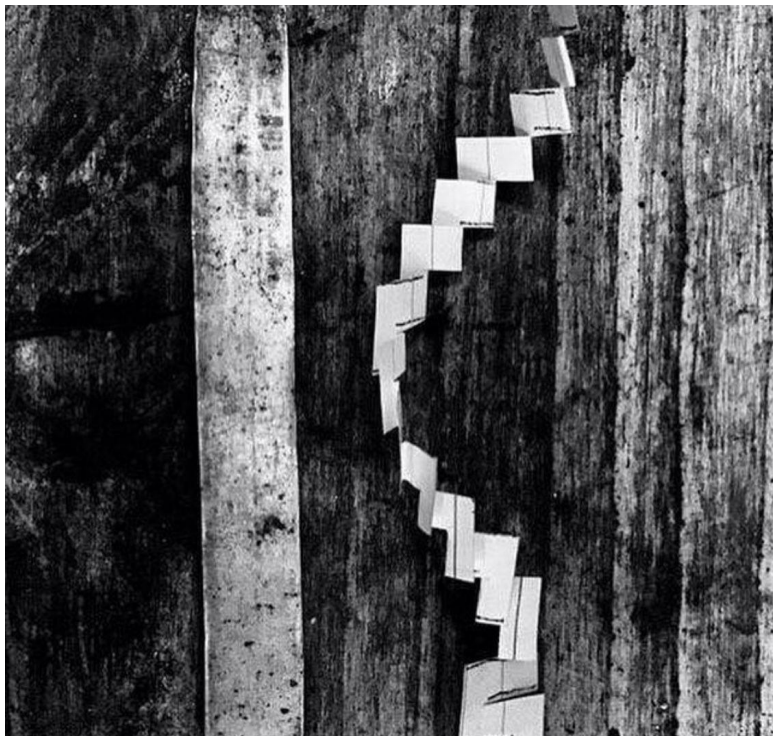
К письму было прикреплено фото сигаретной пачки, где красным фломастером была записана дата и время ее исчезновения. Люси облегченно улыбнулась.

Она позвала официанта и протянула ему свой маленький термос, который всегда брала с собой:

– Пожалуйста, налейте сюда пару чашек крепкого кофе.

Она никогда не ела и не пила то, что предлагали в самолете. Потом взяла маленькую бутылочку Perrier и пошла на посадку. Она летела в Лондон.

SCHERZO 4

4/// когда тень вошла в тебя, и началась работа над тенью

Музыка к этой части: The Look/ Marie Plassard

Самолет приземлялся, и солнце спускалось вместе с ним...

Люси пристально смотрела в свои глаза, приблизив к лицу плоское миниатюрное зеркальце. В нем отражался огромный мир неизведанных планет. Она развернула предложенную стюардессой горячую салфетку и промокнула ею лицо. Потом достала помаду, чтобы освежить губы.

Прежде она никогда не брала место рядом с иллюминатором. Вид парящей вокруг бездны, плывущих облаков и далекой уплывающей земли вызывал у нее чувство неуверенности. Кроме того, ее мучительно тошнило (даже если пластмассовая шторка была плотно закрыта). Но сейчас она спокойно прислонилась лбом к прозрачному толстому стеклу и наслаждалась непривычным чувством внутреннего медитативного комфорта, отрешенности и свободы. В маленьком салоне бизнес-класса, кроме нее, разместились еще три человека. Все время полета каждый был поглощен собой. И это создавало иллюзию «одинокости» и уединения в ограниченном замкнутом пространстве, летящем в бесконечности.

Когда голос капитана известил о том, что самолет пошел на снижение, в салоне произошло еле заметное оживление.

Молодая особа откинула с головы черный капюшон, до сих пор скрывавший ее утомленное, озабоченное лицо. До-

стала из фирменного кожаного рюкзака плоскую бутылочку виски и сделала большой глоток.

Парень, красавец атлетического сложения, наконец оторвался от книги, которую читал непрерывно с момента взлета и попросил стакан воды. Люси взглянула на обложку: «Черный лебедь». Теперь она уже с любопытством задержала взгляд на парне. Она читала эту книгу лет шесть назад. Да, кажется, незадолго до ее встречи с Алексом. Позже она познакомилась и с ее автором, Толебом Нассимом. Ливанцем, живущим в Америке... Это была удивительная встреча, как, впрочем, и многое из того, что начало происходить после появления в ее жизни Алекса. Тогда ее привычный мир стал стремительно меняться, сокрушительно и необыкновенно меняя и ее представления о себе.

Люси сглотнула и обратилась к стюардессе:

– Пожалуйста, и мне принесите воды. И прошу вас, налейте ее в стеклянный стакан.

Третьей в их салоне летела дама, которая, по мнению Люси, выглядела безукоризненно. Более того, ее вид вызывал восхищение. На ней был отменного качества и причудливого кроя кашемировый костюм цвета арабского песка (очень освежающий ее элегантный возраст). Уместный макияж не скрывал лет, но мастерски подчеркивал их достоинство, оттягивая тонкие аристократические черты лица. Обманчивая небрежность прически: легкая волна непринужденных прядей ухоженных волос спадала, открывая лоб и подчерки-

вая изгиб красивой шеи. На длинных пальцах и тонких запястьях красовались массивные украшения. В ушах сверкали довольно крупные изумруды редкого сине-зеленого цвета (такие называют еще «камень судьбы»). Даже здесь, в стесненных обстоятельствах, ее великолепная осанка не могла остаться незамеченной. Во время всего полета она непрерывно стучала по клавишам макбука. Звук был деликатно отключен, поэтому слышался только изящный звон многочисленных серебряных браслетов – в такт ее точным, уверенным движениям. Сейчас она закрыла крышку и, прикрыв глаза, точным движением сняла тонкие очки.

«Интересная компания, – думала Люси расслабленно, невольно прикидывая, какие роли подошли бы окружающим ее персонажам, – например: юрист-партнер, профессор и..., не меньше, чем баронесса». Люси удавалось практически безошибочно определять породу людей. Она вновь отвернулась к иллюминатору и цепким взглядом стала наблюдать за стремительно приближающейся землей.

По пути из аэропорта к дому, Люси попросила таксиста остановиться у знакомой зеленой лавки. Она купила огромный букет нежных пионов и длинных ирисов с утренними каплями росы на листьях. Затем заглянула в булочную к знакомому французу. Он вручил ей бумажный пакет, с еще теплым “rain saux poix” – ее любимым хлебом с орехами. И также – кусок настоящего сливочного масла “beurre persille”

с ароматом трав.

В этот ранний час во дворе дома было тихо. Люси решила подняться в квартиру пешком. Об этих апартаментах мало кто знал (даже из ее близкого окружения). Небольшая, но очень уютная студия, с тонким вкусом обустроенная, находилась в современном студенческом пригороде Лондона.

Теперь, стоя дома под бесконечным душем, она составляла свое меню удовольствия на день. «Итак: прогулка по холмам Гринвича, обязательно “5 o'clock tea” в сказочном месте Fortnum&Mason. Можно себя наградить изысканным десертом к королевскому чаю. Но сначала короткий сон на фантастических простынях от Millesimo by Sferra...» – Люси обтерла тело полотенцем и вышла из ванной комнаты. Механически нажала кнопку кофемашины, продолжая размышлять о том, как проведет наступающий новый день. «Хорошо бы успеть на антикварные развалины Vermondsey и попробовать отыскать что-то удивительное из старого винного хрусталя для радости Нины. После отдыха надо бы ей сразу позвонить. С ней встреча будет, как всегда, поздняя и долгая. Между чаем и Ниной нужно поехать в галерею».

Уже пора признать: то, во что Люси не осмеливалась поверить, произошло – ее работы заинтересовали людей, которые приложили много усилий для организации выставки. Люси была им искренне благодарна и теперь чувствовала себя готовой к совместным обсуждениям рождающегося про-

екта. Она достала из ящика пижаму и подумала: «Конечно, еще нужно сообщить Юрию, что я прилетела и пробуду здесь пару дней».

Юрий со своим итальянским другом имел небольшой, но весьма почитаемый знатоками ресторанчик в Брайтоне. Они познакомились довольно давно, когда их общая английская подруга позвала Люси на спонтанно устроенную хозяевами ресторана закрытую дегустацию. Тогда на стол в тени ивового дерева, росшего в приватном ресторанном дворике, была выставлена внушительного вида металлическая чаша со льдом, из которой торчали горлышки шести или восьми бутылок отборного шампанского. С этой встречи у Люси родилась любовь к шампанским винам и понимание, что хорошее вино дает прочувствовать счастье. Нужно сказать, Люси относилась к людям с интересом, избирательно, всегда с любовью и вниманием к деталям. В человеке ценила некую недосказанность.

А Юрий... Он был актер, талантливый игрок... Вспомнив эти мгновения, она стала наблюдать за мыслями. «Послевкусии от глотка настоящего доброго вина длиться долго... Такое вино не пьянит, но может открыть сердце, а ум от него начинает творить. Встреча с хорошим вином подобна встрече с *хорошим* человеком: когда есть глубина и тайна, оттенки, история, почва, корни и все стихии...» – мысли плыли легко и она отстраненно наблюдала за их движением.

Она подошла к холодильнику и потянула на себя дверцу.

Снизу, на стеклянной полке, стояли миниатюрные бутылочки нескольких сортов игристых вин. Люси выбрала одну из них и вышла на балкон.

SCHERZO 5

5/// удержат интонацию в тонких вибрациях света

Музыка к этой части: I put A Spell On You / Joe Cocker

Звонил телефон. Люси неохотно возвращалась из короткого утреннего сна, пытаясь удержать в сознании иллюзии сюжета и его героев. «Там что-то было. Очень важное, что никак нельзя упустить... это ключ...»

Она медленно разлепила глаза – на экране настойчиво светилось его имя. Люси пришла в замешательство. Сейчас

ей не очень хотелось говорить с Алексом, объяснять свой внезапный отъезд или извиняться (она не любила извиняться, считала это пустым, если нет искреннего раскаяния). Но она понимала что должна ответить, и также осознавала, что ничто не изменит ее намерения провести в Лондоне пару дней так, как она запланировала. Она потянулась к телефону и произнесла тихо:

– Это ты.

– Это я, – упрямо произнес он, – сегодня день, когда три года назад я...

Люси сжала губы и выпрямилась. Такого начала она не ожидала. Ей казалось, что *все это* они давно оставили в прошлом. Тогда они договорились к *этому* не возвращаться: никогда, ни при каких обстоятельствах.

Повисла пауза.

– Пожалуйста. Не продолжай, – произнесла Люси решительно, – мой отъезд никак с этим не связан. Мы тогда все решили. Не будем вспоминать.

– Нет. Это не мы, это ты так решила. Ты ни разу не дала себе меня выслушать и понять, что для меня это важно, – голос Алекса звучал требовательно.

– Это может оказаться разрушительно... – наконец сдавленно произнесла Люси.

Тогда, шесть лет назад, он появился в ее жизни случайным попутчиком. Потом она поняла, что ничего случайного в жизни нет. Более того, поняла, что все происходящее –

это вовсе не результат причинно-следственных связей. Все гораздо интереснее и не всегда постижимо человеческим умом...

Их история начиналась так... Время близилось к полночи, но спать Люси не хотелось. Под монотонный стук колес она читала, комфортно устроившись в своем уютном СВ. Во время одной из коротких ночных остановок в дверном проеме купе неожиданно возник он. Люси точно помнила, что запах дорогого табака, горькой полыни и горячего хлеба она уловила раньше, чем дверь сдвинулась в сторону. Он стоял с перекинутой за плечо небольшой дорожной сумкой. В темном окне узкого прохода за его спиной светила полная луна. Он был невысок, но идеально пропорционально сложен и магически привлекателен. Люси подняла голову, оторвавшись от книги, и вопросительно посмотрела на него.

– Меня зовут Алекс, – мягко сказал он, рассматривая Люси. В его глазах был вежливый вопрос.

– Да, Алекс. И что вы делаете в моем купе, Алекс? – Люси старалась скрыть подступающее любопытство за нейтрально-равнодушной интонацией.

– Я вынужден буду некоторое время ехать с вами, – продолжил он вполне учтиво.

– Любопытно. Почему вы решили ехать в моем купе?

– Потому что здесь мое место. Нам сейчас все равно не удастся выяснить кто и почему продал два билета на одно

место. Но раз так получилось, давайте считать, что нам выпал счастливый шанс познакомиться.

Он не торопился войти, говорил медленно и совсем не был напряжен, возможно, выглядел немного уставшим.

– Это вы так считаете? – вопрос Люси прозвучал иронически, она разглядывала его с нарастающим любопытством, – может стоит спросить у проводника, и для вас найдется отдельное купе.

– Давайте попробуем обойтись без проводника. Согласитесь, что каждый, кого мы встречаем в жизни – это шанс, потому что можем узнать о себе что-то новое. Иногда это может быть полезным, – он вздохнул, – может, благодаря этой путанице, вы мой шанс, а я – ваш.

Люси не отвечала, прислушиваясь к собственным чувствам. Что-то ей подсказывало, что в новой полосе жизни эта встреча была предрешена.

– Послушайте, если даже что-то происходит не так, как мы того ожидаем, это не повод разочаровываться, правда. Вы же меня не выставите? Там ночь, – он выжидательно смотрел на нее.

Поезд дернулся, подался назад и затем плавно двинулся вперед. Некоторое время они изучающе смотрели друг на друга под медленный перестук вагонных колес, набирающих обороты.

В голове Люси калейдоскопом промелькнули лихорадочные терзания последних трех месяцев, которые окончательно

но вымотали ее. Собственно поэтому она и нашла способ создать себе уединение и сделать передышку – взяла билет и села в этот поезд. Сейчас она чувствовала как разлившаяся мутными водами, подобно реке, ее душа, возвращается в свои берега...

– Bravo, – наконец произнесла Люси, – прекрасное выступление. Я за гармонизацию мира. Садитесь. Что там у вас, свежий хлеб? Доставайте, прошу. У меня от запаха уже голова кружится.

Взметнувшаяся бровь выдала его приятное удивление от такой смены настроения. Глаза засветились. Он сделал шаг вперед и, не оборачиваясь, задвинул рукой дверь за своей спиной. Пока он разматывал шарф, повязанный на французский манер, снимал куртку и ломал хлеб, Люси, без всякого стеснения, разглядывала его. Из-под черного короткого свитера небрежно выглядывал край белой футболки, брюки цвета хаки плотно облегли подтянутую фигуру, на ногах были надеты какие-то немыслимые модные высокие ботинки, похожие на боты оттенка бутылочного стекла. Недельная небритость не выглядела запущенной, а имела красивую форму. Легкая седина сглаживала линию скул и подбородка. Большие, четко очерченные, волевые губы напоминали форму лука. На правом запястье красовались крупные спортивные часы. Она обратила внимание на циферблат: 00:00. Он достал из сумки сверток и развернул бумагу, в которой оказалась крупная розовая соль.

– Гималайская, – одобрительно отметила Люси. Алекс посыпал солью хлеб и наконец протянул ей.

– Вы так внимательно меня рассматривали... нашли что-нибудь интересное? Если скажите как вас зовут, это придаст мне немного уверенности, – произнес он, располагаясь напротив Люси.

– Вы кто вообще? – Люси удивилась своей бесцеремонности.

– Вообще, я коллекционер. Винтажной одежды.

– Как интересно. И где же ваш багаж, Коллекционер? Где эти сокровища, добытые под покровом ночи в спящей мирно деревне?

Он никак не отреагировал на колкость и не отвел глаз, внимательно присматриваясь к ней. Спустя некоторое время Алекс неожиданно произнес:

– Мой папа очень любил маму. Я всегда с любопытством и восхищением наблюдал за их отношениями. Когда она была недовольна и начинала ругаться, он молча ставил ее в ближайший угол и нежно так прикрывал рот своей рукой.

Он слегка развернул свою ладонь в сторону лица Люси, но не приблизил к нему.

– Когда она наконец заканчивала браниться, он целовал ее и брал руки в свои... С тобой я буду поступать так же.

От такого внезапного перехода к жизненным совместным перспективам Люси поперхнулась, на ее глазах выступили слезы. Наконец откашлявшись, она уставилась на Алекса с

выращенными глазами:

– Алекс, что за фантазии?! Я не улавливаю направление вашей мысли! Но, если я правильно поняла, вы хотите сказать, что очень любили своих родителей, а они любили друг друга.

Он поднялся:

– Я пойду курить. А когда вернусь, надеюсь, ты скажешь мне свое имя, – в дверях он задержался, – ты красиво держишь и ломаешь хлеб.

Люси посмотрела на свои руки:

– Правда? – переспросила она. – А Ева Гарден исключительным образом умела держать в руках бокал с вином. Здорово бы было нам встретиться на одной вечеринке: она – с бокалом, я – с хлебом. На радость фотографам. Но... увы. Только вы мои навыки можете оценить.

– Ну, у тебя еще будет много фотографов. Они будут охотиться за твоими руками, чтобы сделать фото украшений с редкими камнями от лучших ювелирных домов... А сейчас успокойся, ешь хлеб и думай о том, что я сказал. Только не нервничай, пожалуйста. А, еще вот что. Мама каждое утро приносила папе в постель отличный кофе. И только потом он вставал, принимал душ, брился и... отправлялся на работу.

И Алекс вышел, оставив дверь открытой.

Пока его не было, Люси чувствовала легкое возбуждение и хотела, чтобы он поскорее вернулся. «За это время можно уже выкурить полпачки сигарет...» – думала она, посматри-

вая на часы.

Когда он наконец появился в купе и задвинул дверь, Люси назвала свое имя и добавила:

– Но знаете, Алекс, имейте в виду: я не собираюсь провести свою жизнь в вашем углу.

– Если не захотите, то и не проведете, – легко согласился он, –...а папа, возвращаясь с работы, всегда приносил маме цветы. Всегда. Она всегда приходила от этого в восторг. И мне это очень нравилось.

Он произнес это так, будто в их прежнем разговоре не было паузы на длинный перекур. А Люси обратила внимание на то, что он употребил в обращение вежливое «*Вы*», хотя уже раньше легко и быстро перешел на «*ты*».

Они говорили все время, выдерживая длинные паузы, он часто выходил курить. А когда возвращался, разговор мог продолжаться с любой фразы, которая не имела отношения к предыдущей незаконченной теме. Со стороны могло показаться, что они думают и говорят не очень беспокоясь о последовательности разговора. Обрывки мыслей материализовались в слова. Или слова возникали сами по себе, как из воздуха, и тогда это их забавляло. Молчание тоже не имело ни начала, ни продолжения. Оба были немногословны, не задавали друг другу дежурных вопросов (как обычно случается у вынужденных попутчиков). Они почти ничего не рассказывали друг другу о себе. Никто не сказал откуда, куда и

почему едет. Но потом, когда Люси вспоминала их ночной разговор, он казался ей удивительно содержательным и наполненным необыкновенно глубоким смыслом.

Он часто, слишком часто, как казалось Люси, выходил курить. Всегда неожиданно. Как бы на полуслове. На коротких остановках он спускался из вагона, чтобы пройтись вдоль перрона. Люси тревожно ожидала его возвращения, ловя себя на страхе, что он может не вернуться.

Впрочем, именно так и произошло. Он исчез так же неожиданно, как и появился. Она не заметила, как он забрал свою сумку. Случилось это так: приближалось утро. Поезд остановился, Алекс сказал, что принесет им чай. Через некоторое время в купе появилась проводница, держа в руках один стакан с торчащей из него ложкой.

– Почему один? – спросила. Люси, – сейчас вернется мой сосед, он тоже собирался пить чай. Проводница удивилась и забеспокоилась.

– Сосед? Но вы же одна в этом купе едете?

– А почему тогда вы мне чай принесли, я же вас не просила. – в свою очередь резонно спросила Люси.

Девушка выглядела растерянно:

– Ну, мужчина, он проходил мимо и сказал, что вы просили, чтобы чай принесли...

– Куда он проходил мимо вас? – жестко спросила Люси.

– В следующий вагон. У вас что-то пропало? – совсем расстроенным голосом спросила девушка.

– Ох, простите меня, – Люси дотронулась до ее руки и устало улыбнулась, – все в порядке, не беспокойтесь. Я действительно его просила об этом одолжении: видела, что он шел в вашу сторону, а мне лень было обуваться.

Проводница облегченно улыбнулась:

– На этой станции поезд будет стоять минут двадцать, не меньше. Вы можете выйти на другую сторону от перрона. Там такое поле красивое, все седое. Это ковыль растет. И воздух утренний. Звенит. Тихо очень, в вагоне все спят еще. Я вам дверь открою.

– Спасибо, дорогая. Да, я, пожалуй, выйду...

Сначала Люси брела вдоль вагонов по дорожной насыпи. Но потом пошла вглубь поля. Она плавно двигалась в шелковистой траве, прикрыв глаза и вдыхая терпкий аромат земли. Неожиданно нога ее подвернулась и Люси потеряла равновесие. «Так... – она ощупала стремительно опухающую щиколотку, – надо подниматься и аккуратно возвращаться назад».

Она оценивающе прикинула расстояние до поезда: «Кажется, я ушла недалеко. Но если он сейчас тронется, и я не успею? Сколько времени уже прошло?» – вздрогнула Люси. Она попыталась встать, но все тело пронзила резкая боль.

Через мгновение она почувствовала пронзительный взгляд на своем затылке и осторожно повернула голову. Ошеломленная, она машинально схватилась за протянутую ей руку. Алекс присел рядом и свободной рукой поправил ее непослушную прядь на лбу.

Люси дернула головой и спросила со злой иронией:

– Вот ты где, готовишь травяной сбор для обещанного чая?

– Послушай внимательно, – сказал он со снисходительной улыбкой, – перестань метаться. Даже когда меня нет рядом, тебе не нужно беспокоиться. Никогда. На этом пути твоя и моя свобода и независимость ничем не ограничены. Я, как и ты, мы сели в один поезд, потому что выбрали это направление... и я буду сопровождать тебя до конца. Она разжала пальцы, обхватывающие его запястье, и отбросила от себя его руку.

Мгновенно что-то зажглось в ее правом глазу и из него выкатилась дрожащая слеза. Она боялась ссор во сне, зная, как потом трудно заснуть от внезапного пробуждения. «Боже мой, черт... этот красавец говорит мне... то есть что он сейчас сказал? Господи, я ничего не понимаю. Откуда?»

Резкий крик петуха разорвал утро.

SCHERZO 6

6/// тонкими пальцами перебирать пазлы, рассыпанные вселенной, чтобы собрать из них свою картину мира

Музыка: Don't Exslain/ Chantal Chamberland

Она нащупала телефон и взглянула на экран. Никаких пропущенных звонков. Она сделала несколько глотков воды, прикрыла глаза и опустила голову на подушку.

Люси хорошо помнила тот день. В одно мгновение их мир лопнул, как лопается, поднявшись над землей и переливаясь радужными толстыми боками, мыльный пузырь. Однако сила физических и душевных переживаний, которую она тогда испытала, открыла ей новые «двери» сложного, иногда мистического восприятия мира. Но даже тогда, в момент высокого эмоционального напряжения, они обошлись без драматичных жестов и поступков: просто приняли решение, что никогда не будут вспоминать о том, что произошло. И вот теперь, спустя столько лет, Алекс пытается заговорить с ней об этом.

Зазвонил телефон. Люси вздохнула и взяла трубку:

– Алекс, пожалуйста, не продолжай. Мы тогда все решили. Не будем вспоминать. Это разрушительно... – она слышала как он замер.

Потом он настойчиво произнес:

– Я не понимаю. Почему ты не хочешь меня выслушать...

– Ты все понимаешь. Эти разговоры о прошлом ничего не изменят. Тебе давно пора вычеркнуть эту дату из своего

календаря.

Они молчали.

– Понимаешь, мы оба тогда справились и вернулись к жизни. Тебе не нужно оправдываться, что-то объяснять. Достаточно того, что ты смог разобраться с собой. Я всегда говорила, что благодарна тебе, – мягко произнесла Люси, – благодаря тебе мой мир изменился, он стал огромным. Я нашла в нем свое место. Ты оказался тем, кто помог мне постичь себя.

– Мне не нужно ни оправдываться, ни объясняться. Но ты боишься. Чего? Что именно ты смогла постичь в себе? Тебе стоит разобраться в том, чего ты боишься все эти годы... Когда ты приедешь? Знай, что я исправно поливаю цветы, они уже нагло выползли из всех кадок. Здесь на террасе пылающее пьянящее море из твоих кровавых гераней и желтых настурций, – напряжение в его голосе пропало и Люси почувствовала облегчение.

– Я думаю, что я справлюсь со всеми делами за два-три дня. Я тоже скучаю по тебе. И передавай привет Сержу. Скажи ему, что я не оставляю мечту о ватиканских садах.

– Господи, ты невероятная! – Алекс расхохотался в полный голос.

Люси взглянула на часы. Надо было собираться. Здесь, как и в других местах, где она часто бывала по делам или на отдыхе, у нее был собран гардероб из необходимых вещей для любого случая. Она тонко чувствовала стиль горо-

дов. Поэтому ее английский гардероб не был похож на французский, а французский на итальянский или португальский. Везде она была своя «иностранка»... растворялась в каждой атмосфере, по-своему соглашаясь с обстоятельствами и традициями культур.

Пока она выбирала наряд, телефон опять зазвонил:

– Люсана, добрый день. Это Кэти. Извините, Вы можете сейчас говорить?

– Да, Кэти, здравствуйте. Конечно. Мне давно следовало вам позвонить самой. Извините, вы так много делаете для меня, а я... Я сейчас в Лондоне, прилетела утром и собиралась с вами встретиться.

– О, как хорошо! Вы нужны нам здесь. Знаете, уже сделана большая подготовительная работа, я должна вам все показать и рассказать. И нам нужно определить дату открытия. Но есть один важный вопрос. Вернее, предложение, – Кэти запнулась, – совершенно неожиданное предложение, мы получили его только вчера. Вашей выставкой заинтересовалась одна известная особа, Нора Берджесс. Она хочет перенести выставку из нашей галереи в свой дом. Правильнее будет сказать в замок, или поместье, я даже не знаю что вернее. Думаю, вам следует выслушать ее лично. Скажите какое время встречи вам удобно, и я немедленно свяжусь с ней.

– Вот как? Что же, это действительно неожиданное предложение. Интересно узнать, чем вызван такой интерес, странно. Я собиралась в Гринвич, но могу изменить планы.

Звоните и уточните, пожалуйста, я подожду.

Люси нужно было подготовиться к встрече и она не размышляла долго – достала белоснежную рубашку с воротником-стойкой, черный двубортный костюм с медными старинными пуговицами (пуговицы были подарком Алекса). Укороченный жакет и узкие брюки выше щиколотки придавали ей почти аристократический вид. Остроносые туфли на низком каблуке из мягкой кожи цвета коньяка, мягкая объемная сумка-клатч в тон. «Да, пожалуй, так» – решила Люси. В ожидании новостей от Кэти она начала проверять почту, но опять зазвонил телефон:

– Юрий? – удивленно и радостно воскликнула она.

– Люси, имей совесть! – в его голосе слышался легкий упрек, – Ты не звонишь целую вечность! И что, когда ты собираешься приехать?! Мы с Антонио соскучились ужасно, нужно многое тебе рассказать. Умоляю, прилетай! Ты же знаешь, я невыездной.

Он говорил быстро, но сохранял свою, по обыкновению мягкую, слегка растянутую манеру речи. Люси слушала, улыбалась.

– Юрий, я уже здесь!

– Как здесь? Ты в Лондоне и ты нам не звонишь?

Она слышала звон посуды и эмоциональный взрыв итальянца.

– Антонио, Антонио, подойди, ты хочешь услышать Люси?! – пространство вокруг Юрия ожило и радостно завибри-

рировало.

– Не сомневайся, ты бы узнал о моем приезде уже сегодня. Я так рада тебя слышать! Я готова встретиться с вами завтра. Какие у вас планы?

Трубка Юрия, казалось, рыдала от восторга:

– Да-да, завтра! Только больше ничего, пожалуйста, не планируй на завтра, а то я тебя знаю. Когда приедешь? Ты возьмешь поезд или Антонио приедет за тобой, хочешь?

– Юрий, ради бога, я сама приеду. Обнимаю вас, до завтра. Я позвоню, когда буду выезжать.

На второй линии была Кэти:

– Люсана, баронесса готова приехать а галерею через три часа. Вас это время устроит?

– Конечно, Кэти, спасибо. Я буду немного раньше, чтобы мы могли поговорить о выставке.

«Итак, есть всего три часа до встречи с Норой Берджесс. Значит, Гринвич отменяется. Но есть время для короткой прогулки в маленьком парке, что в 10 минутах от дома. А потом можно присесть в соседнем баре, чтобы разобрать электронную почту...» – думала Люси, натягивая спортивный костюм. Она сложила в рюкзак компьютер, надвинула на глаза кепку и спустилась в лифте.

– Извините, – голос раздался за ее спиной, когда она уже повернула за угол дома. Люси обернулась и остановилась. Перед ней стоял парень с большим продуктовым бумажным

пакетом в руках. Он говорил, склонив голову к плечу и внимательно разглядывая ее:

– Да, я тоже удивился, когда вас увидел, – он отвечал на ее удивленный взгляд. Мы же летели вместе. Я видел, что вы вышли из этого дома. Меня зовут Дэниэл. Я живу здесь, – он сдержанно улыбался.

– Вот как? Невероятное совпадение. Я Люси. И я тоже здесь живу.

– Надо же, действительно неожиданное совпадение. Я преподаю в этом университете. Если у вас будет сегодня время и желание, приглашаю на легкий ужин, – Дэниэл приподнял для убедительности свой пакет, – квартира 14. Буду рад.

Он говорил легко, без излишней заинтересованности, которая иногда может быть отталкивающей.

– Хорошо. Спасибо. Возможно, – задумчиво произнесла Люси, – но я не обещаю, потому что мои планы на сегодня неожиданно стали меняться.

– Мое приглашение бессрочное, однако через неделю я снова улечу. Знаете, я рад нашей спонтанной встрече.

«С чего бы это?» – подумала Люси и почувствовала как по спине стала подниматься тонкая упругая волна. Так ее тело реагировало на все неожиданное и значительное. Оно предчувствовало: что-то произойдет в ее жизни.

Прогулка в парке взбодрила Люси. Она вернулась, чувствуя себя отдохнувшей. Быстро переоделась и уже через полчаса вышла из дома.

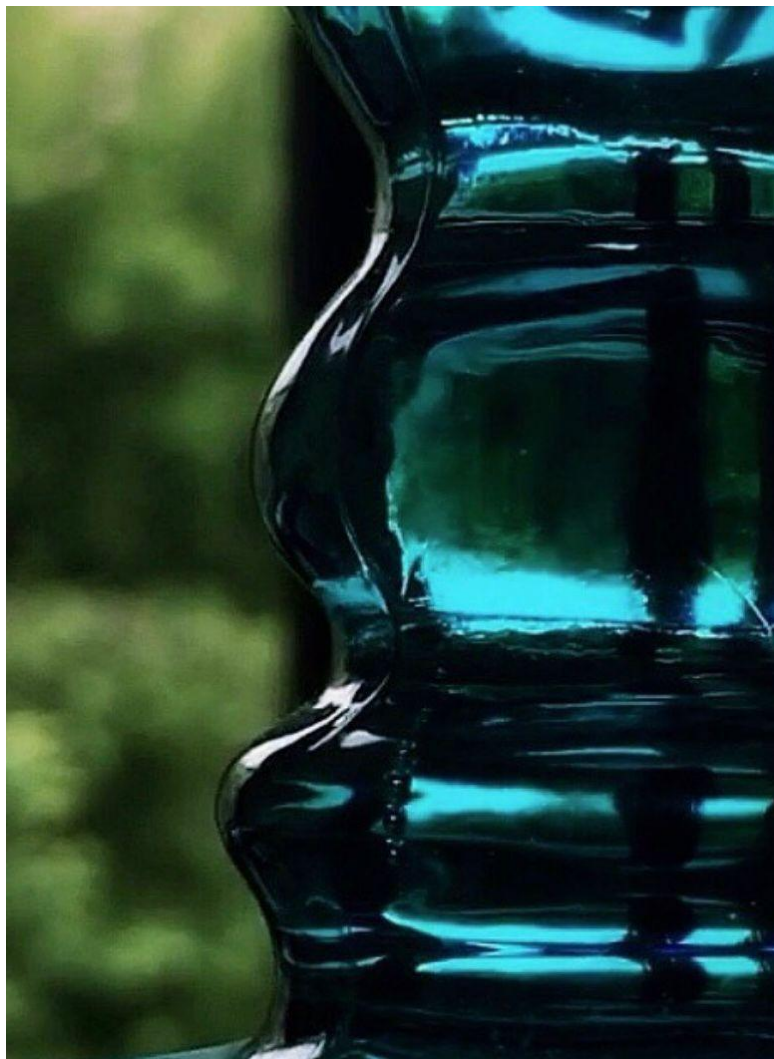
В галерею она ехала в классическом кэбе. Ничто не могло заставить ее отказаться от такого удовольствия. Она прекрасно знала историю всех семейств лондонских кэбов и их предшественников. Иногда своими рассказами она настолько очаровывала своих каби (этих уважаемых респектабельных водителей-бизнесменов), что иногда те дарили ей экскурсионные поездки по городу. И от них она узнавала все новые и новые удивительные тайные места. Из машины Люси отправила сообщение своей родственнице Нине: *«Я в Лондоне и буду рада повидаться»*.

Кэти была как всегда собрана и точна в изложении текущих дел по организации выставки. Но она определенно была взволнована предстоящей встречей с загадочной Норой. Их разговор прерывался трижды: все три раза звонила Нина и безапелляционно требовала от Люси подтвердить данное обещание приехать вечером и остаться у них на ночь. К тому же каждый раз она докладывала, какие ее задания по подготовке к встрече выполняет Вовка. Вовка был мужем Нины, заслуженным и почитаемым ученым-биологом. Он обладал многими талантами, но самыми яркими и общедоступными для близких были его неподражаемое чувство юмора и страсть к приготовлению разнообразных блюд с непременной сервировкой стола. Наконец Люси дружески пригрозила отключить телефон, чтобы иметь возможность провести спокойно необходимые переговоры. Ответив на это, Нина добродушно дала несколько наставлений и пообещала не

беспокоить ее в течение ближайших двух часов.

Люси внимательно слушала Кэти и все больше удивлялась развитию абстрактных идей, которыми обрастала предстоящая выставка. Кэти успела только перечислить все возникающие в связи с этим вопросы, требующие согласия Люси. Ровно в 16 часов, как и было согласовано, в просторном холле галереи появилась баронесса. Нора Берджесс. Аристократичная пассажирка самолета, с которой утром летела Люси.

SCHERZO 7

7/// перо обмакнув в капли дождя, дразнит мятые салфетки, обожженные солнцем

Музыка: Because you love me /Kaz Hawkins

Она вошла легко и уверенно. В руках – огромная охапка свежесрезанных нежнейших роз, обернутая большим лощеным листом. Эти цветы и их дурманящий абрикосовый аромат обволакивали Нору, придавая ей еще больше шарма. Под колыханием одежд чувствовалась сила гибкого, стройного тела. Баронесса была в белом: широкие мягкие брюки из непрозрачного шелка и свободная рубашка навывпуск, с расстегнутыми у груди пуговицами. Не было ни одного украшения и от этого она выглядела особенно вызывающе сексуально. «Даже дразняще неприкрытой...» – мелькнула мысль в голове Люси.

– У вас найдется ведро для этих безумцев? – вопрос и дружелюбная улыбка долетели до Люси и Кэти прежде, чем приблизилась сама баронесса. Она положила цветы на дубовый стол, а сама опустилась на зеленый прозрачный стул. У нее не было ни сумки, ни телефона – обычных атрибутов современной ежедневной жизни. От этого казалось, что она может легко исчезнуть, просто раствориться в ароматном облаке, из которого внезапно возникла.

– Здравствуйте, Кэти. Здравствуйте, Люси, – она смотрела прямо в глаза, когда обращалась к ним. И взгляд ее затягивал в темно-синюю мерцающую глубину.

– Боже, Нора, какие цветы!

Кэти раскинула руки и низко наклонила лицо над букетом, долгим вздохом втягивая их аромат. Ее черные волосы рассыпались над цветами. Этот контраст отозвался в сердце Люси сильным толчком и на мгновение она почувствовала спазм в горле.

– Я попрошу принести воду для этих красавцев! – произнесла Кэти, воспроизводя манеру Норы, – Думаю, что потом вы захотите обсудить все вопросы наедине. Но я буду рядом, в соседнем зале, если понадобится.

Прежде чем уйти, она вытянула из рассыпанного букета одну розу и вложила в свой блокнот. В провожающем взгляде Норы Люси заметила одобрение. Как только Кэти вышла, баронесса заинтересованно взглянула на Люси и спокойно произнесла:

– Надеюсь, вы быстро добрались до дома после ночного перелета. Смогли хорошо отдохнуть? В самолете у вас был озабоченный вид, – Нора протянула руку и мягко коснулась кисти Люси, – не удивляйтесь. Я знала кто вы такая еще там, в самолете. Но наше знакомство должно было состояться при других обстоятельствах, не так ли?

– Какой у вас редкий тембр голоса, он похож на молотый черный перец, – ответила Люси на Норино приветствие.

– Действительно? Мне нравится такое сравнение, – задумчиво согласилась Нора.

– Прежде, чем мы начнем говорить о вашей выставке и моем предложении, вы должны знать: я прочла вашу книгу.

– Но она еще не вышла из печати, как это возможно?

– Выразусь точнее: я прочла рукопись, как только она оказалась в издательстве. Alessandro Dalai дал мне.

– Да, я знаю о ком вы, но не *Он* мой издатель.

– Давайте эту историю я вам открою позже. А сейчас я должна сказать почему хочу предложить свое участие в организации выставки. И если вы сочтете мою идею достаточно перспективной для этого проекта, будем углубляться в детали. Согласны?

– Да, мне любопытно, – кивнула Люси. – И мне нравится *как* начинается наше знакомство.

Она отодвинулась от стола и приготовилась слушать. Ей нравилась Нора. Ее голос. Движение ее рук. В ней была живая энергия, которая не искала выхода, но обладала магией притяжения.

– Знаете, Люси, мне кажется, эта выставка может стать гораздо большим проектом, чем знакомство с фотографиями. Я это почувствовала, когда читала вашу книгу.

– Нора, я не очень понимаю, что вы хотите сказать...

– Вы пишете об эмоциях, о трансформациях, которые могут происходить в человеке как результат глубоких переживаний. Жизненная энергия пробуждается, когда человек

способен включать воображение. Эта энергия существенно влияет на качество жизни. Ее сила может быть разрушительной, но и созидательной, если человек способен разумно управлять ею... Я согласна с вами, что воображение способно питаться самыми невероятными сюжетами... и оно же является источником наших жизненных сценариев. Нужно лишь время и место для раздумий. Об этом мире, о собственной природе. О том, кто мы сегодня, вчера, завтра... Когда мы способны и желаем погрузиться в них, границы с тем, что привычно называем реальным миром, становятся очень тонкими... Вы даете своему читателю возможность оказаться в собственном Зазеркалье... – неожиданно Нора замолчала. Она наблюдала за Люси, которая прикрыла глаза.

Этот разговор совсем не был похож на деловую встречу, которую ожидала Люси. Она почувствовала вибрацию и нарастающее напряжение. Мир вокруг нее как будто посылал предупреждения, которые она пока неспособна была расшифровать. Как тогда, когда все началось.

В тот раз это продолжалось... неделю? Нет, кажется, больше. Регулярно, по несколько раз на дню она становилась свидетелем автомобильных аварий. Тогда она почти не спала, но и не уставала. Даже наоборот – ощущала себя источником возникшего торнадо, и одновременно потребителем его энергии.

Она открыла глаза и встретилась с внимательным взглядом Норы.

– Эмоции создают энергию, которая нас очищает – это очень полезно, – произнесла Люси. – Нора, скажите, я хочу понять, что вас заинтересовало в моих работах и что вы хотите сделать с этой выставкой.

– Ваши столы и стулья – прекрасные декорации для собственного спектакля жизни, сценарий которого может написать любой желающий. Хотя нет, не любой, а тот, кто дает волю своим фантазиям и свободу воображению. И сам готов определить себе главную роль.

Нора выдержала недолгую паузу и продолжила, следуя за своей мыслью:

– Но это становится возможным только тогда, когда человек осознает безграничность своих возможностей. Я хочу, чтобы ваша выставка разбудила в человеке любопытство, помогла преодолеть привязанности и страхи, понять, что земной возраст – это искусство возможного, это лишь время, которое находится в человеке, когда он находится здесь... Я предлагаю создать выставку-спектакль, в котором посетители будут становиться его участниками и сами будут определять сценарий. Ваша книга натолкнула... Вы могли бы приехать ко мне? – перебила она себя. – Хочу показать место, куда предлагаю перенести выставку. Если вы ответите «да», я буду считать, что сказала достаточно, чтобы вас заинтересовать. Если «нет», позвольте, я сделаю еще одну попытку и пришлю вам план-презентацию проекта. Баронесса встала и подошла к огромному окну. Небо за ним набухало, и

на глазах становилось сиренево-серым. По стеклу беззвучно скатывались крупные капли дождя. Нора обернулась и произнесла:

– Мы ведь сделаем это, не так ли?

SCHERZO 8

8/// винная симфония на тонкой кромке бокала у равнове-

сит голову и сердце долгим послевкусием безоговорочно наполненного теплотой чувства

Музыка: Oggi sono io/ Mina

– Я хочу предложить вам вот что, – Люси тоже подошла к окну, – у меня есть записи, не вошедшие в книгу. О выставке. Я приеду к вам и на месте прочту ваш план-презентацию, вы – мои фантазии. Если окажется, что наши видения (Люси произнесла это «видЕния» особенно объемно и значительно) совпадают – мы сделаем это.

Мокрое стекло мистически отражало две женские фигуры, устремленные в размытую дождем фиолетовую бездну, подсвеченную пульсирующим неоном.

– Ваше предложение возбуждает мой интерес. Когда вы сможете приехать?

– Я думаю, послезавтра это возможно.

– Очень хорошо, пришлю за вами машину. Напишите где и во сколько вам будет удобно. Эта наша встреча... Впрочем, поговорим об этом позже, у нас впереди будет достаточно времени...

Они не поворачивались друг к другу, а изучающе смотрели в подсвеченные в окне прозрачные лица и наблюдающие за ними извне внимательные глаза. Недосказанность пульсировала и наполнялась таинственными символами. Внезапно в дождливом бесконечном туннеле за прозрачной стеной над

их головами вспыхнул огненный шар. Они увидели высокую фигуру Кэти, стоявшую за их спинами.

– Я решила включить свет, стало как-то совсем темно, – улыбнулась она.

Над потолком колыхалась диковинная светящаяся субстанция, похожая на огромный расплавленный шар, выдуваемый виртуозным стеклодувом. Шар менял свою затейливую форму в зависимости от хаотично движущихся внутри ярких светлячков.

– Красивая люстра, правда? – Кэти тоже подняла голову, – Это мой друг придумал, – пояснила она, – в его голове постоянно рождаются всякие затейливые штуки. Порой ему даже удается что-то реализовать.

Люси и Нора заворуженно смотрели на этот удивительный объект.

– Я хотела спросить, может быть нам выпить чаю? – невозможно предложила Кэти, хотя уже понимала, что гости не готовы задерживаться дольше.

Дождь кончился. Воздух был влажным, чистым и теплым. Он ярко пах свежесрезанной травой и гравием. Люси неторопливо шла по зеленой аллее в сторону дома Нины на другой стороне Гайд парка в «Мьюз-хауз». Когда-то это были старинные конюшенные дворы. За фасадами фешенебельных особняков в них размещались экипажи с каретами. Теперь эти застройки превратились в престижные модернизи-

рованные дома. Лондонцы ценят их за камерность, уединенность и оригинальные архитектурные черты.

Люси любила эту дорогу, Нинин дом. И чрезвычайно любила их встречи. Нина была уникальным в своем роде собеседником. Она в совершенстве, по мнению Люси, владела искусством “small talk”. Незначительное замечание или вопрос она могла развернуть в короткую, но удивительно любопытную историю. Эти беседы, случалось, имели неожиданное продолжение. Например, однажды, с ее легкой руки Люси стала «коллекционером дождя».

В тот вечер они привычно сидели на огромных мягких кожаных подушках на полу перед камином и Нина, имеющая филологическое образование, задумчиво сообщила:

– Лондонские дожди описывают так бесстыдно скучно и однообразно сварливо. А между тем дождь – это удивительное эмоциональное переживание по ритму, запаху, цвету... Вот завтра, кажется, будет дождь, – она строго посмотрела на Люси, – и я хочу, чтобы ты мне рассказала о нем, а я смогла почувствовать. И...

Она на секунду задумалась, а потом расхохоталась своей неожиданно пришедшей идеи:

– И напиши какое вино подойдет к этому дождю. Не просто название. Опиши его так, чтобы оно совпало с настроением дождя, – настойчиво потребовала Нина.

Вот так все и началось.

На следующий день действительно до обеда шел дождь, но

к вечеру выглянуло влажное солнце. К этому времени Люси уже улетела в Италию. И уже оттуда послала Нине бутылку вина, приложив конверт с запиской, сделанной густыми синими чернилами на офсетной бумаге.

«Ну что ж, завтра обещают окончание сезона дождей, и к вам вернется солнце... Водосточные трубы по всему городу вылили свои прощальные чистые слезы. Поэтому возвращаю вас к спокойному и аккуратному белому вину из целых гроздей с дикими дрожжами. Вот вам итальянский автохтон Гарганега из Венето от ребят, исповедующих натуральный подход: Santa Colomba. Желаю вам элегантного дня с бокалом, где вы обнаружите белые цветы и морскую соль, мягкие фрукты и легкую маслянистость. Этикетку сохраните с вашими отзывами на обратной стороне!»

Эта забавная игра, подхваченная Люси шутки ради, получила неожиданный горячий отклик со стороны Нины с требованием продолжать. И вот уже пять лет Люси «собирает дождь» во всех городах мира, а к нему подбирает вино.

Бутылка «дождливого» вина распивается под треск лондонского камина и чтение записок. Аккуратно снятые этикетки с пометками к выпитому вину и короткие записи о проведенном с этим вином вечере Нина обвязывает специальной лентой и хранит в пробковой коробке... Это превратилось в маленькую взрослую игру: глубокую и вдохновенную традицию.

Люси все еще пребывала в воспоминаниях, когда, подходя

к дому, увидела у дверей знакомую фигуру. Нина распахнула объятия и обвила Люси руками. За ее рассыпанной гривой непослушных медных кудрей летала Вовкина обаятельнейшая, лучезарная улыбка. Воздух дрожал от радости встречи. Наконец они уселись в узкой, но изысканно обустроенной столовой, выполненной в оттенках серого, за длинным столом с массивной глянцевой белой столешницей. С неизбежными серебряными подсвечниками разной формы. Перед каждым стоял свой, непохожий на другие, комплект тарелок и приборов. Бокалы тоже были разные, но сегодня – под красное вино. Индивидуальные вышитые салфетки в серебряных кольцах. В массивной стеклянной вазе пылал букет из ромашек, васильков и маков. Люси знала, что ее ждет головокружительно вкусная во всех отношениях ночь.

– Напоминаю: до наступления полночи мы должны традиционно погулять по парку, – поднял палец Вовка.

Нина распахнула на него свои кошачьи глаза:

– Профессор, ты с ума сошел! Она ночь летела и с утра на ногах. Давай корми нас быстрее и неси вино. Мы должны очень многое обсудить пока она не уснула! Люси, ты же не уснешь? Обещай! Вовка, спрячь ее телефон, я не хочу, чтобы она отвлекалась. Послушай, дети хотели прийти, когда узнали, что ты приедешь. Но я им запретила, ты не сердись? Если ты задержишься в Лондоне, мы все можем встретиться в ресторане. Но не сейчас! – Нина держала Люси за руки, будто боясь, что та может неожиданно исчезнуть.

– Нинси, угомонись! И дай мне, наконец, расслабиться! Я здесь и никуда уходить не собираюсь, пока не мы не устанем от еды и разговоров. И пока я не увижу рассвет над лондонскими крышами!

SCHERZO 9

9/// бегство в бесконечности спянной реальности... об-
витой протянутой рукой вечности

Музыка: Tu Per Me/ Angelo Camassa

Люси развернула листок, лежащий перед ней на крахмальной салфетке. Это был перечень подачи сетов, традиционно записанный Вовкиной рукой. Вместо названия он придумывал, рисовал и присваивал своим блюдам невероятные иероглифы. Люси хранила их: драгоценные фантазийные рукописные меню. Она давно раздумывала как бы оформить эти маленькие шедевры и превратить в семейную реликвию.

На их столе никогда не было изобильных ваз с салатами или тарелок со всевозможными нарезками. Блюда подавались и заменялись в лаконичной последовательности. Сейчас столовая утопала в тонких многослойных ароматах. Они переплетались и поглощались друг другом, чарующе меняя оттенки.

– Вовка открыл запах рая, правда?! – подмигнула Нина и посмотрела на Люси сквозь хрустальное стекло высокого бокала, – Если бы мой муж не был выдающимся биологом, он мог бы стать выдающимся парфюмером или выдающимся поваром. В любом случае – выдающимся. У него такая природная склонность.

Сочинять необычные блюда было увлечением профессора. Он удивлял своими неустанными изобретениями, увлеченно исследовал и филигранно сочетал запахи и вкусы самых простых продуктов. Это была магия.

– В Средние века тебя сожгли бы на костре, мой дорогой! – Нина потрепала его по голове и чмокнула в лоб.

– Сегодня Вовка нас будет кормить морковкой, – весело объявила Нина, – он там чего-то наколдовал. Будь терпелива, кажется, нас ожидают четыре или пять морковных шедевров. Вообще-то, я на всякий случай заказала мясо в аргентинском ресторане, должны доставить через час. Э-э-эх, если бы Мишлены знали об этом самобытном таланте, собрали бы все розданные звезды, умножили бы их число на три и вручили нашему профессору!

Нина заговорщически смотрела на Люси:

– Сегодня был огромный дождь, мы ждали... ждали какое вино ты к нему выберешь и как опишешь его торжество!

Люси легко рассмеялась. Она обожала атмосферу этого дома и легкий нрав его обитателей.

– Вот вино, пожалуйста! – она достала из сумки бутылку, тайно завернутую в черный шелк и скрепленную у горловины золотым кольцом с бирюзовой подвеской в форме перепелиного яйца. – Видите, я подготовилась! Буду читать, потому что не хочу упустить детали, они важны.

Люси вытянула из черного конверта листок и прочла:

– Сегодняшний дождь – предвестник волшебного вечера с вами...:

из тайной бесконечности неба каплями сочится любовь, разорванная электрическими разрядами... и эти горячие капли соединяются в огромной вселенной нашего сердца...

– Это будет красное вино, я чувствую, – прошептала Нина. Ужин был ожидаемо невероятно хорош.

– Я с вами перерождаюсь, – расслабленно произнесла Люси, когда они уже перешли от стола к камину и по обыкновению растянулись перед ним на огромных кожаных мягких подушках цвета шоколада, –... и наполняюсь до краев каким-то новым, чистым содержанием...

– Люсьен, давай мы тебя удочерим и ты всегда будешь чистая и содержательная! Но! Предлагаю вам детали этого проекта обсудить уже без меня. Пойдемте прогуляемся по парку и потом мне надо пойти поспать. Мне утром рано предстоит встреча с «нерадивым» студентом, я должна явиться убедительной училкой с непререкаемым авторитетом.

Нина учила русскому тех англичан, которым язык был необходим по работе. Она делала это виртуозным способом: без определенной, как казалось на первый взгляд, системы и общепринятых в таких вещах педагогических правил. В ее голове план проведения очередного занятия строился только в тот момент, когда она видела ученика перед собой. Нина моментально считывала его настроение и готовность к восприятию материала в этот конкретный момент времени. Дальше все раскручивалось как по спирали вокруг одного нового слова или простой фразы, которые обрастали лингвистической историей. Нинин русский акцент был неистребим, но ее английский был безукоризненно грамотным. Желающих заниматься с ней всегда было более чем достаточно,

лист ожидания был бесконечен. Но она не вела групповые занятия и не признавала онлайн-обучений: «Это как через запертые окна вдыхать аромат сада», – говорила она морщась.

– А в 11:00 мы поедem на Portobello. Найдем там что-нибудь для твоего любителя старины. Ты же к Юрию завтра собираешься, правильно?

После возвращения с короткой ночной прогулки они поговорили еще пару часов, в течение которых Нина десятком раз порывалась отправиться в постель.

– Ну все, оставляю вас, – в этот раз она заявила решительно и поднялась, – уверена, вы не будете скучать без меня.

– Давай немножко на улице посидим? – Люси вопросительно посмотрела на Володю, когда Нина ушла.

– Там уже сыровато, но волшебно. Пойдем, – он поднялся, подал ей мягкий плед, вынес на улицу два табурета и поставил их сбоку от входной двери рядом с горшком, в котором рос жирный алоэ.

Они сели рядом, подперев шершавый влажный фасад дома и запрокинув головы к туманному небу, на котором не было ни звезд, ни луны. Несколько минут сидели молча и глубоко вдыхали прохладу растворяющейся ночи.

– Ну что там твои высокоэффективные отношения со Вселенной, все узлы распутала? – осторожно спросил он.

– Протекают плавно, без большой драмы. Во-о-ов, – протянула Люси и повернула к нему голову, – мне нужна передышка... Давай я помолчу, а ты говори... Со мной сто лет

никто не говорил, например, о погоде. А это, оказывается, так хорошо: банально поговорить о погоде.

– В тебе сгущается туман, девочка моя. Ты знаешь природу этого явления? Он образуется из-за конфликта холодной и теплой масс воздуха. Вообще, интересный процесс. Чтобы туман возник, пар должен быть перенасыщенным. В несколько раз насыщеннее обычного – как твоя теперешняя жизнь. Правда, мне трудно понять, как ты живешь.

Он мягко прижал ее, склоненную на его плечо голову, рукой. – Что-то происходит, некие внутренние искажения. Как бы мне хотелось видеть тебя непринужденной и радостной, как прежде. Иногда мне кажется, что ты оторвалась от земли и зависла над городом, словно на картине Шагала. Даже не над городом, а над всеми континентами... Парящая душа в романтическом мире снов и воспоминаний.

– Ну да, – Люси слабо улыбнулась, – а «реальный» мир со своей иронией быта врывается в эту идиллическую картину, и тогда моя жизнь превращается в хаос.

– Ты переполнена тонами.

– Что ты хочешь сказать? Выражайтесь яснее, профессор. Люси приподняла голову с его плеча.

– Тебя сбивает с толку и тревожит, что осталось мало общего с теми, кто был рядом так долго в твоей жизни. И нет того, кто заменит их. Это вызывает в тебе сомнения. А шаблоны поведения причиняют боль и страдания...

Все спали. Люси лежала, затопленная размытым светом уличного фонаря за хрупким, мокрым оконным стеклом. Она с любопытством, будто со стороны наблюдала за мыслями, возникающими в продолжение диалога с Володей.

Нет, это не было ошибкой Вселенной. Она получила то, к чему была открыта. Ее желания пробудили сильнейшую энергию, с которой теперь нужно было синхронизироваться, удержать баланс.

Та их встреча с Алексом была необходима каждому, чтобы они смогли высвободиться и очиститься. И, кажется, для этого, – чтобы уравновесить энергии, они были нужны друг другу. Сейчас она вдруг осознала причину своего мятежного ощущения в сердце. В какой-то момент она стала искать в нем изменений, ожидаемых ею. Но ее не оставляет подсознательная боязнь того, что он не изменится и страх боли от того, что, возможно, ничего не изменилось и в ней. «Через него я вижу тень своих сомнений, которые не дают двигаться дальше и заставляют сбегать...», – Люси приоткрыла глаза.

На часах 04:04. Неожиданно в ночной тишине раздалось тревожное лошадиное ржание. «Боже мой, неужели здесь до сих пор есть конюшни. Надо спать, я хочу спать», – повторяла она самой себе. Еще через минуту в наступившее утреннее безмолвие вторгся тихий стон саксофона, и замер в хриплом переливе после нескольких пронзительных фраз.

SCHERZO 10

10/// изысканно-воздушное кружево тленно рассыпается как пепел под желанием пальцев прикоснуться к нему

Музыка: Shawnee Dez – Slipped Up /Sofar Chicago

«Какой бесконечно длинный день был сегодня...» – Люси стояла на своем крошечном балконе с зажатой в длинных пальцах незажженной сигаретой. Звездный мерцающий сумрак пульсировал ритмично и спокойно. Она не готова была еще отпустить загадочное очарование прошедшего дня...

После прогулок по Portobello, когда пришло время расставания, Люси получила от Нины невероятно редкий иллюстрированный учебник астрономии 1851 года. Та, по всей видимости, раскопала его во время их блужданий по рынку в каких-нибудь ветхих коробках со старинными открытками, желтыми письмами и полуистлевшими книжками...

– Нина, что за причуда?! – удивилась Люси. – Ты знаешь, я давно оставила всякие собирательства. И почему астрономия, я же никогда ею не увлекалась!

– Моя дорогая Лю. Тебе не надо этим специально увлекаться. Ты сама из Космоса. Считай, что это нашелся твой

родовой паспорт и всегда вози его с собой. Для беспрепятственного передвижения по миру. И на удачу, – Нина грустно улыбнулась и прижала к себе Люси, – я буду опять скучать по тебе. Ну почему ты не останешься жить здесь. Прошу тебя, приезжай чаще.

И вот теперь, аромат трогательного расставания с Ниной и последовавшей позже доброй встречи с Юрой, еще тянулся шлейфом гурмано-эстетического удовольствия. В ноздрях все еще щекотал запах инжира во всем своем дразняще-сладком великолепии с чуть горьковатой тонкой кожей и розовой мякотью в разломе. Искрились, обдуваемые легким бризом, грани пузатых стаканов со сладострастным инжирным напитком, сваренном с анисом, корицей и гвоздикой. И в ногах, на огромном блюде, кролик в инжирном соусе с грецким орехом, пармезаном и французской горчицей. И скрипящий на зубах песок.

В мыслях Люси проплывали недавние безмятежные часы, проведенные на берегу океана под прохладным солнцем Брайтона. Она внимательно прислушивалась к своим ощущениям.

С Юрием они сидели на берегу океана на тонком, брошенном здесь же на песок, турецком ковре под лениво колышущимся над ними белым балдахинном. Юрий был очарован подарком Люси: буро-зеленым изделием в форме уменьшен-

ной копии головы Моаи с острова Пасхи. Внешне оно создавало иллюзию древнего камня, но, вероятно, было сделано из плотно спрессованной бумаги и древесины. Это суровое изваяние, размером с обувную коробку, служило держателем для бумажных кухонных салфеток (они торчали из приоткрытого рта идола). Она разыскала его на развалах блошиного рынка, где они бродили с Ниной в поисках тайных и мистических сокровищ. Антонио достался серебряный винтажный кофейник 1309 года с эбонитовой ручкой – редкой красоты и трогательного изящества. Увидев эту старинную ручную вещицу, Люси не смогла устоять перед великим соблазном обладания. И это был триумф! Антонио не мог сдержать своего восхищения и не выпускал этот сувенир из рук. Замечательным был размер кофейника, он весь умещался на ладони. Люси отлично знала, что Антонио был фанатично предан гейзерным кофеваркам Мокка, изобретенным в начале прошлого века и чрезвычайно актуальным до сих пор. Он гордился своей итальянской коллекцией, разнообразной по цветам и размеру, и утверждал, что вкус приготовленного кофе из одних и тех же зерен в разных кофеварках обладает уникальной индивидуальностью.

После обеда на берегу и прогулки вдоль пляжа, они вернулись в ресторанчик, которым Юрий владел последние пятнадцать лет из тех двадцати, что уже прожил здесь. Антонио колдовал над кофе, а Люси и Юрий расслабленно беседовали на заднем дворе. Юрий, как это регулярно случалось в мо-

менты таких встреч, вспоминал забавные истории из своей чиновничьей (постсоветской и высокопоставленной) жизни, рухнувшей в одно мгновение. С тех пор его мир не исчез, но ограничился британским королевством, за пределы которого он выехать не мог.

– Что говорить, эта тюрьма гораздо комфортнее той, что могла случиться со мной там. Но и из нее уже хочется выбраться. Кажется, у меня все-таки появилась надежда. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда у меня появился новый адвокат. Он подъедет скоро, мне нужно бумаги кое-какие подписать.

Каково же было удивление Люси, когда в адвокате, появившемся в дверях через некоторое время, она узнала третьего спутника своего недавнего перелета. Но это уже была не та уставшая, озабоченная мыслями девушка, замахнувшая виски перед посадкой.

В ресторан входила высокая подтянутая женщина, во всем облике которой читался профессионализм и спокойная собранность. Ее звали Даяна. Судя по всему, она не узнала Люси, и похоже, та ее мало интересовала. А вот Люси разглядывала Даяну с удивленным восхищением и женским любопытством. В самолете ее спутница выглядела лет на 27–30. Сейчас же не представлялось возможным с уверенностью определить ее возраст: диапазон расширился, от 25 до 45. Люси терялась, глядя на нее... Красивая фигура, тонкие, крепкие загорелые ноги. Лодочки цвета тягучего красного вина

на довольно высоком каблуке, узкая юбка до середины колена царского синего оттенка в тонкую белую полоску и в тон ей рубашка в мелкую красную клетку. Темные густые волосы скручены на затылке в жгут. Совсем непохожа на изможденную перелетами девчонку, как это было в салоне самолета. Спокойное, умное лицо. Внимательный, заинтересованный взгляд, сдержанная речь. Говорит только по существу, четко формулирует вопросы. «Лаконичная, выразительная и исчерпывающая!» – решила Люси. Еще она обратила внимание на ее кольца. На правой руке – кольцо-браслет из черного серебра, обвивающее нижнюю часть кисти и переходящее двойными спиралями на большой и указательный пальцы. На большом пальце левой руки – серебряное кольцо с антиквенным шрифтом. У Люси было подобное. С особенным шрифтом с засечками, серифами и контрастом в толщине вертикальных и горизонтальных линий, имитирующих рукописную графику. Историю, связанную с этими шрифтами, ей рассказала когда-то автор этих колец, удивительная девушка-ювелир.

– Паломник, Паломничество и Путь – это лишь Я, идущий к самому себе... – Люси прошептала цитату, произнесенную ювелиром. Там она не вспомнила, кому принадлежат эти слова. Но сейчас, стоя на своем тесном балкончике с так и не прикуренной сигаретой в длинных тонких пальцах... Ей пришлось все-таки заглянуть в справочник: это сложное

имя – Агтар Фадрид ад-дин Мохаммед бен Ибрахим, персидско-таджикский поэт-мистик.

Да, изначально она выбрала себе другое кольцо. А когда через неделю захотела забрать и это (оно прилипло к ее сознанию и не хотело отпускать), то было поздно. Кольцо уже летело в Москву к новому владельцу. И вот теперь, год спустя, она видит его опять: это кольцо, и того, кто стал ему хозяином.

«Человечество ищет вдохновение не только мечтая о будущем и изобретая новое», – думала Люси, следя взглядом за Даяной, ее пластикой речи и за тем, как она держала себя.

После того как Даяна ушла, Люси сообщила Юрию, что с его адвокатом они вместе летели в самолете. Юрия почему-то возбудила эта новость, и он решил, что должен непременно их познакомить.

– Это было бы полезно для каждой из вас с точки зрения человеческой психологии, – заявил он.

– Common, Юрий! Я не хочу психологии. Ты знаешь.

– Ну, я неправильно выразился. Это было бы просто чрезвычайно познавательное знакомство, я уверен. Ее интересно слушать. У нее парадоксальное мышление и, кажется, энциклопедические знания, которые критически, иногда невероятно, преломляются сквозь призму личного восприятия мира. Но чтобы она захотела говорить нужно, чтобы ее действительно заинтересовал человек и предмет беседы...

– Юрий, ты сейчас понимаешь что мне предлагаешь? Заинтересовать ее?! С какой стати? – развеселилась Люси.

– Не обманывай себя. Я тебя хорошо знаю. Ты уже думаешь о ней, и тебе интересно ее устройство, – парировал он.

– В твоей «коллекции» таких персонажей еще не было, уверяю тебя. – Юрий заговорщически смотрел на Люси и глаза его пылали.

– Давай-ка, мой друг, пока оставим все как есть. Тем более что и времени у меня нет: через пару дней собираюсь лететь в Рим. Там меня, надеюсь, уже ждут сады Ватикана. Может быть, даже на одной из скамеек мирно и благословенно посижу пару безмятежных минут с самим Папой.

Когда вечером Люси вернулась домой, под дверью ее лежала записка от соседа-профессора. На записке стояла дата и время, и был приписан номер его телефона. Он сообщал, что собирается готовить пиццу и приглашает на маленький ужин. Выходило так, что записка была оставлена три часа назад. Ни пиццы, ни новых встреч Люси сегодня уже не хотелось. Наверное, было бы вежливым позвонить, но и этого ей делать не хотелось. Завтра у нее встреча с баронессой в загородном поместье. А сейчас она бы осталась одна, чтобы отдохнуть от эмоциональных встреч и впечатлений.

«Утром привычные два часа дыхательной практики, теплая минеральная вода с лимоном, душ, медитация, ароматный кофе, хрустящие горячие тосты, масло, джем, яйца, и

опять кофе пока буду разбирать почту...» – мысли мечтательно текли в ее голове. Наконец Люси щелкнула зажигалкой и поднесла ее к сигарете. Неспешно втянула в себя сладкий, медовый аромат и выпустила тонкое облако дыма в густую синеву опустившегося неба.

«Как же хорошо дома», – Люси облокотилась на балконное ограждение, рассеянно глядя в уличную темноту.

Неожиданно снизу раздался голос:

– Люси, спускайтесь. Если не хотите пиццы, я вас угощу отличным инжиром, – прямо под балконом стоял ее сосед, дразняще покачивая над головой небольшим бумажным пакетом.

«О боже, сегодня инжир меня преследует, я уже не могу даже думать о нем», – мелькнуло в голове Люси.

А ему, наклонившись через перила, она приветливо произнесла:

– Сварите мне из него волшебное варенье, и я готова завтра с вами выпить дневного чаю. Но не сейчас, извините. Я видела вашу записку. Но я вот только вернулась домой. Спасибо за приглашение, мы обязательно съедим вместе вашу пиццу, но не сегодня, а в другой раз.

– Хорошо! Но варенье я варить не умею. А инжир до завтра съем. Спокойной ночи, – весело откликнулся Дэниел.

Потом она долго стояла под душем. Холодная вода. Горячая. И снова холодная... Завернулась в черный толстый

халат. Легла на полу перед телевизором и включила старый французский фильм...

SCHERZO 11

11/// невозможная луна без права обратной стороны и фосфор мифической ночи, зажигающий свечу перед рассве-

Музыка: Live at Volksbühne, Berlin /Christian Löffler & Ensemble

Это был короткий, но мучительный сон. Она в огромном стеклянном пространстве, наполненном острыми запахами красных, черных ягод и тонкими вибрациями вселенной. Звуки. Невозможно было определить их источник, он исходил отовсюду и ниоткуда. Свет. Много бездонного вибрирующего света. Все тело пылало изнутри, что вызывало и ужас, и восторг. Голова раскалывалась, было ощущение растущего внутри кристалла, который своими острыми гранями разрывал мозг и легкие. В какой-то момент она стала задыхаться и отчаянно выбросила перед собой руку, освобождаясь от поднимающейся плотной энергетической волны. Резкий взрыв – стекло перед ней с грохотом разлетелось на множество осколков. Она осторожно подошла к разорванному краю, тихо ступая по стеклу, и увидела со звездной высоты зияющую бездну и море сверкающих огней. Люси глубоко вздохнула... Теперь она будет в порядке. Нужно медленно выдохнуть и проснуться...

Люси открыла глаза. Мир вокруг был сонным, тихим и уютным. Она лежала на полу в своем легком теле, со свежей головой. Фильм закончился, и по экрану неторопливо ползли титры.

– Вот теперь самое время для пиццы, – Люси почувствовала острое голодное желание.

Она развернула записку от соседа. Там был размашисто и криво записан его номер телефона. Люси потянулась к телефону:

– Дэниэл? Вы не спите еще? – Люси говорила спокойно, без малейшей мысли о том, что ее звонок может быть неуместен в это время, – Если у вас осталась пицца, я готова обменять ее, например, на коробку московских конфет или бутылку французского джина.

– Люси?! Я рад вас слышать! – прозвучал дружелюбный ответ. Вообще-то, пиццы нет, инжир я съел. Но конфеты и джин вполне могут компенсировать ваше бесцеремонное вторжение в мою ночную жизнь, – она чувствовала улыбку в его голосе.

– О боже! – только сейчас Люси осознала: время действительно неподходящее, чтобы звонить кому бы то ни было, а тем более малознакомому человеку. – Черт возьми, простите! Как-то у меня время разорвалось. Если сладкое и горькое компенсируют вам прерванный сон, я...

– Да подождите извиняться! Вы что, действительно есть хотите?

– Теперь и не знаю... Когда звонила, хотела... вообще-то, да, хочу! Если у вас есть что-нибудь поесть, поднимайтесь, – первая неловкость от бесцеремонного звонка исчезла, и она чувствовала себя свободно. Сонное состояние прошло, Лю-

си уже с интересом отметила развитие нового неожиданного сюжета в своем пространстве.

– Хорошо, я дам вам пищу, – Дэниэла откровенно забавляла возникшая ситуация, – я сейчас поднимусь, будете готовы?

– Ну если вас не испугает отсутствие макияжа, то я уже готова. Правда, кажется сейчас, у меня возможно чувство юмора под наркозом и слегка затуманенный взгляд на реальность, – Люси попыталась пошутить, подбирая тон и слова, – однако... не обращайтесь на мой вздор внимания. Идите уже, я с благодарностью чего-нибудь съем.

– Отлично. Тогда у вас есть ровно шесть с половиной минут.

– Забавно, – подумала Люси, взглянув на часы, – ну, посмотрим.

Она втягивалась в эту игру. И за две секунды до расчетного времени открыла дверь. Ровно в это мгновение он поднял руку к звонку. Оба рассмеялись.

Дэниэл прошел на кухню вслед за Люси и поставил на стол бумажный пакет.

– Что там? – Люси с любопытством достала из него две глиняных миски, закрытых фольгой.

– В этой, – Дэниэл снял фольгу, достал и положил себе в рот миниатюрный пирожок, – пирожки с капустой и с брусникой, они отличаются по форме. А в другой – вареники с сулугуни и зеленью. Только они холодные, придется разогреть.

– Ого! Это вы все сами, что ли, налепили?! – восторженно воскликнула Люси.

– Нет, это я по бартеру получил. Я сестре – пиццу, она мне – свои изысканные блюда. Она учится в нашем университете, живет здесь недалеко. Она любит готовить и меня подкармливает.

Дэниэл не был навязчивым гостем, а она не была настойчивой в своем гостеприимстве хозяйкой. Но время в неторопливой любопытной беседе переросло в малиновый расцвет с огненными лентами, перепоясывающими небо.

– О! Оба встали из-за стола и ошеломленно смотрели на эту дерзкую для предрасветного утра картину.

– Ну мне пора. Спасибо, Люси. Давайте отдохнем. А если удастся уснуть, сможем прикоснуться к краю вечной бесконечности, за пределами которой силы мироздания ведут свою непрерывную игру... – он произнес последнюю фразу нарочито театрально с обаятельнейшей улыбкой.

– Как это вы сказали! – Люси обожгла его взглядом.

– Не обращайтесь внимания. Это профессиональная деформация. Мысль, облеченная в слова, теряет свой истинный смысл. Не придавайте словам большого значения. Люди, как правило, не научены слышать то, что за ними. Для этого нужно иметь знания, как создавать истинное слушание.

– А вы, вы умеете? Можете меня научить?

– Умею, – он сказал это так, будто она просила научить ее складывать буквы в слова, – вы этого действительно хотите?

– Мне это необходимо. И еще – научиться думать сквозь мысли, чтобы они проплывали как облака сквозь лучи света от невидимого источника. Понимаете о чем я?

– Понимаю. Выпейте сейчас теплой воды и ложитесь спать. И вот что я еще скажу. Ум – это ловушка для разрушительных эмоций. Страдать от воспоминаний и воображения значит страдать от того, чего не существует.

– Дэниэл, не понимаю откуда вы взяли такой... Но рада, что у меня обнаружился сосед-ученый с мудрым сердцем и талантливым умом. И я хочу попробовать когда-нибудь вашу пиццу! Ладно, идите уже спать, действительно! – и она протянула Дэниэлу бумажный пакет, с которым он пришел. Сейчас из него торчало горлышко бутылки и целлофановый край коробки шоколада.

Когда Люси открыла глаза, от недавнего колдовского расцвета не осталось и следа.

Ближе к одиннадцати позвонила Нора и любезно напомнила, что ждет ее в условленное время в своем загородном поместье. Однако днем, в назначенное время, машина не пришла. Водитель перезванивал дважды и с извинениями переносил встречу. Эти непредвиденные обстоятельства не тревожили Люси. Наконец, она могла никуда не спешить и позволить себе растянуться с книгой в кресле. Люси сварила кофе, намазала на тосты толстый слой масла и включила музыку. Комната наполнилась необычным звучанием ан-

глийского и грузинского языков. Последнее время ее увлекали новые музыкальные формы современных грузинских музыкантов. Она наслаждалась неуловимой радостью одиночества и хрупкой тишиной набирающего силу дня.

В результате Люси оказалась у Норы не в три, как планировалось, а после шести вечера. Водитель, наконец приехавший за ней, сдержанно извинился за вынужденное опоздание, но ничего объяснять не стал. Дорога, по которой они ехали, была прекрасна, и Люси очарованно всматривалась в мелькающие за окном живописные, но по-английски сдержанные пейзажи.

Нора шла по аллее навстречу двигавшейся к дому машине. Она была в спортивном костюме фишашкового цвета, который выгодно оттенял цвет ее кожи, в нем она казалась еще моложе и стройнее. Баронесса приподняла руку, и машина остановилась. Когда Люси вышла, они вместе вернулись к дому и поднялись на каменное крыльцо. Сразу за тяжелой дверью, открывающейся с легким скрипом, в огромной прихожей пылал камин. Учтивый дворецкий принял черный плащ Люси.

– Пойдемте, я прежде покажу вам дом. Когда все увидите и затем прочтете презентацию проекта, вам будет проще понять, почему я предлагаю сделать выставку здесь. Ну а потом у нас будет время все обсудить, – дружелюбно предложила

Нора и добавила, – вы можете остаться до завтра, если захотите.

– Спасибо, здесь очень красиво, и я никогда не бывала в таких домах. Но завтра я улетаю. Поэтому хочу вернуться. Нора, я ничего о вас не знаю. Расскажите о себе. То, что вы захотите сказать, конечно. Что в вашей истории имеет отношение к этой выставке? Вернее, к вашему желанию сделать ее в своем доме.

– Чтобы получить ответы, нужно задавать правильные вопросы. Пойдемте. Вы все увидите. Вы поймете все прежде, чем я стану на них отвечать. Нора взялась за витую бронзовую ручку и потянула на себя массивную резную дверь...

SCHERZO 12

12/// мироздание, пребывающее в безупречном хаотичном порядке, ведущее с нами непрерывную игру, и сотканная из звезд жизнь за всеми его пределами

Музыка: Wish you were here /Buddha Bar Remix

1

Они вошли в просторный зал, посреди которого стоял огромный черный рояль. На льдине. Люси не могла сообразить что это и почему воздух кажется разряженным и синим, снежно-чистым. Они стояли среди иллюзорно раздвигающихся стен, режущих глаз своей яркой многослойной белизной. Рояль выглядел одиноким исполином, самодостаточным среди дрейфующего великолепия. Нигде не было видно обычного концертного табурета. Инструмент был единственным исполнителем роли главного героя на этой сцене. Стена с дверным проемом за их спиной была задрапирована черной с серебром тафтой, спадающей из-под потолка тяжелой волной. Люси вопросительно взглянула на Нору и встретила такой же взгляд, обращенный к ней.

Выдержав короткую паузу, чтобы дать Люси время прий-

ти в себя, Нора неожиданно предложила:

– Знаете, лучше будет, если вы все посмотрите без меня. Заблудиться здесь невозможно. В каждой комнате только две двери: та, в которую вы входите и та, через которую переходите в следующую. Комнат всего семь, в конце я вас встречу.

Она склонила голову, ожидая решения Люси. Люси механически кивнула.

Нора вернулась к двери и скрылась за волнами черной драпировки как за театральным занавесом.

Люси нерешительно подошла к роялю, осторожно подняла крышку и мягко прикоснулась пальцем к клавише. Звук был мощным и чистым. Он долго стоял в воздухе, отражаясь эхом в самом себе и меняя тембр. За мощью продолжающих раздвигаться стен, ей виделось движение теней, из которых вдруг выступили айсберги. А с них поползли ледяные глыбы, с гулом обрушиваясь в ледяную бездну. Люси застыла от неожиданности. Вместе с наступившим затем беззвучием замерло и все вокруг. Она внимательно огляделась и несколько минут стояла в полной растерянности. На глазах рояль стал медленно и без шума опускаться сквозь расступающиеся под ним льдины. Люси резко шагнула в сторону и поспешно открыла следующую дверь.

Войдя во вторую комнату, она оказалась прямо перед ослепительно-жарким солнцем. От неожиданности Люси конвульсивно отвернула голову. Перед ней возник, пульсирующий как нерв, закат в сгущающихся сумерках. Ее обдало легкой прохладой, будто кто-то бросил свежестью прямо в лицо. Растущее любопытство заставило Люси развернуться в противоположную сторону и она увидела то, к чему уже, кажется, была готова: дрожащий в предвкушении восход.

«Значит позади меня Луна», – мелькнуло в ее голове. Она обернулась и долго смотрела, как ее тень росла на магическом лунном круге, висящем в черной тайне Вселенной. Люси не спешила покидать эту загадочную комнату и через некоторое время обнаружила, что все четыре состояния существуют одновременно, но видеть их одновременно она неспособна. Каждое возникает отдельно и заполняет все пространство, но только тогда, когда она ориентирует свое внимание по определенной стороне света. Еще через некоторое время она поняла, что может добавлять детали в сюжеты, для этого достаточно вообразить себе что-то... Это было увлекательной игрой... И возрастающее с каждой минутой любопытство толкало ее двигаться дальше.

За третьей дверью она очутилась в плотном тумане. Люси слышала шум струящейся сверху воды. Прямо перед собой

она разглядела валун с гладкими краями, положила на него ладони. Бок его оказался теплым и тонким как скорлупа, под ней пульсировала жизнь, и казалось, что камень дышал! Она присела рядом и стала напряженно всматриваться в туманную завесу вокруг. Наконец перед ней проступили очертания стены. Во всю свою высоту и ширину она представляла гладкий скол оникса, по которому сверху катилась вода тонким бесконечным потоком... Это было завораживающее зрелище по своей лаконичной и завершенной красоте. Люси сидела, пока туман не исчез совсем. И тогда она увидела под ногами бурую потрескавшуюся землю, похожую на черствую корку черного хлеба.

Люси встала, ее волнение нарастало. Она не видела двери и пошла в полном смятении вдоль стены, совсем близко к ней, почти вплотную. Пространство этой комнаты было причудливым образом искривлено, здесь не было ощущения границ. Но двигаясь так какое-то время, она вдруг уткнулась лбом в дверь, которая стала со скрипом, очень медленно открываться, проявляя для Люси новую картину.

4

Прямо перед ней, в нескольких шагах от одной до другой стены проходил широкий желоб, по которому тек огонь. Именно так. Как течет лава. Люси видела, что следующая дверь была на другой стороне этой огненной змеи и не пони-

мала, как она сможет туда попасть.

«Об этом мне, видимо, не надо думать», – решила Люси. Сейчас она стояла, запрокинув голову в окружении стройных стволов корабельных сосен, кроны которых с трудом различала. В эту поднебесную бесконечность ее взгляд проникнуть уже не мог. Но зато, посмотрев вниз, она разглядела совсем другое. Под ее ногами, под толщей темного густого коричневого стекла, текла жизнь. Сначала она присела на корточки и увидела переплетающиеся между собой и уходящие глубоко внутрь корни. Потом Люси легла на живот и прижалась лбом к стеклу. Там, между корнями пульсировала беспорядочная жизнь множества насекомых: они откладывали личинки, рождались и умирали. Здесь возникали и рушились их маленькие города. На ее глазах корни росли и множились новыми молодыми побегами, меняя устройство микромира, но не мешая течению многомерной параллельной жизни. В кажущемся хаосе был очевиден совершенный порядок.

У Люси кружилась голова. Она поднялась и двинулась вперед, переживая увиденное. Уже взявшись за ручку двери, неожиданно для себя остановилась и медленно повернулась... За ее спиной пылала огненная лава. Руки Люси предательски затряслись. Как она могла перейти через этот огненный желоб.

«Это невозможно! – Она была не в силах отвести взгляд от движущегося огненного пламени. – Когда-нибудь я смо-

гу найти этому объяснение, – думала Люси, пытаюсь успокоиться».

5

И она вошла в пятую дверь: будто нырнула в море ароматов. Горькая полынь, перец, табак, древесина, кожа... Другие, накатывающие волнами запахи, она не смогла узнать. Тогда Люси стала втягивать их в себя и задерживать дыхание, смакуя и наслаждаясь. Ароматы перемешивались и слились, то усиливаясь, то отпуская чувственное напряжение. Люси стояла по щиколотку в буро-зеленом мхе. Она скинула туфли и утонула в мягком, ласково щекочущем кожу, ковре. Из него вырастали невиданные цветы. Как паутина стебли тянулись вверх и раскрывались удивительными бутонами. Лепестки их переплетались, образуя над головой причудливые радужные облака. Люси слышала ритмичное биение своего сердца и пульсацию крови. Она дышала медленно и глубоко, надолго задерживаясь на каждом вдохе и выдохе. Она чувствовала: кто-то или что-то добродушно наблюдает за ней... «Ух ты! Совершенно ясно, что это я сама наблюдаю за собой, вернее, за своим физическим присутствием в абсолютно нереальном, но таком неизбежно реальном сейчас для меня мире. Непривычное, но удивительно естественное состояние», – она чувствовала как теплая волна, закручиваясь по спирали, поднимается по ее позвоночнику.

Люси оказалась в полной пустоте, где повсюду вибрировал звук вечности: «Мана...»

Ни тогда, ни потом она не могла вспомнить, как оказалась в следующей комнате. В полумраке, на низкой деревянной подставке, лежала непомерно большая открытая книга. Ее страницы светились фосфорическим светом. Сквозь них проступали таинственные знаки. Какие-то из них исчезали и на их месте появлялись новые... Обстановка комнаты завораживала и успокаивала. Люси долго сидела на низкой приставной скамейке из редкого амарантового дерева перед книгой, внимательно всматриваясь в ее страницы. Она не прикасалась к листам. Несколько раз они сами переворачивались, будто кто-то предлагал прочесть и понять то, что могло быть важным именно для нее. Потом книга захлопнулась и ее фосфорический свет пропал. Люси увидела переплет, похожий на персидский ковер (истертый временем, но сохранивший свою утонченную красоту). В центре обложки был вмонтирован большой алмаз, он мерцал глубинно-синим светом, затем вспыхнул и погас. Люси поняла, что пришло время уходить.

В последней комнате Люси почувствовала себя так, будто вернулась из долгого путешествия по Вселенной в привычную земную обстановку. Вокруг царил легкий бардак. Квадратный деревянный стол, наподобие тех, что продают в IKEA, был завален разного рода книгами, художественными альбомами, журналами и подшивками старых газет на разных языках. На стенах висели черно-белые и цветные фотографии, карандашные рисунки. В углу было устроено что-то вроде барной стойки, где стояла кофемашина и термос с чаем. Еще было 3 пузатых стеклянных банки с разным печеньем. А в деревянной прямоугольной коробке лежал шоколад и конфеты. На стене висел небольшой телевизор; он был включен, но без звука. Шла реклама. Из-за стены слышалась музыка, блюзовый, очень приятный мотив. Примечательным было наличие в комнате самых разных стульев: от дизайнерских, (старых и антикварных) до современных (массового производства).

Люси налила себе кофе. После всего увиденного забавно было обнаружить здесь бумажные стаканчики. Она взяла пару печенек и присела к столу. Пока пила кофе, перебрала несколько ближайших стопок и думала: «Интересно покопаться в этом хаосе».

Здесь были и старые учебники, и словари, и свежие издания книг от неизвестных Люси авторов. Попалась пара трудов по философии, детские сказки и старинные кулинарные рецепты. Люси обрадовалась, когда под огромной книгой по

медицине увидела две тоненькие: «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

Это было очень красивое издание. Она развернула первую книгу и увидела стремительную надпись прямо поперек страницы.

*«...жизнь – это только игра нашего воображения,
и я хотела, чтобы вам она понравилась.
сыграйте в эту игру...»*

*Это для вас, Люси, от меня.
Нора»*

Люси взяла обе книги и направилась к выходу.

Там, в совершенно пустой, очень светлой комнате с оштукатуренными стенами, сидя на старом венском стуле, ее ждала Нора. Она поднялась навстречу Люси и широко улыбнулась.

– Вас не было два часа! Ну пойдёмте, мы поужинаем в саду, уже накрыт стол. И вы мне все расскажите.

– А эта комната, – Люси развела руками, – видимо, та, которую вы предлагаете использовать для моей выставки? – она улыбнулась в ответ Норе. – И вы уже знаете, что я скажу: «Да, я согласна!».

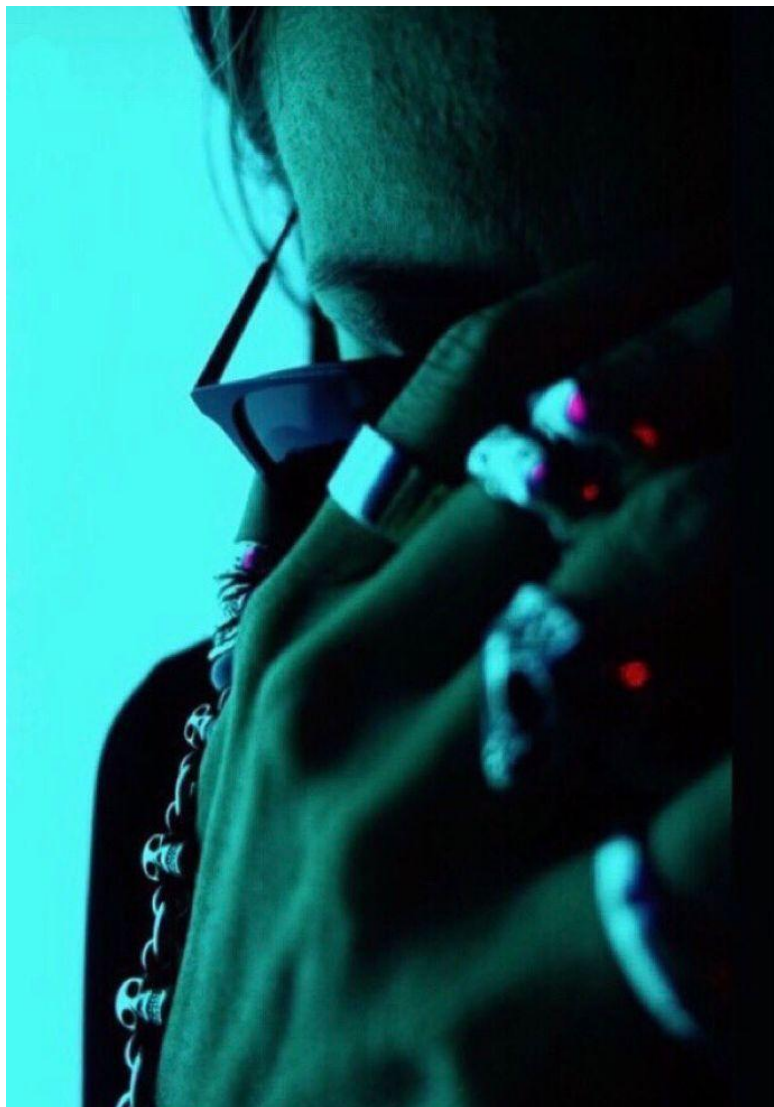
– Ну, я очень на это рассчитывала!

– И спасибо за эти книги, – Люси прижала их к груди и

смеясь замотала головой. – Нора, расскажите, я не понимаю, ну как вы это делаете?!

– Идемте. Альфред приготовил нам удивительный ужин, я уверена, вам понравится. Ну и потом я все-таки хочу показать вам свой дом, тот дом, где я живу в привычном нам мире.

SCHERZO 13

13 /// соткать паутину ума и обнулить память, и потом придумать свою игру, чтобы прожить еще раз, принимать разные формы и играть разные роли

Музыка: Kovacs/ My Love, Kovacs/Cheap Smell

Нора повела Люси в противоположное крыло дома. Там, на другой его стороне, также был парадный вход, к которому вела узкая, усыпанная желтым гравием, дорожка. Ее плавный изгиб виднелся из распахнутых стеклянных дверей эксцентрично оформленной обширной кухни, куда они зашли.

– Альфред нам приготовил горячий шоколад. Настоящий! Давай возьмем с собой и пойдем, я покажу, как мы здесь живем. В доме у каждого члена семьи своя «частная» территория. А на этой кухне мы с удовольствием встречаемся вместе, и не только за обедами.

На каменном полу, напоминающем булыжную мостовую, лежал необъятный и восхитительно красивый восточный ковер ручной работы. Стены выглядели как стены домов, что сдавливают узкие улочки вековых городков. Все пространство казалось вывернутым наизнанку. Будто бы находишься на пестрой улице, куда соседи вынесли все предметы кухонного обихода и выставили разномастные столы и стулья. Этот уличный эффект усиливался иллюзией отсутствия по-

толка (он был совершенно прозрачный) – над головой чернело небо. На стенах в хаотичном порядке висели картины: крупные яркие натюрморты в стиле модерн.

– Сюда мы еще вернемся, – мягко ответила Нора, на удивленно-заинтересованный взгляд Люси. – Не будем задерживаться, берите свой шоколад.

В это время из-за ажурной решетки невысокого дверного проема показался Альфред, протягивая им две кружки английского фарфора с дурманящим, густым ароматом шоколада. Одна кружка с красным, другая – с золотым рисунком.

– За этой дверью (только нужно спуститься на две ступеньки) Альфред вдохновляется и готовит свои шедевры. Если вы ему понравитесь, он покажет вам свое царство, – заговорщически прошептала Нора, когда они направились к выходу. – Во время этой маленькой экскурсии я бы хотела обсудить нашу дальнейшую работу...

– Конечно, Нора. Я пока плохо соображаю, что здесь произошло, но... еще раз, с полной уверенностью, говорю вам *Да*.

По сравнению с тем, что Люси увидела, когда впервые зашла в этот дом, атмосфера в жилой его части была похожа на привычную. Вполне современные, но достаточно минималистические интерьеры. Несомненно, что над рациональной обстановкой и выверенными линиями работал дизайнер с тонким современным чутьем. Люси показалось, что большая часть предметов мебели – авторская работа.

Она обратила внимание на отсутствие семейных или других фотографий, которыми обычно бывают наполнены подобные дома с длинной историей жизни нескольких поколений. Нора, будто услышав мысли Люси, произнесла с легкой грустью:

– Да, я не очень люблю антиквариат в своем доме, хотя знаю его ценность. Мой отец был антикваром. Его имя есть во многих каталогах. И да, я не люблю выставленные на виду фотографии. Я хочу создавать атмосферу, созвучную моему ощущению ритма времени.

Со всей очевидностью Люси понимала, что теперь это будет совсем ДРУГАЯ выставка. Теперь она приобретала для нее новые очертания и другое значение.

– Мой сын – архитектор, живет в Австралии, там находится центральный офис их компании. Меня вдохновляют его работы. Он открыл для меня понимание того, что в каждом из нас заложен собственный дизайн-код, который определяет экологический комфорт жизненного пространства. И все дизайнерские практики существуют в трех измерениях: метафизическом, методологическом и коммуникативном. То, что вы видели сегодня – это опыт моделирования дизайн-продукта, некий способ «тонкой настройки» сознания, позволяющий управлять вдохновением...

Мою дочь Адель, вы увидите сегодня. Она здесь. Прилетела на пару недель. Последние пять лет она живет и работа-

ет во Франции, в винной компании Trenel&Charoutier. Она сомелье, но, правда, не в общепринятом понимании его компетенций... И, кстати, вино на ужин – ее выбор. Услышите ее забавные рассказы. Муж уже два года живет в Каире. До этого три года прожил в Стамбуле (он совершенно влюблен в этот город). Ковер на полу оттуда, он древний, это подарок. У него интересная и поучительная история.

Тут Нора запнулась:

– Дурацкое слово «поучительная». Душеполезная история, так будет верно сказать. Да, так вот... Жан сейчас в Перу, обещал прилететь, пока Адель дома. Он не очень любит бывать в Лондоне, по крайней мере, старается не задерживаться здесь надолго. Чаше я к нему приезжаю. Я обязательно вас познакомлю. Кажется, вы много узнаете о том, что ищете, – Нора запнулась не секунду и внимательно посмотрела на Люси, – я говорю о скрытых смыслах, знаю, вы меня понимаете.

Спустя полчаса или чуть более того, они сели за стол, который был сервирован на маленькой террасе, примыкающей к кухне. Две мощные газовые горелки согревали остывающий вечерний воздух. Неподалеку Люси видела очертания небольшого пруда с незамысловатым фонтаном посередине. Оттуда доносились умиротворяющие звуки струящейся из него воды и кваканье лягушек. Несколько фонарей, как панцири светлячков в траве, таинственно освещали оживающий мир ночных обитателей.

Из глубины сада послышались торопливые шаги по гравю и из пустоты показалась приближающаяся фигура.

– Ну вот и Адель, – Нора поднялась.

Адель вошла в кольцо света как инопланетянин, сошедший со своего корабля. Тонкая, высокая, с бритой головой, раскосыми миндалевидными глазами и открытым выразительным лицом. Люси мгновенно оценила весь ее урбанистический облик. Небрежная, немного вызывающая на вид одежда в стиле гранж не была шокирующей, но иронично демонстрировала безупречный вкус и дерзкий вызов классике.

– Привет, Люси, я Адель! – ее голос был таким же низким как у матери, но чуть более страстным. – Я сгораю от любопытства познакомиться с вами. Уверена, вы с мамой осуществите этот невероятный проект. Я чувствую, что это будет что-то совершенно фантастическое и будоражащее для тех, кто с ним соприкоснется! Дайте мне пять минут, я вымою руки и помогу Альфреду накрыть стол, – предложила она.

И затем повторила чуть громче:

– Альфред, я иду к вам. Помогу расставить все блюда и мне не терпится открыть вино.

– Вы его обязательно должны попробовать!

Она свободно рассмеялась и обратилась к Люси:

– Знайте, что вино я специально везла с французских

виноградников. Мама надеялась, а я была уверена, что эта встреча состоится. Иначе просто не могло быть.

Когда легкая суета, вызванная появлением Адель улеглась, все удобно расположились на своих местах. Альфред был торжественен, представляя свое вечернее меню. Казалось, что каждая морщинка его доброго лица улыбалась. Вся эта церемония выглядела бесконечно трогательно. Итак, их ожидали: три вида легкого паштета и сырная тарелка с тонкими по вкусу сырами. Кростини с козьим сыром, персиком и медом. Кисло-сладкие фрукты, запеченные в карамели с миндальными лепестками и ягодный мусс с кедровыми орешками.

И наконец, было объявлено основное блюдо – нежная форель в фольге на углях с фундуком и лисичками.

– Рыба не должна господствовать над вином, – Альфред многозначительно посмотрел на Адель и поднял палец. Надеюсь, ты не охладила его до ледяного состояния, а именно слегка. Тогда тонкие и душистые ноты раскрываются лучше всего.

Люси обратила внимание, что Альфред разговаривает с Адель как добрый родитель с непоседливым ребенком. А Адель, дурашливо подыгрывая, выказывала ему высшую степень любви и глубокого уважения. За столом царила благожелательная добрая атмосфера.

– Равноправие сыра и вина приводит к взаимному гармо-

ничному союзу, – Адель уже погрузилась в свою стихию и увлекала всех в безграничный мир вкусов и запахов. Было что-то еще, какая-то особая вибрация пространства, которое воздействовало на новый орган чувств, которому Люси пока не нашла точного определения.

– Вы должны понять, что в той же мере, как подобное притягивается к подобному, бывает, что сходятся полные противоположности. Поэтому всегда помните, вино – это игра без правил. Прежде расслабляйтесь, а потом наслаждайтесь. Именно в таком порядке, не наоборот! И еще, все привыкли считать, что у человека только пять основных органов чувств. Я считаю это глубоким заблуждением. Гораздо больше! Вот каким, скажите, органом вы чувствуете, когда выполняете команду полицейского закрыть глаза, пройти по прямой и поднести палец к носу?! Так вот, после того как вы увидите цвет, услышите запах, покатаете вино на вкус, а сомелье еще и расскажет, что вы должны были в результате увидеть, унюхать и ощутить, и еще даст определения – забудьте обо всем! Отключите эти свои органы и доверьтесь сердцу. Представьте, что вы понятия не имеете о том, что такое манго или вкус перца, а вино уже у вас во рту! И что, что вы чувствуете?! И самое интересное, зная установленные правила, ищите свои чудесные пары: вина и закусок к нему. «Поженить» эти пары – что может быть увлекательнее!

Адель рассказывала о вине без профессионального превосходства, вспоминая личные, забавные истории. А иногда

удивляла своих благодарных слушателей обширными знаниями мудрых притч, мифов, легенд и анекдотов. Она была живой, неотразимой и талантливо содержательной.

В конце изумительного ужина Адель попросила Альфреда принести небольшую картонную коробку и протянула ее Люси:

– Люси, здесь шесть миниатюрных бутылок без этикеток. Во всех этих бутылках разлито одинаковое вино. Протестируйте его в разное время суток, в разном настроении, в разных обстоятельствах. Вы можете сделать это одна или со своим другом. И попробуйте описать его для себя, по цвету, вкусу, запаху, по нотам... и по ощущениям другого порядка. Может быть, вы это сделаете по принятым критериям, а может, иначе. И каждый раз записывайте на пустых этикетках (они вот здесь, в коробке) ваши впечатления и картины, которые представите. Затем убирайте эти записи подальше с глаз. – Адель широко улыбнулась, – Думаю, когда через некоторое время вы их прочтете, ваши впечатления об одном и том же вине удивят вас. После с радостью бы обсудила с вами результат этого маленького эксперимента.

В какой-то момент, Люси не заметила как это произошло, Адель исчезла и они остались с Норой вдвоем.

– Давайте прогуляемся и обсудим план нашей дальнейшей работы. Берите бокал, пойдемте, – Нора подняла с пола мерцающий фонарь и шагнула в темноту сада.

Когда пришло время прощаться, Нора проводила Люси к машине. Не доходя нескольких шагов, баронесса придержала ее за локоть и остановила:

– Люси, сегодня мой водитель, а он очень пунктуальный и в высшей степени надежный человек, не смог заехать за вами вовремя. Но в этом нет его вины. Я поручила ему прежде забрать в типографии вот это, – Нора взяла из рук водителя подарочно оформленный пакет.

– Это первый и пока единственный экземпляр вашей книги. Ему пришлось ждать, пока заканчивали ее переплет.

Нора мягко улыбалась и смотрела на Люси особенным глубоким взглядом:

– Эта книга была еще «горячая», когда Павел забрал ее и наконец мог ехать за вами. Я хотела, чтобы вы знали это. Он выполнял мое поручение, и из-за сложившихся обстоятельств, должен был принять решение: привести вас к назначенному часу или дождаться этого экземпляра книги. Он принял верное решение.

Люси была ошеломлена. Она держала в руках книгу в тисненном коричневом переплете. В верхнем правом углу на впаянном в кожу голографическом изображении фрагмента штормового синего неба, перерезанного белой молнией, светилось одно слово ImAGEnation, за которыми плыл одинокий лодочник.

– Нора, я пытаюсь найти слова... Но... Я не знаю... что сказать...

– Ничего и не говорите. Я позволила себе еще одну маленькую вольность. Написала предисловие. Оно касается только этого уникального издания, тиражом один экземпляр. И он предназначен только вам. Я испытываю огромное удовлетворение от нашей встречи и большую благодарность за ваше доверие... Куда вы собираетесь лететь завтра?

– Я вернусь в Рим.

SCHERZO 14

14/// в пространстве мира и молчания тьма и свет в единстве, лежащем в основе всего... в нем содержание времени – только ритм шепота твоего сердца

Музыка: Zubi-Sugar

Люси опаздывала. Если самолет взлетает по расписанию, то она не успевает. Придется провести в лаундже более 5 часов до следующего рейса. Удивительно, что не звонит Алекс. Хотя все-таки правильно было бы ей самой ему сообщить, что она вылетает. Зато, пока она ехала в такси, позвонил Сержио с ошеломляющей новостью:

– Люси, все получилось! Тебе оформляют документы в ватиканские сады. Нужен скан твоего паспорта. А пока скажи свое полное имя, то как оно записано в документах.

– Элисон. Элисон Крафт. Сержио, дорогой, как тебе это удалось?! У меня сердце ликует, и кровь выплескивается из вен. Когда же я смогу туда попасть?

– Будьте терпеливы и смиренны, Элисон Крафт. Кстати, а я, оказывается, никогда не знал твоего настоящего имени... – задумчиво хмыкнул Сержио, – Сегодня ты точно туда не попадешь, даже если успеешь на самолет! Поэтому получи удовольствие от полета и предвкушения. Вечный город ждет тебя уже целую вечность!

Люси хотела было спросить Серджио об Алексе, но поняла, что не сделает этого. Внутренний голос Элисон Крафт звучал сурово и достаточно сухо. «Все, что ты хочешь знать, можешь спросить у Алекса сама. Для этого достаточно набрать номер его телефона. Но ты почему-то этого не сделала ни в те дни, что провела в Лондоне и не делаешь сейчас. Почему?»

Люси очень не хотелось вести изнуряющих внутренних диалогов. Ей не хотелось, чтобы сейчас ее настоящая энергия взаимодействовала с энергией прошлого.

Когда она наконец вбежала в здание аэропорта, объявили о задержке ее рейса. Позже, уже в самолете она услышала как стюардесса, подававшая виски пассажиру через проход, доверительно объясняла, что причина задержки рейса в путанице с доставкой еды на борт.

Люси завернулась в самолетный плед и попросила ту же стюардессу не беспокоить ее, когда будут раздавать еду. Потом достала из сумки шелковый шарф, набросила на голову, закрыв им лицо, и тут же провалилась в глубокий сон.

Она открыла глаза за минуту до того, как капитан объявил, что самолет пошел на посадку. Значит, скоро она будет дома. У Алекса есть ключи от прекрасной квартиры в центральном старинном квартале Рима. Друзья отдали ему запасной комплект и разрешили пользоваться апартаментами.

Сами ребята – врачи, они часто и надолго улетали в Черную Африку. Вот уже 3 года они работали там в рамках программы ООН.

Алекс не звонил. Это было странно. Она написала ему, что возвращается в Рим. Люси вышла из здания аэропорта, ища его глазами. Она была уверена, что он будет ее встречать. Набрала его номер. Телефон был отключен. Люси почувствовала неприятный спазм в солнечном сплетении и странное предчувствие чего-то неотвратимого. Она постояла немного в раздумьях. Нужно было решить, в какой отель ехать. Она выбрала J.K. Place Roma – Leading Hotels of the World. Он был хорош по двум критериям: исторический центр и наивысшая оценка по отзывам.

Скоро она уже входила в роскошный номер с превосходным видом. На столе стояла ваза с фруктами и бутылка вина. «Сначала душ, потом думать» – Люси машинально взяла и надкусила зеленое яблоко.

Еще через двадцать минут она позвонила в сервис, чтобы заказать легкий ужин в номер. Люси ничего еще не ела и хотя голода она не чувствовала, надо было бы уже что-нибудь проглотить. Она подумала: «Наверное, следует все-таки позвонить Сержио. Возможно, он знает где Алекс». Они привязаны друг к другу, у них за 3 года знакомства, чему они оба были обязаны Люси, сложилась крепкая дружба и мужские доверительные отношения.

– Что значит ты не знаешь, где он? – ревел в трубку Сер-

жио, – Что там у вас произошло?! Он же полетел в Лондон вслед за тобой, в тот же день, когда ты выбросила очередной финт с исчезновением, не предупредив его даже! Я уверен был, что все это время вы там вместе проводите, с выставкой твоей решаете вопросы!

Люси слушала молча, пытаясь сообразить, что могло произойти. Потом произнесла коротко:

– Успокойся. Давай встретимся.

– Где ты сейчас? – Люси назвала ему свой отель.

– Я туда не могу приехать, ты же знаешь... обязательно найдется с десятков поклонников, желающих получить автограф.

– Тогда давай в пиццерии у Томмасо. Это та, что рядом с «нашей африканской квартирой», – попыталась пошутить Люси.

– Я знаю где это. Буду через сорок минут, – слышно было, что Сержио очень зол и сильно обеспокоен.

Люси оказалась на месте гораздо раньше, чем должен был приехать Сержио. Она не могла сидеть в номере. И ничего не стала есть из того, что ей принесли из ресторана. С мокрыми волосами, даже не прихватив губы помадой, она быстрым шагом дошла до знакомого места. Но прежде чем зайти, покружила по старому кварталу. Постепенно ее тело успокоилось, и тогда она решила зайти внутрь.

В пиццерии было оживленно. Как и обычно, все столики

были заняты. Она прошла вглубь зала к окну и присела на широком подоконнике у двери, выходящей во внутренний дворик. «В отеле он боится появляться, а в этом муравейнике – нет. Здесь же наверняка все без исключения его знают», – подумала Люси, с любопытством разглядывая публику.

Серджио был энергичным, сильным, стильным сицилийцем. Ярким, неординарным и талантливым певцом с феноменальной карьерой, обладателем «густой соуловой харизмой» – так писала пресса.

Через несколько минут к ней подошел парнишка, она его помнила, кажется он приходился Томмасо племянником. Мальчик взял ее за руку:

– Пойдем, – и повел на кухню.

– Я видел, как ты зашла, – Томмасо сидел за столом, сложив на груди руки и откинувшись на спинку стула. Было件нятно, что ему рассиживаться некогда и присел он на минутку из-за нее.

– Что ты мне скажешь? – тут же озабоченно спросила его Люси.

Томмасо расхохотался. Он был толстым, добрым итальянцем со старой мудрой душой, обладающей равновесием и спокойствием ...

– А что я могу тебе сказать? Садись. Нет, подойди прежде, обнимемся. А потом я накормлю тебя пиццей и напою домашним вином. Сейчас придет наш общий дружок, наша ми-

ровая звезда, – иронично добавил он. – Он мне уже звонил. Я вас вон там, в уголке посижу. Мои мальчишки стол туда принесут. И вот, – он вытащил из кармана согнутый пополам листок и положил его на стол перед Люси, – это Алекс велел тебе передать, когда придешь.

Она недоуменно развернула записку, чувствуя на себе проницательный взгляд Томмасо.

– Мне нужно в зал выйти, полный ресторан гостей, как видишь. Я попозже еще загляну, когда артист наш появится. – он подмигнул Люси и поднялся из-за стола.

Проходя мимо читавшей записку Люси, легонько сжал ее плечо своей теплой ладонью.

«Элис, пожалуйста, позвони моему адвокату, и я прошу тебя с ним встретиться. Не волнуйся ни о чем. Я сейчас в порядке больше, чем когда бы то ни было. Благодаря тебе.

Жаль, что я не смог тебя встретить. Мне бы этого очень хотелось. Я скучаю по твоему запаху, по твоим рукам, по твоим глазам... по твоему голосу... по твоим невысказанным мыслям...

Я просил Серджио, чтобы он забрал (я не успел) и передал тебе официальное разрешение от папской администрации на посещение частных садов Понтифика. Такая возможность открывается немногим... Я знаю, что ты ждала и всегда была уверена, что попадешь туда. Хотя, признаться, даже зная тебя и твои способности обращать свои мечты

в реальность, я не был в этом уверен.

Может быть, когда-нибудь ты мне расскажешь о дивных окрестностях дворца Папы Римского Бенедикта XVI
... »

Люси не успела дочитать. Дверь служебного входа распахнулась и, пригнувшись, в низкий дверной проем влетел Серджио. Сын и племянник Томмасо как раз накрывали на стол, который им было велено пристроить в углу. Весь стол заняла полуметровая пицца и пузатый графин красного домашнего вина. Ребята приветливо улыбнулись гостю, давая понять, что отлично знают кто он и смущенно пригласили за стол.

– Привет! Идите. Спасибо! – Серджио бегло ответил на их приветствие и тут же в упор уставился на Люси сверкающими глазищами.

– Ты что творишь, Элисон Крафт?! Ты возрождаешь и потом опять губишь его. Ты, вероятно, забыла эту простую истину: «Мы в ответе за тех, кого приручили», – он с размаху уселся на стул и тут же налил себе полный стакан вина.

Люси устало, с грустью и любовью смотрела на него.

– Думаю, это неверный призыв, – она взяла графин и тоже, не торопясь, налила вино в бокал, – Мы в ответе только за то, как проявляем себя в мир. Мы не можем навязывать людям, которые попадают в энергию нашей реальности, свою волю.

– Люси, перестань. Ты не могла не чувствовать, что что-то происходит с ним, ты могла ему помочь, – он понемногу

успокаивался.

– Помощь – это не то, что мы делаем для других. В нас, как в зеркале, отражаются только проблемы смотрящего. Поняв это, можно придти к пониманию как преобразовать свои проблемы в энергию решения. Своими опытами никого ничему научить нельзя. Обучение происходит только через то, что человек сам являет собой... – она говорила очень медленно, подбирая слова.

– Так. Ты что-то узнала о нем, верно? Говори.

– Томмасо передал мне записку. Алекс хочет, чтобы я встретилась с его адвокатом, – и помолчав, добавила, – и хочет, чтобы я непременно оказалась в тайных живописных садах Ватикана. Адвокату я завтра позвоню.

– Что еще за хрень с адвокатом?! И что, ничего не написал о том, где он сам?

– Нет... Но я думаю, что ему пришло время все-таки спуститься... к истоку своих прежних проблем, чтобы он смог наконец их высвободить. Я знаю, не следует удерживать человека от дна, если он решает спуститься. Он решает это независимо от того, что кто-то сделает или скажет...

– Люси, мне всегда было трудно понять ваши отношения. И то, что ты говоришь сейчас это...

Люси перебила его:

– Я говорю только о том, что не следует вовлекаться в проблемы людей, которым вы хотели бы помочь. Душа – это механизм для приобретения опыта. Когда он это сделает, с ним

все будет в порядке. Неважно, со мной или без меня.

– Так ты, что ли, знаешь, где он может быть?

– Нет. Но надеюсь, он там, где должен.

Видно было, что Сержио лихорадочно пытается осмыслить сказанное. Они смотрели друг на друга, ломали пищу руками, молча ели и запивали вином. Зашел Томмасо с еще одним графином и присел рядом.

– Томто, а ты знал, что наш пропавший друг когда-то соврал этой сеньоре, что знает меня, и мы якобы дружим больше двадцати лет? – резко поднял голову Сержио.

– Хотел, наверное, привлечь ее внимание. Ну это и понятно, я ж такой красавчик популярный, – Сержио действительно относился к своей популярности со здоровой иронией, – а потом, когда он попал в беду, она нашла меня и нагло спросила, как могу я быть не в курсе того, что происходит с моим другом... Вот тогда мы и познакомились. Благодаря этой ненормальной «друг нашел друга».

Наконец стало совсем тихо, ресторан опустел, пора было уходить. Они тепло попрощались с утомленным Томмасо и медленно двинулись в сторону отеля. Они не говорили об Алексе, хотя каждый напряженно пытался понять, что же произошло. Время от времени Люси, прерывая их невысказанные раздумья, называла что-нибудь особенно любимое из его репертуара и тогда Сержио напевал вполголоса пару строк.

Они почти приблизились к ярко освещенному входу.

– Все. Дальше не провожай. Иди спать. И передай привет семье. Я обязательно приеду к вам. Но после *Садов*. – Люси улыбнулась и приподнялась, чтобы поцеловать его в заросшие щетиной щеки.

Он потрепал ее по волосам и сказал:

– Почему-то я думаю, что ты знаешь где он и верю, что все с ним в порядке. Хотя иногда хочется тебя из-за него убить. Но я рад, что ты так странно явилась в моей жизни и я не хочу тебя потерять.

На ресепшн Люси попросила, чтобы из ее номера забрали еду, к которой она так и не притронулась:

– И еще, пожалуйста. Могли бы вы где-нибудь приобрести для меня купальник. Я хотела бы завтра в 7 уже плавать в бассейне.

В планах на утро у нее было не менее 2 км воды и полтора часа в спортзале, лучше с тренером, до изнеможения. Потом спа и массаж. Люси нажала кнопку лифта и тут же его двери бесшумно раздвинулись.

SCHERZO 15

Ignis et Azoth
tibi sufficient

Difficile
pulchrum

15/// звуковая волна раскаляет порядок окружающего пространства, очищая кристалл вашей души и преподносит его в подарок миру

Музыка: Achraf Kallel/La Bohème

Она шла в самое сердце Рима. В пять часов утра по широкой и пустынной улице Примирения. В прохладе перламутрового утра площадь святого Петра была поглощена торжественной тишиной. Над ее головой растворялась таинственная, уже еле различимая прозрачно-голубоватая луна. И просыпающееся солнце своими тонкими серебряными, еще не согретыми, нитями-лучами ошупывало землю. Шаги приближали ее к границе Ватикана. Открывался вид на грандиозный Собор. За правой колоннадой Люси остановилась у Папского фонтана с четырьмя тиарами и ключами. Держала руки под тонкой прозрачной струей. И уже после поднялась по широкой, блестящей от утренней росы, лестнице.

У входа ее встречал «человек в штатском», а не представитель папской гвардии «в полосатом», как она себе воображала накануне.

Итак, ей дано благословение, и она проведет здесь ровно сутки. Ее жизнь здесь начнется сегодня с шестичасовой трапезы в компании служителей, ухаживающих за садом. А

в шесть утра завтрашнего дня закончится этот, казавшийся невероятным, эпизод ее жизни. Много лет ватиканские сады были ее тайной мечтой. Место мирского великолепия, создаваемое в течение нескольких веков теми, кто уже навсегда остался в его истории.

После завтрака Люси проводили к небольшому каменному зданию, скрытому в тихой атмосфере сада. Здесь находилось еще два таких же небольших дома, которые построил во времена своего правления Папа Пий IV, любитель паркового искусства. Встреча с нынешним Папой, конечно, здесь вряд ли состоится, но в жизни возможно всё.

Окно ее крошечной комнаты было распахнуто прямо в обильноцветущий сад. В этой его части много цветов было посажено в горшки, расставленные прямо на земле. И еще было много античных глиняных сосудов, разбросанных, казалось бы, в беспорядке, однако выглядящих гармонично и очень эллинистически.

Утро было еще свежо. И для намеченной длительной прогулки Люси надела толстый синий кардиган. Подумав, обмотала шею тонким шерстяным серым шарфом. Положила в глубокий карман плитку горького шоколада, горсть орехов, взяла тетрадь, справочник по истории Ватикана и вышла в сад. «Ватиканские холмы, я здесь для отдыха и созерцания», – мысли Люси текли плавно и наполняли всю ее звенящим предвкушением.

Она шла в южную сторону сада, защищенного от ветров

каменной глыбой знаменитой стены, которая почти вся была теперь покрыта плющом сверху донизу. Садовники занимались своей привычной и как нетрудно было заметить, любимой работой. Погуляв пару часов среди экзотических растений, фонтанов и водопадов, Люси нашла себе уголок под прикрытием стены. Она просто сидела расфокусировав взгляд и отпустив на свободу всякие мысли...

Совершенно неожиданно она обнаружила стоящую прямо перед ее носом мужскую фигуру. Люси нехотя и медленно возвращалась в реальность. Слегка шевельнулась и тетрадь, лежавшая на коленях, свалилась на траву. Она посмотрела под ноги и подняла голову, удивленно уставившись на нежданного визитера.

– Вы кто? Я никогда вас здесь не видел. А я на этой лавке уже три месяца сижу, каждый день в это время, – он поднял руку и для убедительности посмотрел на часы.

– Вы хотите, чтобы я ушла? – Люси растерялась.

– Вообще нет, разве я это сказал? – голос у незнакомца был глухой и совсем невыразительный, в отличие от его внешне-го вида.

Твидовая клетчатая куртка, белый плотный свитер с высоким горлом, черные отлично сидящие джинсы и коньячного цвета начищенные туфли на толстой подошве. В нем сочетались французская расслабленная элегантность и роскошный дизайнерский шик. Загорелая кожа, аккуратные очки в черной оправе с красными дужками, за стеклами которых

на нее пристально смотрели слегка близорукие миндалевидные глаза. «Совсем как у Адель, поразительное сходство!» – пронеслось в голове Люси. Копна беспорядочно вьющихся темных волос придавала незнакомцу слегка неопрятный, но продуманный харизматичный вид.

– Я с радостью бы с вами поболтал, если вы готовы отвлечься от своего увлекательного занятия. Что вы там пишете? – не дожидаясь ответа растерявшейся Люси, он поднял с земли тетрадь и протянул ей.

– Ну, что, я присяду? Или мне найти себе сегодня другой уголок в этом земном экзотическом раю. Здесь это не трудно. – он смотрел на Люси доброжелательно и заинтересованно.

– А хотите, пойдёмте, я вам покажу банановое дерево и цветущий олеандр, нигде в природе вы не встретите такое соседство. Только здесь *всё* возможно. Недалеко целый лес диковинных растений, которые прекрасно сосуществуют.

Ощувив себя как в старом кино с испорченной пленкой, где звук течет и отстаёт от картинки, Люси произнесла:

– Я пыталась записать очередную историю лягушки. Ее зовут Боня, а ее друга – Мартин, ему 8 лет. Но, кажется, я задумалась и уснула, – после она не могла объяснить, с чего вдруг вообще начала это объяснять незнакомому человеку.

И добавила, как под гипнозом:

– Садитесь конечно, я тоже буду рада с вами поболтать. Вам, кстати, очень идет эта оправа. Это Prada прошлого се-

зона, кажется?

«Господи, что я несу» – запоздало вспыхнула мысль в ее медленно проясняющемся сознании.

– У вас здорово получается спать с открытыми глазами. Я перед вами минут десять стою. Ну раз вы проснулись, не расскажите те ли мне эту историю, интересно, как ваша лягушка оказалась в самом засекреченном государстве мира? И что это за друг у нее такой... он, вероятно, аккредитован при Святом престоле... Или... я теряюсь... Расскажите как вы смогли попасть на территорию закрытого города, этого царства-государства? Без специального разрешения не получится, я точно знаю, – при этом он снял очки и взглянул на дужку, – точно, Prada. Вы что, дизайнер оправ?

– А вы как здесь оказались, я не видела, как вы появились. Я не дизайнер оправ, у меня просто такие же очки есть. Похоже, вы тоже не из местных садовников. Или ваш дедушка здесь служит, а вы приехали на каникулы его навестить? И вероятно, вы француз, вы на француза похожи...

– Ну я не совсем француз, но имя французское: Жан. Моя бабушка была влюблена во француза, эта романтическая история тянулась за ней шлейфом всю жизнь. А вам бы подошло имя *Люция*, – он произнес это с ударением на первый слог. – А вас как родители называли на самом деле?

– Практически так и называли.

Люси перевела взгляд на высоко поднявшееся ясное небо, с удивлением обнаружив, что день почти в разгаре. Потом

повернулась к нему и продолжила:

– У моего друга отец служил начальником спецслужбы, обеспечивал безопасность священной персоны и его резиденции. Ну и...

– Ну и можно не продолжать, тогда все понятно! Вы сегодня только приехали, надолго?

– Утром, пришла пешком. А завтра также пешком уйду, – Люси улыбалась, забавляясь их разговором. – А вы чем занимаетесь здесь три месяца?

– Ну, я здесь вдохновляюсь цветущей атмосферой, вот клевером, например, – он показал пальцем на островок свекольно-синих цветочных головок в изумрудной траве. – Я делаю эскизы для новой коллекции Coppola&Torro. Это итальянская марка бижутерии, она основана была еще в 46-м году. Но всё проходит, всё меняется... Мода сменилась и после смерти Лиды Копполы в 86-м деятельность фирмы прекратилась, украшения перестали выпускать. Так что вы возможно и не знаете о ней. Но сейчас внучка основательницы бренда решила его возродить...

– Вас, возможно, это удивит, – протянула Люси, потому что в ее голове мысли встрепенулись как потревоженные мотыльки, – но я знаю их авторские работы. Эти творения особенно ценились великими французскими кутюрье... И я знаю, что Balenciaga, Balmain, Dior, Fath, Lanvin и Schiaparell, например, любили их использовать как аксессуары в своих коллекциях...

– Вы меня удивили! – воскликнул Жан и с новым, каким-то жгучим интересом посмотрел на Люси.

Она рассмеялась и смущенно добавила:

– У меня даже хранится эскиз их нового кольца, названного моим именем. Я так была вдохновлена, когда увидела их винтажные украшения и узнала о возобновлении эпохи «дольче вита», что написала в компанию письмо с восхищением. И даже нагло выразила желание сняться в одном из их фантастических коле!

– Серьезно?! Ваш рассказ становится интригующим! Покажите ваши руки, – Жан взял ее ладони и развернул их к себе тыльной стороной, – а теперь шею покажите.

Люси размотала шарф и послушно подняла волосы, повернувшись к нему профилем.

– Ну и что, – спросил он, хитро прищурившись сквозь очки, – пригласили вас на съемку?

– Не-е-ет... – Люси развела руками.

– Это пока «нет». Пригласят, – в голосе Жана звучала спокойная уверенность. – Ладно, я предлагаю вам в обед встретиться в столовой, она прямо здесь рядом, в художественной мастерской. Там можно съесть отличный минестроне или настоящую итальянскую пасту. Пришлете мне почитать рассказы из жизни наглой зеленой лягушки?!

– Пришлю, напишите свой электронный адрес! – Люси радостно согласилась, чувствую себя с этим незнакомцем теперь совершенно свободно.

После обеда и Люси и Жан решили, что каждый займется своими делами. Но в ближайшие пару дней, пока она будет в Риме, он позвонит, и они обязательно встретятся еще раз.

Люси мало спала за эти сутки. Она заглянула во многие укромные уголки сада, наслаждаясь одиночеством и покоем. За все недолгое время, прожитое в этом удивительном месте, она привела в порядок мысли и оставленные на время дела казались ей теперь не такими значительными, как прежде.

Утром, вернувшись в свой отель, она развернула переданную ей Томмасом записку от Алекса и набрала записанный там номер телефона.

Через несколько гудков ей ответил сонный и сердитый голос адвоката.

– Доброе утро, меня зовут Люси. Могу я услышать...

– Надеюсь, что будет добрым, – буркнул мужской голос, – приезжайте, я жду вас в шестнадцать часов.

SCHERZO 16

16/// преодоление конфликта, в котором и чудо, и неиз-

бежность, и осознанная обязанность любить себя в системе, лишенной света, когда золотая нить вплетается в ткань жизни, и все встает по своим местам

Музыка: Vasco Rossi/ Eh...già

...перед тем как вернуться в отель, Люси направилась в сторону Испанской площади, которая находилась в 10 минутах ходьбы. Ранним утром испанская лестница пребывала в тени и была задумчиво-пустынна. Хотя не совсем... У ее подножия сидела парочка, тесно прижавшись друг к другу и завернувшись в темное шерстяное одеяло, спасаясь от утренней прохлады. На самом верху уборщик подметал листья. И еще двое парней в спортивных костюмах тренировали выносливость: взбегали вверх по лестнице и потом прыгали по ступенькам вниз на одной ноге, и снова вверх, и так без остановки вновь и вновь.

Люси неторопливо обошла овальный бассейн полупогруженного лодочного фонтана Баркачча, наслаждаясь его эффектным изяществом. Постояла несколько минут в раздумье и решила, что прежде чем идти на роскошный завтрак, ожидающий ее в отеле, она должна подняться и спуститься по этой лестнице.

«Сколько там ступенек, кажется, 135... Вверх. И потом – вниз. Еще один подъем и еще один спуск», – неожиданно для себя Люси поняла, что она сейчас хочет сделать. Быстрым

шагом она двинулась в сторону отеля. Торопливо поднялась в номер, переделалась, и почти бегом добралась к нижней набережной Тибра.

Там, у воды, она замерла на несколько минут, восстанавливая дыхание и потом двинулась вперед с каждой минутой ускоряя шаг... После одиннадцати километровой пробежки вдоль реки, по непрерывной, ровной дорожке без машин и светофоров, с красивыми видами отраженных в водной ряби домов, Люси почувствовала прилив энергии и проснувшийся здоровый аппетит. Она вернулась в свои апартаменты с приятным чувством радости и эмоционального подъема.

После душа Люси спустилась на завтрак. Прежде чем приступить к еде, она налила в стакан теплой воды – это была многолетняя привычка: пить перед едой теплую воду медленно, мелкими глотками.

Стол в ресторане был безусловно и изящно сервирован, украшен оригинальной миниатюрной композицией: несколько фиалок в яичной скорлупе на серебряном блюде. Казалось бы, заурядный завтрак превращался в маленький праздник. Люси попросила официанта приготовить двойной эспрессо и отправилась в противоположный конец зала к изобильному столу со сладостями и выпечкой. От запаха воздушно-золотистых круассанов у нее кружилась голова.

Адвокатская контора, куда ей предстояло сегодня идти, находилась в районе Трастевере. Люси решила, что отдохнет

немного и отправится туда пораньше. Сидеть в отеле она не будет. День обещает быть прекрасным. Ей хотелось побродить по этому старинному району Рима, по узким средневековым улочкам с многочисленными пабами и ресторанами, заглянуть в галерею с живописью и фресками, прогуляться по великолепному ботаническому саду: вдохнуть его теплую и уютную атмосферу.

Люси неторопливо пила кофе, с интересом разглядывая немногочисленную публику, собравшуюся к завтраку. На столе ярко вспыхнул экран телефона – входящий вызов от Сержио.

– Ты почему мне не звонишь? – он говорил в своей требовательно-наступательной манере.

– Давай рассказывай, как вы там с Папой по саду погуляли и когда ты с адвокатом встречаешься.

– Салют, Сержио! Папа велел непременно передать тебе привет, – Люси обрадовалась этому звонку, – я кофе сейчас пью в отеле и через пару часов буду в Трастевере. Адвокат там живет, и там же его офис находится. Встречу на 16 часов назначил. Хочешь, приезжай туда, прогуляемся и я все тебе расскажу про Сады и про свои новые знакомства.

– Отлично, приеду. Но только после твоей встречи с адвокатом. Я хочу знать, что происходит. Забронирую на вечер столик в каком-нибудь уютном местечке и отправлю тебе адрес. Буду ждать там. А сейчас сфотографируй мне, чем сего-

дня кормят гостей в знаменитых отелях. И не смей уходить из ресторана, пока я не пришлю список того, что выберу для себя. Ты ж все равно больше двух круассанов ничего есть не будешь. А я буду! За тебя, твоих бабушку и дедушку! Можешь все деликатесы прямо в скатерть завернуть и тащить в номер... курьера пришлю, у нас сейчас репетиция начнется – с удовольствием подкреплюсь!

Люси расхохоталась:

– Серджио, я говорила, что у тебя совсем не итальянское чувство юмора?! Не гоняй курьера, присылай адрес, я сама тебе отправлю скатерть со всей едой и сервировкой! – весело подхватила она.

Люси шла по лабиринту улиц на Кампо деи Фьори мимо баров, пахнувших горьким кофе и горячими корнетти. Завернула на рыночную площадь, с восхищением погрузившись в ее яркую торговую суету. Потом прогулялась по прекрасному оживленному кварталу рядом, заглядывая в цветочные лавки и маленькие магазинчики. Перед тем как направится к дому адвоката, она купила свое любимое итальянское джегато и уселась на лавку вблизи миниатюрного фонтанчика, весело журчащего посреди крошечной площади.

Дом адвоката Франческо Скопези располагался в стороне от шумных и суетных мест Трастевере и был скрыт от любопытных глаз за забором, обвитым одревесневшими лианами вечнозеленых бугенвиллий и малиновыми соцветиями оле-

андра. Небольшой дворик перед домом был уставлен плетеными корзинами, терракотовыми и металлическими горшками с цветущими кустиками вереска нескольких сортов самых разных оттенков. Все они были собраны в очаровательные цветочные композиции.

«Очевидно, что при всей внешней скромности, жизнь здесь стоит дорого», – отметила про себя Люси.

В просторном коридоре ее встретила эффектная смуглая итальянка трудно определимого возраста (ей можно было дать от 50 до 65 лет) в черном total look: элегантные широкие брюки, фирменная тонкая футболка, заправленная под кожаный ремень. На ногах были простые, но высокого качества стильные туфли-лодочки на низком каблуке. Образ завершали ухоженные, искусно уложенные волосы и бриллиантовое созвездие Псов на пальцах.

Ее звали Марта. Она провела Люси в небольшой зал-гостиную, из которого можно было выйти на террасу. Предложила присесть, вышла и вернулась через минуту с охлажденным бокалом белого вина и оливками. Она была сдержана, но вполне приветлива.

– Пять минут, дорогая. Выпейте пока вина. Синьор Ско-рези сейчас спустится к вам.

Люси была несколько озадачена таким обращением, но возражать не стала. И действительно, вскоре в гостиную вошел адвокат и сурово пригласил ее в свой кабинет, куда они немедленно прошли через открытую террасу.

В небольшой комнате, заставленной внушительными старинными шкафами с книгами и антикварной мебелью, они расположились в уютных креслах друг напротив друга.

– Извините, я не приглашаю вас в офис, он в пентхаусе, – Скорези слегка взмахнул рукой, – не хочется придавать лишний пафос этой встрече. Хотя, я несколько обеспокоен...

Он продолжал говорить с ней сурово и, казалось, сердился и на нее, и на себя, что оказался втянутым в эту историю:

– Вы не мой клиент. Да и Алекс никогда не был. Но я согласился выполнить его личную просьбу, как старый друг его отца, как друг семьи...

Люси напряглась: волнение адвоката (а теперь она понимала, что именно этим вызвана его суровость) стало передаваться и ей. Внезапно он замолчал. Люси замерла. Он поднялся, подошел к столу и достал из ящика пачку сигарет. Вернулся в свое кресло, снял очки и закурил. Пододвинул пачку ей.

– Скажите, Люси, вы знали, что почти 6 лет его счета и вся недвижимость были арестованы?

– Да. – Люси ответила односложно и тоже закурила.

– Я прошу меня простить... в таком случае вы задавали ему вопрос: на какие средства он жил все это время?

– Нет. – Люси внимательно смотрела в его лицо.

Адвокат кивнул и продолжил:

– Я всегда его знал очень веселым, общительным ребенком, и потом... Он получил блестящее образование, свобод-

но говорил на пяти языках... У него было много друзей, его все любили... Удивительно, что у него не сложились семейные отношения, хотя он имел большое любящее сердце и всегда был очень щедрым. Он выбрал себе интересную профессию, ну, вы знаете... Много летал по миру. Кажется, его знали все экипажи итальянских авиалиний. Но когда с ним это случилось, вы знаете, что никто не предложил ему свою помощь?

– Он никого не хотел об этом просить.

– О таких вещах не просят... Меня мучает вопрос: почему никто этого не сделал. Но почему *вы* ему помогли? Впрочем, я не жду ответа. Оставим это... Я скажу то, что должен. Сейчас его счета разблокированы и восстановлены права на всю недвижимость. И теперь он хочет, чтобы всем этим распоряжались вы. Если вы дадите согласие, я начну оформление необходимых бумаг. Конечно, вы можете отказаться. Но я надеюсь, вы этого не сделаете.

– Вы знаете где он? – Люси затушила сигарету и вытащила из пачки следующую.

Адвокат удивленно смотрел на Люси:

– Я полагал, что вы знаете.

– Нет. Его телефон отключен. Вот что я вам скажу. Найдите способ передать ему, что я приму решение тогда, когда буду знать где он находится. Этого мне будет достаточно, чтобы понять... И тогда я дам ответ, – твердо повторила Люси.

Адвокат устало вздохнул:

– Думаю, если вы себе зададите этот вопрос, то найдете правильный ответ. Вы когда-нибудь задумывались над тем что происходит, если яйцо разбивается силой извне и когда яйцо разбивается силой изнутри?

– В первом случае зарождающаяся жизнь гибнет, во втором – воплощается.

– Именно так. Но откуда берется источник этой внутренней силы для воплощения и кто им распоряжается? Все великое всегда начинается изнутри.

Разговор принимал неожиданный и странный оборот. Люси пыталась уловить смысл сказанного.

– Какое отношение все это имеет к распоряжению Алекса, которое вы решили выполнить? – осторожно переспросила она хмурого адвоката.

– Не знаю точно, – произнес он устало, – думаю, он созрел для каких-то серьезных изменений в своей жизни...

Перед Люси сидел крепкий мужчина с острым взглядом, у которого, казалось, отсутствует связь с возрастом. Внешний вид его недвусмысленно заявлял, что он хорошо осведомлен о последних модных коллекциях и тенденциях. Он заботился не только об общей внешности, но и о деталях: аксессуары были тщательно подобраны к образу.

«А ведь ему должно быть лет 80», – думала Люси. Она чувствовала силу его внутренних эмоций. Не обращая внимание на высказанное условие, он быстро и толково описал

состояние финансовых дел Алекса, которые, как Люси уже поняла, ей предстояло взять на себя на неопределенное время.

Когда наконец Франческо Скопези перевернул последнюю страницу и отодвинул от себя папку с бумагами, Люси глухо произнесла:

– Знаете, сейчас я бы выпила кофе. И может быть, что-нибудь покрепче. Угостите меня?

Он поднял одну бровь:

– Ну что же, пойдёмте.

В зале-гостиной за столом к ним присоединилась Марта. Она внимательно слушала разговор, но не принимала в нем участие. Люси все-таки решилась задать вопрос, который возник сразу, как только адвокат сообщил о причине их встречи:

– Синьор Скопези, вы ведь сказали, что хорошо знали Алекса... как он жил, его семью. Вам не кажется странным, что он не оставил все это своему сыну?

– Вы же тоже его хорошо знали, не так ли? Вы были рядом все эти годы. Думаю, такие финансовые обязанности еще больше усложнили бы их и без того непростые отношения.

И уже прощаясь у ворот, куда он проводил Люси, адвокат неожиданно произнес:

– Вам следует знать еще вот что: Марта – родная сестра Алекса.

SCHERZO 17

17/// мягкий гипноз резонанса образного кода слов разрывает зависимость от заботы других

Музыка: Kovacs/Mata Hari

Ужин получился скомканным. Люси проглатывала горячие куски пиццы, не чувствуя при этом ни вкуса, ни аромата. Она сбивчиво рассказала Сержио о своей встрече с адвокатом.

– Сестра? – удивился Сержио. – Но мне он говорил, что его сестра давно умерла, буквально через год после отца. Он тогда был совершенно раздавлен. С этого начались его бесконечные неприятности...

– Да, мне он это тоже говорил...

– Я не понимаю. Почему ты ни о чем не спросила эту Марту? Откуда она взялась, не понимаю...

– Зачем? Она все время была рядом и не задала мне ни одного вопроса. Признаться, я не знаю... что обо всем этом думать. К тому же у меня сейчас много обязательств, связанных с выставкой, с изданием книги: ее сейчас переводят на два языка. Запланирована встреча в Берлине по поводу возможной экранизации. Просто мозг взрывается...

– В Берлине? Это даже звучит странно.

– Ну просто так удобно. Подходящий пересадочный пункт и место для встреч, когда люди летят из разных точек мира... Я, вообще-то, хотела вернуться домой, но теперь...

Мне нужно прежде разобраться со всем. Помоги мне, я хочу разыскать его сына.

– Я, как и ты, знаю только, что он живет где-то в Америке. Учиться улетел, кажется. Но ты могла бы спросить у адвоката, или у этой загадочной Марты – они точно должны знать.

– Нет, Сержио. Не могу. Я пока не понимаю почему. Но нет. Нужно самой его найти. Наверняка он есть в социальных сетях. Ты знаешь какого-нибудь толкового парня?

Сержио, взял телефон:

– Я позвоню Марио, его сын Якопо – компьютерный гений.

С Якопо они встретились спустя час, в центре Рима, недалеко от Триумфальной Арки, в маленьком коворкинге, похожем на обычное кафе. К счастью, в это время уже было тихо, слышалась только тихая музыка. Те, кто приходил сюда для работы, уже разошлись.

Якопо сидел, развалившись на стуле, и листал книгу, возможно, одну из тех, что стояли на полке у него за спиной. Перед ним стояла большая кружка кофе и тарелка с печеньем. Он был в наушниках и массивных роговых очках, которые придавали ему значительный вид. Квадратная форма лица, высокий лоб, короткая хипстерская стрижка. Руки в татуировках притягивали взгляд, они придавали ему вид крутого и самоуверенного парня. Эти тату на всю длину рук были изображением единой сюжетной мифологической карти-

ны. В нем чувствовался напор и сила зрелого мужчины, хотя недавно, как уже знала Люси, ему исполнилось только семнадцать. Он поднял глаза, поймал взгляд Люси, загнул край страницы, закрыл книгу и убрал ее в рюкзак.

– Что ты читаешь? – не удержалась от вопроса Люси.

– «Золотая игра». Кассовски. Знаете?

Люси кивнула. Это было неожиданно – редкая книга, в которой воспроизведены целые серии алхимических трактатов с коллекцией гравюр и символов.

– Так кого вы хотите найти? – Якопо был нетороплив и вежлив, но, казалось, не очень рад провести вечер с «ненормальной русской». Люси еще раз взглянула в сторону рюкзака, куда он убрал книгу. Очевидно, что она ошиблась, книга принадлежала ему, а не библиотеке коворкинга.

– Знаешь, я попала в странную запутанную историю. Мне нужно найти человека. Знаю только имя: Лука. Хотя еще, кажется, дату рождения. Он, скорее всего, живет в Америке, я не уверена.

Якопо посмотрел на Люси подозрительно:

– Давайте выйдем на улицу, я хочу покурить... А вы мне расскажите, какое отношение этот человек имеет к вам, хорошо?

– Да, хорошо, – Люси механически взяла со стола кофе Якопо. Он ухмыльнулся, выбрал печенье с тарелки и протянул ей.

В атмосферу сгущающихся вечерних сумерек рассказ Люси привносил таинственность с легким оттенком мистики.

– Ты ненормальная, – заключил Якопо, затушив третью сигарету.

За двадцать минут разговора все изменилось. Они будто были знакомы всю жизнь.

– Не знаю что бы я подумал, если бы моя мать попала в подобную историю. У тебя дети есть?

– Да, сын. Он живет в Новой Зеландии.

– Ух ты! Интересно... Пойдем, я думаю, мы найдем этого парня. Интересно, что ты ему скажешь, – Якопо открыл и придержал дверь, пропуская Люси в освещенный проем.

– А мне интересно, что скажет он.

Часа через полтора она уже знала, где живет и чем занимается сын Алекса. Они даже узнали, что сейчас он встречается с девушкой из Японии, моделью. Лука заканчивал восьмой семестр по специальности юриспруденция в Бостонском университете. Каждый год летом Лука приезжал домой, в старый чудесный Бриндизи, где жила его мать.

– Бостон, один из самых интеллектуальных городов мира, – заметил Якопо.

Люси отправила Луке сообщение, короткую просьбу о важном разговоре, связанном с его отцом. Через двадцать минут она уже получила ответ: «Синьора, я не знаю кто вы, но могу сказать, что мой отец – самый великий лжец в мире. Я, черт возьми, не видел его шесть лет и не знаю, что он де-

лает. Меня не беспокоит его судьба. Я научился справляться в жизни без него».

Люси растерянно смотрела на Якопо.

– Хм-м, по твоему рассказу, его отец выглядит вполне приличным человеком. Но впечатление такое, что вы говорите о разных людях.

– Да, странно, может быть это не он. Я уточню.

Ответ Луки на подробный вопрос Люси был краток: «Да, это мой отец».

– Судя по всему, у этого Алекса запутанное прошлое, – заключил Якопо.

– Я должна поговорить с его сыном. Глупо было бы писать ему о свалившихся на мою голову денежных счетах и домах его отца.

– Почему глупо?

– Ну, если и не глупо, то неправильно...

– Так позвони ему. Он же отца не хочет знать, а не тебя. Заинтересуй его, только без излишней мелодрамы. А вообще, лучше бы тебе сейчас пойти поспать и перестать думать обо всем этом на время. Утром проснешься и все решения придут. Почитай что-нибудь, отвлекись.

– Да, ты прав. А можешь мне свою книгу дать до завтра? И еще я хотела тебя попросить: ты со мной съездишь завтра во Флоренцию? Мне нужно посмотреть эти, неизвестно откуда взявшиеся, дома.

– А что, ты одна боишься заблудиться? – Якопо смотрел

на нее с ироничной, но доброй ухмылкой, слегка запрокинув голову, – Насколько я понял, ты Флоренцию отлично знаешь, ты сказала, что у тебя там есть дом. Мне, конечно, любопытно на все это свалившееся наследство взглянуть. Но тебе придется отпрашивать меня у отца. Он не разрешает уезжать из дома даже на велосипеде дальше пяти километров, да еще с незнакомыми людьми.

Якопо хохотнул в кулак и через секунду уже улыбался во весь рот дружелюбной белозубой улыбкой. Рядом с этим парнем Люси чувствовала себя потерявшимся ребенком, который, наконец, попал в надежные руки ответственного человека.

– Пойдем, я провожу тебя до отеля, – сказал он, забрасывая на плечо свой фирменный швейцарский рюкзак.

– Пойдем. Я люблю ночной Рим. Он так подсвечен, что становятся таинственно-сказочным и загадочными.

– Ага, как твоя жизнь, – присвистнул Якопо, на ходу доставая из рюкзака книгу, – держи, чтобы не забыть. Мне интересно как ты ее будешь читать.

– Очень просто. Открою наугад. И наверняка увижу то, что мне нужно, – Люси устало улыбнулась.

– Интересно, завтра мне расскажешь, что тебе там откроется.

– А ты мне сейчас расскажи о своих татуировках. Это что, потребность в неких компенсациях? Или в ярких эмоциях – как любовь к экстриму. Или желание получить контроль над

своим телом?

– Да нет, для меня это самостоятельное искусство, мировоззрение и образ жизни.

Прогулка до отеля по освещенным фонарями улицам была наполнена магнетизмом, который невозможно почувствовать при свете дня. Прежде чем подняться в номер, Люси задержалась в холле, очарованная негромкой игрой одинокого пианиста, гостя отеля.

Затем, уже у себя, она устроилась в глубоком кресле и открыла книгу. В мелкую вязь букв был вплетен глубинный смысл всего: поиск просветов бытия, просвета в значении слабого луча света во мраке и промежутка между ними.

Ранним утром Люси поднялась на Авентинский холм. С вершины смотровой площадки, окруженной апельсиновым садом в дрожащей утренней прохладе, открывался чудесный вид на романтический город. «Самые удивительные вещи ждут нас там, где мы научились ничему не удивляться и не пугаться, если на наших глазах ломается установленный порядок. Но упрощая сложное для удобства понимания, мы упрощаем себя и крадем возможность приблизиться к чему-то действительно важному...» – с этими мыслями Люси встретила рассвет.

SCHERZO 18

18/// паутина автографа на печати объединенных траекторий солнца, дающего движение жизни вне тебя... и луна: источник течения энергии внутри тела, знающего, что часы не исчисляют время

Музыка: Tom Baxter/ Tell Her Today

Якопо ждал ее у подножия холма. Он сидел на земле, приклонившись к колесу своего сверкающего Дукати.

– Что же, папа меня отпустил, и я готов сгонять с тобой во Флоренцию, – он поднялся и протянул ей шлем.

– Сказал, чтобы я присматривал там за тобой и не давал есть много сладкого и мороженого, – он смотрел на нее сверху вниз, но казалось, что смотрит исподлобья. И глаза его были серьезными, хотя говорил он с доброй усмешкой.

– Слушай, у тебя есть подружка, с которой ты бы хотел провести день во Флоренции? Если есть, бери ее с собой. Погуляете по городу. Мороженого поедите. Я сейчас не готова ехать. Я дам тебе адреса, куда нужно заглянуть. А потом мне расскажешь, что ты там увидишь. Еще я дам ключи от своего дома, отдохнете там перед возвращением. И я бы хотела, чтобы ты кое-что привез оттуда.

– Ну даешь, ты же вчера говорила, что тебе необходимо во всем разобраться... Что изменилось? Или ты сейчас в саду апельсинов объелась?

– Якопо, там в саду... Там я поняла, что *не-хо-чу* никуда ехать и *не-хо-чу* ни в чем разбираться. По крайней мере сейчас. Мне нужно время, – Люси слегка улыбнулась, – я сейчас вернусь в отель и высплусь. А потом устраю себе заветный шопинг-марафон. Я же в Италии! Давно я в Риме не исследовала магазинчики на легендарной Виа Кондотти.

Якопо опять опустил на землю и достал сигареты.

– Ты много куришь, парень, – бросила Люси и присела с ним рядом.

– В Италии все много курят, – он смотрел прямо перед собой. – Тогда зайти в Caffè Greco, это самое старое кафе в Риме, ему уже лет 250. Там, кстати, Паола иногда работает. Моя девушка. Устраивает раз в месяц что-то типа творческих просветительских вечеров. Но не для туристов. Только для местных итальянцев. Рассказывает об известных людях, которые в этом кафе бывали. Всех я не помню, но точно: Байрон, Гёте, Адам Мицкевич, из ваших, кажется, бывали Гоголь и Тургенев. На стенах висит почти 300 произведений искусства – самая большая частная бесплатная галерея в Риме. Еще вспомнил: Казанова, Федерико Феллини, Шопенгауэр, Софи Лорен...

– Впечатляет! Удивительно, что я никогда там не была. Возможно удастся сегодня заглянуть, – и помолчав, добавила протяжно, – и знаешь, я хочу вернуться домой... соскучилась по дому.

– А где твой дом? – он повернул к ней голову. Люси мол-

чала. Он кивнул своим мыслям и продолжил, – У нас есть вилла на Сицилии с маленьким виноградником на заднем дворе. Из окон видно море, по утрам смотришь, как рыбацкие лодки отходят от берега. А вечерами все дружно накрывают ужин на террасе и отдыхают с бокалом вина или рюмочкой лимончелло.

– Хорошо-о-о как.

Якопо чувствовал, что она внимательно его слушает, но его удивило то, что она произнесла:

– Понимаешь, дома или в ашраме человек может или найти освобождение или запутаться.

– Для меня сложно то, что ты говоришь, – печально произнес он.

Люси поднялась:

– Поехали, я дам тебе ключи от дома. И верну книгу. Ты же там не только картинки рассматриваешь, верно? – она тепло ему улыбнулась, – Нет ничего сложного, когда понимаешь, что человека определяет не место, а движение энергии и траектория, по которой она движется в теле и вокруг него.

– Алхимические гравюры это не «картинки», – хмыкнул Якопо.

– Конечно, – легко согласилась Люси. – Позвони Своей Паоле, надеюсь, она с радостью согласится на это маленькое путешествие с тобой.

Через три часа Люси неторопливо шагала по одной из старейших, известнейших улиц Рима. Она наслаждалась неторопливой прогулкой так, как это могут делать коренные итальянцы. Суетятся лишь туристы. Из бутиков с обувью она заходила в престижные магазины одежды, а потом переходила к брендам кожаных изделий, разглядывала дорогие ювелирные изделия в витринах. Она получала настоящее удовольствие от царящей вокруг романтично-оживленной атмосферы и импульсивных покупок, которые делала с легким возбуждением.

У дома №68 Люси остановилась, подошла к металлическим черным воротам в глубине небольшой арки. Эта немалая вилла в центре города теперь являлась официальной резиденцией Великого магистра Мальтийского ордена. По сути дела, за этими воротами находилась миниатюрная страна, и где-то там был скрыт «джардино сегрето» и орденская церковь Санта-Мария-дель-Приорат.

За своей спиной она услышала обрывок фразы про счастье, которое требует усилий и времени.

Голос показался знакомым. Люси обернулась.

– Вот это да, как скоро мы встретились опять, – удивилась она.

Это был Жан, ее неожиданный знакомый, с которым сутки назад они любовались ватиканскими цветами. Он стоял к ней вполоборота, разговаривая с почтенным старцем в тонком кашемировом пальто. Тот опирался на изящную трость

с выразительным позолоченным набалдашником.

– Ожидание счастья лишает вас сил, – тихо ответил он Жану на вопрос, который Люси не расслышала. Затем повернулся и, пройдя мимо Люси, оказался за черными воротами, куда, как гласила табличка, посторонним вход был запрещен.

Жан стоял, засунув руки в карманы своего пижонского сюртука, и провожал взглядом старика, пока тот не скрылся за массивными дверями парадного входа Палаццо Мальта. Когда он развернулся, чтобы уйти, то сразу встретился с любопытным взглядом Люси.

– Привет, – кажется, он был немного встревожен и взволнован, – какая неожиданная встреча, – произнес он задумчиво и немного отстраненно глядя на нее. Затем посмотрел на фирменные пакеты в ее руках.

– Там, в ватиканских садах, вы совсем не были похожи на шопоголика. Но теперь, – он развел руками, – даже не знаю, что и думать. Здорово, что я вас встретил. Слушайте, у вас есть время сегодня вечером? Можете составить мне компанию? Я приглашаю вас на маленькое закрытое мероприятие, дружеский коктейль. Это вот здесь, совсем рядом.

Люси посмотрела в сторону его вытянутой руки.

– Там будут интересные люди. Из мира моды. Пойдемте, должно быть интересно и необременительно.

Люси ответила, не раздумывая:

– Я пойду, с удовольствием.

– Ну и хорошо, тогда буду вас ждать здесь в восемь часов. Сможете, кстати, выгулять свои новые наряды. Извините, сейчас я должен идти. А вам желаю удачных находок, вижу, вы еще не все магазинчики обошли, – и он еще раз с недоумением осмотрел пакеты в руках Люси.

В номере она пересмотрела свои покупки и осталась очень довольна.

Якопо позвонил и сказал, что Паола с удовольствием поедет с ним. Она освободится только после пяти часов, а значит, во Флоренцию они приедут уже поздно.

– Люси, не возражаешь, если мы переночуем в твоём доме, а завтра выполним все поручения? Погуляем по Флоренции, а к вечеру вернемся в Рим.

– Конечно, – согласилась Люси с энтузиазмом, – надеюсь, мои просьбы не будут для вас в тягость.

Люси сидела у приоткрытого балкона, вытянув ноги и иногда поглядывая вниз на гуляющих прохожих. Она даже успела обсудить по телефону текущие рабочие вопросы, вполуха слушая популярный здесь новостной канал Rai News 24. Пора было выходить на встречу с Жаном. Люси выключила телевизор, подошла к зеркалу. Из него на нее смотрела безупречно одетая европейка с выразительными глазами, тонкими скулами и открытым лбом. Волосы были гладко зачесаны назад. В одежде – лишь одна лаконичная, но запоминающаяся деталь...

К назначенному месту встречи они подходили одновре-

менно с противоположных концов улицы, находясь в поле зрения друг друга за сотни метров. Их траектория движения была свободна от посторонних людей все те несколько минут, что они сближались.

– Почему-то я не был уверен, что вы придете.

– Отчего же?

– Вы слишком быстро согласились, но при этом я не заметил даже тени любопытства или заинтересованности моим предложением. Подумал, что это может быть у вас такой способ избавиться от меня.

– Ну что вы. Если бы я не хотела, я бы прямо об этом сказала. Я здесь и теперь, прежде чем мы войдем, вы скажете, к чему я должна быть готова?

– Судя по тому, как вы выглядите, я бы рискнул предположить, что вы все знаете может быть лучше меня и имели сюда персональное приглашение. Но по какой-то причине не захотели мне об этом говорить. Женщины любят такие игры.

– Нет, Жан, ничего подобного, уверяю вас. Наверное, мы уже родились с возможностью встретиться здесь. Как вы считаете?

– Я очень рад. Вам не нужна лишняя информация. Идемте, вы все увидите сами, – он взял ее за руку.

После дневной встречи с Жаном и его приглашения на специальный вечерний коктейль в бутик Gucci, Люси решила не заходить туда, хотя именно в него и направлялась. Это был один из самых дорогих и эксклюзивных магазинов горо-

да, с оригинальным дизайном в стиле арт-деко, стеклянными и позолоченными абажурами, декорированными сводчатыми потолками, уникально оформленными многогранными торговыми ландшафтами.

Гости собирались в специально подготовленном помещении, расположенном позади дальнего зала.

Было не более 50 человек. И кажется, все были знакомы друг с другом. К удивлению Люси, Жан не называл имен присутствующих и не представлял ее тем, с кем останавливался для короткой беседы. А минут через пятнадцать и вовсе оставил ее, сказав, что должен удалиться для важной частной беседы.

Некоторые лица казались знакомыми, она их определенно встречала в глянцевых журналах или в модных телерепортажах с многочисленных недель мод. Но имен некоторых гостей она не могла вспомнить, впрочем, и не пыталась. Одеты все были изысканно, но сдержано. Похоже, что это действительно была закрытая вечеринка: без настойчивой прессы и вездесущих фотографов.

Фуршетная линия была лаконично представлена закусками, но очевидно, что организаторы не ставили задачу произвести впечатление на избранную публику и устроить гастрономическое шоу.

Здесь царила дружеская, расслабляющая атмосфера. Правда в ней еще улавливался дух предшествующих коктейлю деловых переговоров.

Люси вынуждена была с удивлением признать, что чувствует себя вполне комфортно и естественно. Несколько раз с ней приветливо здоровались, пару раз вовлекли в общий разговор, задавая какие-то вопросы.

Подошедший официант учтиво предложил с серебряного подноса бокал шампанского, который она с благодарностью приняла и направилась в маленький дворик, куда гости, не прерывая беседы, периодически выходили курить.

Когда она поднесла бокал к губам, вдруг вспомнила: сегодня в новостях, которые она слушала не очень внимательно, проскользнуло сообщения о возможном возвращении Тома Форда на пост креативного директора модного дома Gucci. И сразу эта маленькая вечеринка приобрела для нее иной смысл. Люси поискала глазами Жана. В глубине зала она разглядела его лицо за спиной разговаривающего с ним высокого мужчины. Люси направилась к ним. Жан заметил ее и помахал рукой, призывая присоединиться:

– Люси, я хочу тебя представить...

Перед ней собственной персоной стоял автор целого ряда культовых образов современной моды. Люси протянула руку.

– Я Элис Крафт.

– А я Том. Форд, как вы должно быть, поняли, – произнес он дружески, со своей игривой фирменной улыбкой. – О! Я слышу, что вы носите мои духи! Должен признать: «Тосканская кожа» вам очень идет.

Его глаза лукаво сверкали. Том окинул ее профессиональным взглядом,

– Это случайное совпадение или вы специально готовились произвести на меня впечатление, выбрав это платье?!

Буквы ТОМ ФОРД на внутренней этикетке прожгли ей шею. Сегодня, по случайному совпадению, Люси выбрала это черное длинное платье-смокинг. Или совпадение не было случайным?

SCHERZO 19

19/// и капля черного меда улиткой скользит по тонкой золотой пластине в запахах тьмы и вечности

Музыка: Kaz Hawkins/ Surviving

– Где ты сейчас? Поговори со мной...

– Я ведь ждал твоего звонка! Я ужинаю, сижу за нашим любимым столиком, рядом с белым роялем, – голос Егора будто вытолкнул Люси из тяжелой хрустальной воды.

– О! Значит, ты сейчас в ГУМовском Bosco Cafe'... Как это хорошо, итальянский стиль либерти – *это* сейчас в моем воображении. Возьми и для меня что-нибудь, представь что я с тобой.

– С удовольствием! Их фирменный десерт и ристретто? А ты где? Ты прилетела?! – он был взволнован.

– Нет-нет. Я все еще в «итальянских декорациях»: щедрых, пышных, вычурных, витиеватых и причудливых. Возвращаюсь после невероятной встречи. Я должна тебе немедленно об этом рассказать. Ты один?

– Да, пока один, говори.

– Как удачно! Позже я тоже занята буду. Ко мне должны приехать ребята из Флоренции. Я просила их кое-что там сделать для меня. Мы договорились, что я встречу их в своем отеле. Ты не представляешь, с кем я вчера познакомилась! А сегодня мы с ним встретились! Слушай!..

Она стала рассказывать все события, произошедшие так

стремительно: Люси приехала на встречу в полдень, как они с Томом и договорились накануне вечером. Он уже сидел за угловым столиком в ресторане, известного своими блюдами из морепродуктов. Такой же безупречный: в черном костюме, белой рубашке и галстукe с золотой булавкой.

– Должна вам признаться, Том, я очень удивлена, – начала Люси. – Что вас могло заинтересовать в моем рассказе о выставке и сборнике неизданных фантазий?

– Вы.

– Я?! Я удивлена и растеряна! – Люси говорила слегка настороженно и взволнованно. – Возможно, с моей стороны вчера было неосмотрительно и дерзко рассказать о том, что вы стали частью сюжета этой придуманной истории: режиссером, снявшим кино по книге неизвестного автора...

– Признаюсь, это было очень изобразительно, дерзко и весьма убедительно. Вы не побоялись меня удивить, – он неторопливо поворачивал бокал с водой, стоящий на белоснежной скатерти и изучающе рассматривал Люси.

Потом он продолжил неторопливо:

– С выхода моего последнего фильма прошло уже много лет. Мне предлагали заняться интересными проектами, но я из-за перфекционизма не берусь за готовые предложения. Я слишком люблю контролировать весь процесс сам. Поэтому, в отличие от вашего героя, я тот Том Форд, который не собирается экранизировать вашу *книгу*. Я хочу сделать другую историю – историю ее автора. Вашу, – он, играя бокалом,

рассматривал Люси. – Видите ли, наша встреча, она не может быть случайностью. Вы вчера мне рассказали про Нору – я был поражен. Я ведь давно знаком с нею. И за 18 лет, проведенных в Лондоне, мы с ней сдружились. Я хорошо знаю ее как человека неординарной интуиции, опытного и успешного галериста. Конечно, ночью, после нашего разговора, я ей позвонил и она поделилась своими планами, связанными с вашей выставкой. Прежде чем продолжить, я вас спрошу: помните сюжет фильма «Под покровом ночи»?

– Да, конечно. История о Сьюзан Морроу, у нее галерея, прекрасный муж и дом. Но она получает посылку от бывшего мужа с просьбой прочесть его новый роман. Вымысел переплетается с памятью, история в книге – с воспоминаниями самой Сьюзен... Фильм великолепный, пугающий, и ужасно грустный.

– Наверное, это была боль собственного глубокого опыта. Так вот, я бы хотел снять другое кино, где переплетается чужой вымысел с другим опытом и другой реальностью. Давайте принесем ваши небеса на землю и разделим их с другими людьми, – он смотрел на Люси беспристрастно и мудро. – Признаюсь, я попросил Нору прислать мне электронную рукопись вашей книги. Ночью я прочел 4 разных части, выбранных наугад. И мне показалось это сумбурным, но там есть внутренние смыслы и мотивы. У меня появилась идея...

Люси приподняла над столом ладонь, останавливая его, и сказала:

– Знаете, мост между модой и кино пытались построить многие, но общепризнанно, что настоящего успеха добился лишь один человек – Том Форд. Но я не понимаю как можно соединить эти два берега: вас и меня? Я сейчас чувствую неловкость, как человек, который необдуманном поступком ввел уважаемых людей в заблуждение. Для меня все это очень стремительно развивается и...

– Мы попробуем, Элис. И я хочу вам сказать: всегда признавайте свои достоинства, – он успокаивающим жестом прижал ее ладонь к столу.

И вот после этой встречи она шла по улице ничего не замечая вокруг, пока ее не пронзила мысль, что у нее есть человек, которому она может позвонить и рассказать все. Она тут же набрала номер Егора. Он выслушал не перебивая.

Она замолчала, но сразу требовательно воскликнула:

– Егор, что ты молчишь? Ты понимаешь? Он сказал, что хочет сам писать сценарий и быть режиссером фильма.

– Ты что такая тревожная? – За тысячи километров от нее Люси слышала мягкие звуки рояля вблизи столика, за которым сейчас сидел Егор с чашкой остывшего кофе. – Чему ты удивляешься, Люси? Человек получает то, о чем осмеливается просить, не ты ли мне об этом говорила?

– Как бы мне хотелось отвлечься от своей запутанной реальности и вернуться в мир твоего неискаженного оптимизма!

Люси чувствовала, как горят ее щеки. В конце разгово-

ра, уже попрощавшись, Егор успокаивающе, но твердо произнес:

– Воплощай.

Люси взглянула на часы. Нужно торопиться. Ребята должны были уже вернуться. Она стремительно вошла в холл, ища глазами Якопо. Он и Паола сидели спиной к ней и о чем-то говорили с барменом. Они повернулись одновременно, до того как она успела их окликнуть.

– Поднимемся ко мне, – быстро произнесла Люси, – вы выглядите уставшими. И давайте закажем в номер что-нибудь поесть.

Ребята утвердительно кивнули и направились к лифту. Пока ждали room service, Якопо вслед за Паолой принял душ. Люси дала гостиничные халаты и предложила расположиться в уютных диванах и креслах гостиной.

– Сейчас я на экран телевизора выведу фото, которые ты просила сделать. Ты знала, что находится по этим адресам? – уточнил Якопо.

– Адвокат сказал, что это небольшой отель, какой-то маленький ресторан и художественная мастерская, но я никогда не слышала о них от Алекса...

– Странно, как это адвокат не сказал тебе, что «маленький ресторанчик», вообще-то, старейшая желатерия Флоренции и, пожалуй, самая лучшая. Она существует с 1929 года. Это «секретное» место флорентийцев, о котором туристы и не догадываются, – он неторопливо листал фотогра-

фии, давая время Люси рассмотреть их, – «художественная мастерская» в каком-то смысле нестандартный музей. Расположена в мрачном здании XI века на набережной Арно. А то, что ты называешь «небольшой отель» – древний монастырь XII века с монашескими кельями. Вовнутрь мы не попали.

Люси молча, внимательно и неторопливо рассматривала фотографии.

– Да, и еще... Кто, кроме тебя и Алекса, может бывать в твоём доме? – осторожно спросил Якопо у Люси и взглянул на замершую Паолу.

Люси оторвалась от экрана:

– Почему ты спрашиваешь? – ответила она глухим эхо.

– Потому что там явно кто-то был незадолго до нас. Стоял крепкий запах кофе, а в ванной сохло банное синее полотенце. И воздух был еще влажный.

Люси внимательно и требовательно посмотрела на Паолу:

– Ты что-то еще хочешь сказать, верно?

– Я подумала... не мог приехать его сын? Ночью мне слышалось, что к дому подъехала машина и я аккуратно выглянула в окно. Из машины вышел парень, кажется, собрался зайти в дом. Но заметил наш мотоцикл, постоял немного нерешительно, потом сел обратно в машину и уехал.

– Так... Вы привезли камни?

Якопо дотянулся до рюкзака, достал небольшой черный сафьяновый мешок и протянул Люси.

SCHERZO 20

20/// высокая яркая луна касается смычком сверкающих струн черного бисера звенящих единым дыханием земли и небесного свода

Музыка: Mean Blues/ Floyd Lee

Люси вытянула из костяного кольца жесткую салфетку с монограммой отеля и аккуратно расправила ее на плоском хрустальном блюде. Рядом стояла коробка, привезенная ребятами. Она аккуратно доставала из нее минералы и раскладывала их на салфетке в определенном порядке.

– Что они значат, откуда они у тебя? – Паола потянулась за одним из камней, но остановила над ним руку. – Можно?

– Возьми. С этих камней, как сейчас, кажется, в моей жизни началась череда удивительных... эм-м-м, преобразований. Скажем так. Не знаю как правильно назвать, – она немного подумала, – событий, приключений... Не знаю.

В это время на столе завибрировал телефон Якопо. Звонил его отец. Одновременно с этим зазвонил телефон Люси. Это был Сержио, обеспокоенный ее длительным молчанием. После коротких разговоров с уверениями, что у всех все в порядке и обещанием непременно перезвонить чуть позже, наступила многозначительная тишина.

– Раз уж мы оказались втянуты в твою историю, расска-

зывает что это за камни, – потребовал Якопо.

Некоторое время Люси собиралась с мыслями. Она и сама чувствовала необходимость найти точку отсчета, с которой можно было бы восстановить череду происходящих событий.

– Несколько лет назад мы решили немного отдохнуть, покататься по Европе, повидаться с друзьями. Италия, Франция, Испания, Германия, Португалия, – Люси задумчиво смотрела на блеск минералов и продолжала рассказ, – с некоторыми мы давно не виделись, соскучились по душевным разговорам и веселым вечеринкам с дорогими нам людьми... Тогда еще из-за плотного рабочего графика нам не удавалось позволить себе отдыхать подолгу. Летали мы часто, но больше по делам, связанным с бизнесом. Когда мы прибыли в Лиссабон – это была последняя точка нашего маршрута, друзья уговорили съездить в один интересный дом. Вернее, так: дом был впечатляющим, а вот его хозяин, что много важнее, человеком неординарным. Он жил в этом огромном доме на высоком берегу у океана со старой теткой (нам он сказал, что это его няня). Она была похожа на сказочную колдунью с пронзительным, подозрительным взглядом. Ее глаза были разного цвета: один зеленый, другой коричневый. Высокая, сухая, костлявая, с длинными седыми волосами, в балахоне землистого цвета. Несмотря на возраст (нам сказали, что ей уже исполнилось 90), она не выглядела немощной, напротив, в ней чувствовалась невероятная жизненная сила.

Вообще, она была похожа на гречанку. Ее звали Фрида, его – Александр. Фриду мы за весь вечер ни разу не услышали и не увидели, после того как Александр ее представил. Но все время было такое странное ощущение ее постоянного близкого присутствия. Как будто ходила где-то рядом, и часть ее невидимого тонкого тела немного отставала и как тень нас всюду сопровождала.

Якопо и Паола в недоумении переглянулись. Люси продолжала рассказ, слегка улыбнувшись в ответ на их удивленно-требовательные взгляды.

– Вечером, когда вся компания решила искупаться в бассейне, Александр пригласил меня прогуляться, осмотреть прилегающую к дому территорию. Должна сказать: это были ну просто дворцовые владения. Зашли в конюшню, он показал своего красавца-жеребца. В саду у него жили фазаны с умопомрачительными хвостами. Я помню их красочно-изысканные веера, когда они их горделиво распахивали, прохаживаясь по изумрудной лужайке. Там еще был пруд причудливой формы, в котором кишели цветные жирные рыбы. За пальмами виднелась высокая стена, сложенная из неотесанных камней (как бы из-за обрыва выступала). В одном месте к ней уступами спускалась дорожка, вдоль которой каскадом скатывалась вода. Мы говорили о разном... Пока я с восторгом рассматривала все это великолепие, незаметно наш разговор повернулся к теме увлечений. Он сказал, что настоящей страстью всей его жизни были камни:

минералы, самоцветы, – Люси задумалась, стараясь точнее вспомнить ту беседу, – хм-м-м... и он тогда сказал мне: «Сейчас я как огромная энциклопедия земельных недр, знаю все, что за тысячелетия стало доступно человечеству». Но он никогда не хотел свои знания переводить в область профессиональных. Я тогда не очень поняла, в чем была истинная причина этого решения. Возможно, его обширный бизнес слишком много отнимал сил и времени. Не знаю. Он никогда не писал и не издавал книг хотя, если бы опубликовал свои записи и наблюдения, «это могло бы стать уникальным фондом библиотеки в разделах научных исследований и мифологии» – так он оценивал свои знания. Так вот. Потом мы с ним зашли в дом и спустились на лифте вниз. В подвале со сводчатым потолком находилась его уникальная многочисленная коллекция камней и минералов. Он просто провел меня по залу, не углубляясь особенно в рассказы, как это обычно делают очень увлеченные чем-то люди.

Люси, на минуту отвлеклась, вспомнив разговор с Александром в тот вечер. Обалдевшая от масштабов увиденного, она сказала ему с энтузиазмом: «Этот подвал мне напоминает скорее хороший винный погреб, и здесь бы отлично чувствовали себя бочки с добрым вином и пыльные бутылки». Александра тогда развеселило это сравнение: «Так это и раньше был и сейчас остается винный погреб! Место, где мы сейчас, только часть его, что я использую под коллекцию. А в винный погреб пойдем на экскурсию и дегустацию, когда

все обсохнут после бассейна. В него вход с другой стороны дома».

Люси сделала небольшую паузу, вспоминая тот эпизод и после продолжила:

– В этой части подвала было много и открытых полок с камнями и стеклянных шкафов с кристаллами. Красиво и умно была сделана подсветка. Камни просто завораживали и казались живыми. Я тогда обратила внимание, что совсем не было никаких художественных поделок из камня и никаких ювелирных украшений с ними. Как я поняла, его это не особенно интересовало.

Люси отошла от стола:

– Если вам не наскучили мои «мемуары», может, вино откроем?

Паола нерешительно кивнула, взглянув на Якопо:

– Я категорически настроена дослушать эту «каменную» историю. Не зря же мы этот мешок сюда тащили, – она поднялась из кресла. – Где взять бокалы? Я принесу, если ты хочешь.

Якопо тоже поднялся:

– Я бы вышел покурить, дайте мне несколько минут, – он придиричиво оглядел себя, расставив руки. – Наверное, в таком отеле не принято выходить на перекур в халате и босиком, как вы считаете? Пожалуй, надо переодеться.

– Окей, тогда я за это время приму душ, – Люси чувство-

вала непреодолимое желание встать под упругую струю воды. Она чувствовала, что голова стала тяжелой и сердце тревожно заняло.

Начав этот рассказ, она вдруг поняла, что возможно сейчас она сможет уловить что-то важное, что тогда ускользнуло от ее внимания. Именно в тот вечер произошло нечто, изменившее привычное течение ее жизни, то, чему она не придавала в тот момент особого значения.

Вернувшись в номер, Якопо стянул кроссовки и опять накинул халат. Все вновь расположились рядом, устроившись поудобнее. Люси пригубила вино и молчала, пока густая горькая капля медленно стекала по тонкому стеклу пузатого бокала.

– Александр, – продолжила она, – с ранних лет чувствовал силу и энергию камней. Он рассказывал, что на пустынной проселочной дороге или шумной городской улице мог найти под ногами благородный, полудрагоценный или драгоценный камень, самоцвет. Он мог ничем не отличаться от грязных бросовых камней, лежащих рядом. Но особые камни притягивали к себе его внимание. Он видел их ауру, как пес чувствовал запах, слышал их дыхание. Он ощущал их жизнь. Память их была особенной. Как гигантские флешки, они хранили огромный объем информации об истории Земли за все необозримое время ее существования... Так он говорил. И то *как* он это говорил...

Люси даже непроизвольно подалась всем корпусом вле-

ред:

– Знаете, казалось, что он сам из их породы. Я его слушала, как в детстве бабушкины сказки про Хозяйку медной горы или Малахитовую шкатулку. Бабушка, я помню, не называла их сказками, всегда – сказами.

Паола смотрела на Люси не мигая. Якопо взял из ее рук бокал, поставил на стол и привлек девушку к себе поближе. Рассказ продолжался:

– Мы прекрасно провели время тогда. В этом доме. Александр был гостеприимным хозяином. Интересным собеседником, без сомнения! С тех пор за все эти годы мы больше не виделись. Но я стала регулярно, три-четыре раза в год, получать от него бандероли с минералами и короткими записками, сделанными его каллиграфическим почерком. Он хотел, чтобы я самостоятельно читала и разбиралась в свойствах этих камней. Итак понемногу, благодаря Александру, я увлеклась магической силой, таящейся в минералах. Я делилась с ним своими наблюдениями...

Люси положила на камни свои ладони, потом взяла один:

– Вот этот был первым, который прислал мне Александр, через месяц после нашей с ним встречи. Но замечательным в этой истории было то, что еще прежде в этом доме я получила диковинный минерал из рук той самой скрытной Фриды, – произнеся это имя, Люси почувствовала под собой ощутимые вибрации, будто где-то глубоко в земле на долю миллиметра сдвинулись порода.

Она затаила дыхание, прислушиваясь к своим ощущениям. Потянулась к бокалу, чтобы взять короткую паузу. Потом продолжила:

– Я до сих пор не представляю, был ли в курсе Александр. Мы собрались уезжать, стояли на улице. Перед домом была устроена площадка, которую окружали внушительных размеров валуны. Напоминало японский сад камней, только в многократно увеличенном масштабе. Вокруг пылали факелы. Я нигде не заметила электрических фонарей. Только камни от земли подсвечивались мягким призрачным светом.

Фрида подошла ко мне сзади неслышно. Думаю, ее никто и не видел кроме меня. Цепко схватила меня за руку и подтолкнула за ближайший валун... Дальше произошло вот что, приблизительно: *«Послушай меня, – у нее был на удивление чистый, совсем нестарческий голос! Это было настолько неожиданно, – возьми вот это»*.

Одной рукой Фрида крепко держала меня, а другой достала из кармана красный мешочек, стянутый по краям черной тесьмой, и вложила его в мою руку: *«Откроешь дома, когда будешь одна. Носи его всегда с собой. Он поможет тебе в твоём переходе. Не забывай его чистить и давай отдохнуть»*.

После этого совершенно неожиданного и непонятного напутствия Фрида ловко вытолкнула меня обратно. Я заметила скользнувший взгляд Александра, остальные продолжали оживленно прощаться. Десять минут спустя мы уже катили

домой, возбужденные и уставшие от долгого дня...

– И что же там было, что тебе подсунула эта странная Фрида? – Паола очень живо реагировала на рассказ Люси, лицо ее пылало. Якопо слушал ее внимательно, но несколько от-
решенно и, казалось, проводил какие-то свои параллели.

– Мы приехали, и я сразу провалилась в глубокий сон. Ночью неожиданно проснулась и, безотчетно двигаясь на ощупь, в темноте открыла сумку, достала мешочек от Фриды. Там лежала мастерски выполненная гладкая аметистовая фигурка птицы с женским лицом. Самоцвет казался необыкновенно ярким, несмотря на свой темно-фиолетовый, с глубокими синими и красными оттенками, цвет, –

Люси достала из кармана халата красный мешочек и растянув черную тесьму, открыла его.

– Вот что я получила от Фриды. Это мифическая птица Гамаюн – божественная сила природы, – и она положила ее рядом с другими минералами.

– О-о-о-ох! – громко выдохнула Паола.

Якопо будто очнулся от своих мыслей и с трудом оторвав взгляд от фигурки, поднял глаза на Люси:

– Ты что, хочешь сказать, что за все эти годы ни разу не поинтересовалась, почему она попала в твои руки?

– Нет, признаться, я глубоко в это не погружалась. Кажется, теперь я смутно понимаю, что это, возможно, была моя ошибка. Я была поглощена работой и бесконечными обязательствами... Наше путешествие тогда было маленьким при-

ключением, о котором сохранились яркие воспоминания. И эту птичку, как талисман, я везде таскаю с собой. Что такое... я, кажется, оправдываюсь, – устало произнесла Люси. – Признаться, я даже не особенно задумывалась, почему Александр мне присылает эти камни регулярно: считала это чудачеством увлеченного человека.

Люси растерянно смотрела на минералы, казалось, впервые осознав их таинственную ценность и магическое величие.

Якопо глядел на нее пораженный:

– Ну ты точно полная дура. Только прошу, не обижайся. Это не имеет к твоему интеллекту и образованию никакого отношения. Я, конечно, не руковожу крупными компаниями, как некоторые, – он смотрел на Люси как на безнадежно-го человека, – не удивляйся, я немного изучил твою биографию в интернете, чтобы понимать, с кем имею дело, кому помогаю. Но как можно быть такой нелюбопытной, я не понимаю. Тебя что, кроме работы никогда ничего не интересовало? Сейчас я тебе кое-что расскажу. Эта птица – сакральный охранительный символ: Гамаюн – птица вещая. Она считается посланницей богов, оглашает их волю. Люди верили, что Гамаюн знает все обо всем на свете: о человеке, животных, явлениях, о прошлом и будущем. Только понять ее предсказания способны не все. Нужно уметь разбирать тайные знаки. Ее голос, песни, смех, крик сулит счастье или предвещает добрую весть. Но у нее есть другая способность – вызы-

вать страшную бурю.

– Господи, Якопо, откуда ты все это знаешь?

– Господи, Люси, – в тон ей раздраженно воскликнул Якопо, – как можно было быть слепой столько лет?! Что произошло на следующий день после этой вашей встречи с Фридой?

– Мы с мужем улетели домой.

– С мужем? – ошарашенно уточнила Паола. – А кто тогда Алекс, из-за которого вся эта заваруха случилась?

Она стушевалась и посмотрела на Якопо:

– Или это уже бестактный вопрос?

SCHERZO 21

21/// зачерненное стекло неведомого освобождает эмоциональные петли грусти и обольщения души, а затем превращает слезы в радость

Музыка: Goa Garden Live Concert – Hang Massive

– Алекс? – Люси всматривалась в едва колышущуюся тень за спиной Паолы, осторожно нащупывая ответ на вопрос, который отозвался в ней гулким эхом.

Потом медленно перевела взгляд на Паолу и произнесла каким-то чужим голосом:

– Он мое зеркало, которое всегда позволяло заглянуть и в далекие галактики, и в глубины собственной души. До него я жила не так, как хотела, а как получалось. С ним я научилась и остро переживать, и быть счастливой одновременно, и чувствовать жизнь...

Паола поставила бокал, сползла с кресла на пол и придвинулась к ногам Люси. Обняла ее колени и положила на них свою голову:

– Я не все понимаю из того, что ты говоришь, но за эти сутки, благодаря нашей встрече, я чувствую, в моей жизни происходит что-то очень важное... Мне грустно. Но в этой грусти есть какая-то, непостижимая пока для меня, возможность освобождения.

Паола подняла голову и внимательно, изучающе смотрела

на Люси:

– Я хочу кое-что сделать для тебя. Завтра, когда ты проснешься, мы поедем в удивительное место. Это что-то вроде студии танцев, она принадлежит моему дяде.

– Мы будем танцевать? – Люси устало улыбнулась. – Хорошо, поедем...

Якопо сидел, запрокинув руки за голову, с прикрытыми глазами:

– Паола, не знаю, почему я так думаю, но уверен, что в твою голову пришла замечательная идея.

Затем, не меняя позы, лишь слегка повернувшись, обратился к Люси:

– Поезжай... после всего, что произошло с тобой за эти дни, перезагрузка может оказаться полезной. В непостижимой магии танцев есть источник живой энергии, – он вытянул руки вверх, раскрыв ладони. – Возможно, ты найдешь баланс между своим внутренним состоянием и внешним миром. А теперь пора отдыхать, нам надо выспаться.

Якопо поднялся, подхватил Паолу сзади под локти и поставил на ноги.

– Поедем домой, – он неловко коротко прижал ее к себе и смущенно посмотрел на Люси, – я быстро переоденусь. Надеюсь, что после нашего ухода ты сможешь быстро уснуть.

Он заботливо посмотрел на Люси, она согласно кивнула. Якопо взял Паолу за руку и повел за собой.

Люси осталась одна. Сначала хотела, не раздеваясь при-

лечь здесь же, на диване. Но передумала. Сполоснула лицо холодной водой. Достала из пакета Carine Gilson новый комплект нижнего белья. Он был из лионского шелка с цветочными орнаментами из кружева Шантйи.

Люси помнила, как четыре года назад бросила все свои парижские дела и мчалась в радостном предвкушении в Брюссель на открытие выставки Beautiful Lace & Carine Gilson. Выставка была приурочена к тридцатилетию марки и проходила в городском музее моды и кружева. Там она познакомилась с Карин Жильсон. И с этой встречи началась ее роман с самым, как она считала, красивым кружевом на земле.

Такие работы haute couture с ручной инкрустацией стоили недешево, но были вправду похожи на произведение искусства и имели самостоятельную ценность не только в мире моды. С тех пор Люси со страстью и увлеченностью коллекционера заказывала изящные, ультракомфортные комплекты, пижамы, халаты, кимоно в разных, но почти всегда классических, приглушенных оттенках с фирменным золотым цветом.

Люси аккуратно развернула шафрановую оберточную бумагу и разложила на атласных простынях комбинацию цвета палочки корицы. Она разгладила рукой изысканную кружевную панель на подоле и осторожно срезала этикетку с тонкой лямки-спагетти. Еще секунда, и тело обволокла невесомая чистота и прохлада ткани. Затем Люси прикоснулась к подушке пальцем с каплей лавандового масла.

С блюда, где были разложены минералы, она взяла светящийся в темноте камень – тот, первый, полученный от Александра, флюорит. В его чернильно-фиолетовой глубине, казалось, были смешаны все цвета спектра, плавно переходящие из одного в другой и создающие необычный рисунок. Она положила камень под подушку и, наконец, с наслаждением растянулась под одеялом.

Утром ее разбудил звонок. Администратор вежливо сообщил, что на ее имя доставлен пакет и поинтересовался: «Не могла бы синьора спуститься, чтобы принять его у курьера».

Люси взглянула на часы: 10:01.

– Конечно, спасибо. Спускаюсь через 10 минут. – она чувствовала себя отдохнувшей. События вчерашнего дня и прошедшей ночи потеряли свою печальную остроту.

Внизу она получила небольшой плотный конверт и поднялась в номер. Снизу опять позвонили. На этот раз с ресепшен, Паола.

– Люси, доброе утро! Я звоню напомнить о нашей поездке. Скажи: сколько времени тебе нужно, чтобы собраться? Ты уже проснулась или еще лежишь в кровати? Ты хорошо спала? Когда ты собираешься завтракать? Я проезжала мимо и решила, что лучше всего оставить мотоцикл здесь, на парковке отеля. Я буду недалеко, нужно сделать кое-какие дела. Когда ты будешь готова? Я вернусь ко времени, которое ты назовешь.

Люси вертела нераспечатанный конверт и старалась отвечать на посыпавшиеся как горох вопросы Паолы. В результате они решили встретиться около двенадцати. В конверте оказался билет в легендарный Римский оперный театр. «Опера Россини “Семирамида”», – прочитала Люси на билете. Туда же была вложена короткая записка на официальном бланке адвокатской конторы, в которой она недавно побывала:

«Дорогая Люси, надеюсь, вы примите приглашение и получите огромное удовольствие от этого спектакля. Для меня это также повод увидеть вас сегодня, т. к. я хотела бы (и должна) вам кое-что объяснить.

Марта»

Номера телефона и просьбы подтвердить приглашение не было.

В двенадцать часов Люси с Паолой уже мчались на мотоцикле вдаль от шумной жизни центральных площадей города. Они кружили по атмосферным уголкам окраины, скрытым от туристов. И наконец остановились перед спрятанной в плюще лестницей, рядом с которой находился оригинального вида небольшой колодец. На стене дома, куда они под-

нялись, висела винтажная табличка, но Люси не успела разобрать, что на ней было написано.

Паола обернулась, поймала ее любопытный взгляд:

– Это частный дом моего дядюшки Родолфо Форнезе. Он немного странный, вернее, его увлечения кажутся семье несколько странными. Я вас познакомлю. Танцевальный зал – это его затея. Здесь не проводят уроки, это скорее частное пространство для медитации, – они обогнули дом и подошли к блестящей черной стене, в которой причудливо отражался сад и небо.

– Старик когда-то увлекся искусством зеркал. И до сих пор считает это очень полезным занятием. Говорит, что правильные зеркала помогают человеку знакомиться с собственной душой и позволяют найти путь к изобилию, защищенности, привлекательности и даже к дару предвидения, – Паола нажала ладонями на стену, и та раздвинулась.

Перед ними был просторный зал с темными многослойными панорамными окнами, деревянным гладким полом и стенами насыщенного коричневого цвета. Отовсюду в центр зала лился рассеянный свет, защищенный серыми шторами из тафты. Шторы, кажется, не имели практической функции, но, безусловно, придавали пространству особую творческую атмосферу: оно втягивало в себя как воронка. Весь минималистический интерьер был эффектным воплощением тщательно проработанной идеи.

Они остановились посреди зала. Люси почувствовала дви-

жение воздуха и его тягучий аромат с элегантным табачным оттенком. Видимо, Паола заметила, как она втянула воздух и задержала дыхание, потому что тут же живо отреагировала:

– А, ну это наш Родолфо где-то рядом. Вот как хорошо, что он уже здесь. Лучше него никто не научит тебя отдаться упоительному наслаждению танцем! Он в этом настоящий Гуру.

В считанные секунды перед ними странным образом материализовался сам синьор Форнезе. Каково же было удивление Люси, когда в этом Гуру танца она узнала того самого господина, с которым еще вчера застала Жан-Жака у стен Мальтийского ордена!

– Я вас напугал? – был его первый вопрос. – Вы вздрогнули, как испуганная газель. Вероятно, от моего неожиданного появления? Паола, представь нас, пожалуйста.

Он неторопливо, с теплотой и любовью поцеловал ее в макушку.

– Я рад, что ты наконец пришла, да еще с особенной гостью.

После нескольких фраз, объясняющих причину их приезда, Паола заключила:

– Люси, доверься ему. Он гений танца. Сегодня ты будешь делать то, что, я уверена, никогда не делала прежде. Он научит твое тело слышать музыку. И тело само начнет создавать и рисовать ее. Это не просто красивые движения, ты станешь наблюдателем. И когда произойдет твое абсолютное

погружение, произойдет и пробуждение. И ты узнаешь его, свой персональный танец, которому не нужна техника, но в который есть уникальный код жизни.

Родолфо Форнезе слушал это страстное напутствие со слегка уловимой снисходительной улыбкой. Его руки были засунуты в карманы широченных трикотажных брюк, похожих на шаровары, зауженных у щиколотки. Худи с асимметричными краями из той же ткани с растянутой горловиной и висящим за спиной объемным капюшоном делали его моложе лет на двадцать-тридцать в сравнении с тем седовласым серьезным старцем, которого Люси видела прежде.

Когда они остались вдвоем, Родолфо пояснил:

– Вам не нужно следить за моими движениями и повторять их. Но некоторое время я буду танцевать за вашей спиной, чтобы направить энергию, и чтобы вы почувствовали биомеханику танца. А вы танцуйте и смотрите сначала вот сюда. Это обсидиановые зеркала из вулканического стекла. В них вы будете наблюдать за своими движениями и пристально всматриваться в этого удивительно знакомого вам человека, – он мягко ткнул пальцем в ложбинку ее груди, – но потом откроется другая реальность, музыка будет не нужна, вы будете танцевать под биение своего сердца. Наладите отношения с собой и со своим телом через мастерство внутреннего самонаблюдения. Двойственность реальности упражняет разум. Пойдите переоденьтесь. Паола все вам покажет.

Люси переделалась в тонкий просторный костюм цвета го-

лубой пыли, который ей дала Паола, и вернулась в пустой зал. Она стояла перед зеркалом, разглядывая свое отражение. Откуда-то издалека она услышала нарастающие звуки музыки, накатывающиеся с разных сторон.

Сзади на ее плечи неожиданно опустились руки Родолфо и стали мягко задавать ее телу движение в такт музыки.

– В этом странном перевернутом мире, танец – оптимальный путь к саморазвитию на всех уровнях: эмоциональном, физическом, психическом... – говорил он вполголоса, – и это такое же удовольствие как еда и секс, но без побочных эффектов... Смотрите на свое отражение, не заботьтесь ни о чем...

Прошло 3 часа. Люси лежала на полу, ощущая волшебство собственного перерождения через эту динамическую медитацию. Сейчас ей казалось, что она осознает все смыслы происходящего.

– Люси, вставайте и идем пить чай, – Родолфо подошел из глубины зала и присел у ее изголовья (он обладал непостижимой способностью появляться неслышно и незаметно), – я вас угощу очень сложным чаем. Здесь никто не пьет чай. А я собираю рецепты из разных стран.

После чая он приготовил для нее еще и кофе: на зернах тонкого помола с добавлением кардамона и засушенных бутонов роз.

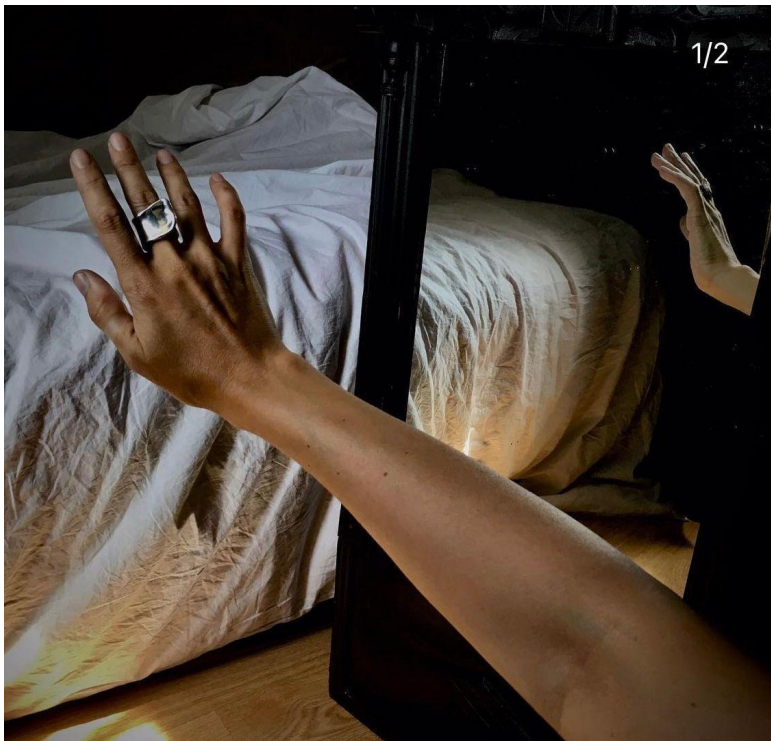
– Я чувствую себя здесь счастливой добровольной плен-

ницей. И осталась бы с вами еще. Но нужно ехать, я приглашена сегодня в оперу...

Произнеся последнюю фразу, Люси отчетливо поняла, что хотела бы задержаться с этим удивительным Мастером, неожиданно пришедшим в ее жизнь. С его непостижимо притягательным миром, где сознание творит действительность, а человек творит свое сознание.

– Нужно ли? – Родолфо заговорщически поднял свою седую бровь. – Откажитесь от своих планов, чтобы узнать что вам приготовила вселенная.

SCHERZO 22

22/// в дизайне мироздания земное отражается в симфо-

нии неба единым вздохом приливов и отливов, и радости и скорби и помощи...

Музыка: Kundalini Awakening Dance – Let the Shakti in –
Peruquois

Паола опустилась на пол рядом с Родолфо, пристроила мотоциклетный шлем на хрупкое изящное колено:

– Мне не нравится твое решение, – она перевела недоуменный взгляд с Люси на дядюшку, – что, черт возьми, могло произойти за эти три часа? Люси, почему ты вдруг передумала ехать?! Неужели тебе совсем неинтересно встретиться с этой Мартой? Возможно, эта встреча, разговор с ней... поможет понять, что сейчас происходит в твоей жизни.

Родолфо смотрел на Паолу, раздумывая о чем-то, потом произнес спокойно и тихо:

– Оставь ее, видишь, не хочет... Туда поедешь ты.

– О нет! Что еще за фантазии! Что я скажу Марте? К тому же, у меня были совсем другие планы. И нет у меня никакого желания слушать оперу, для меня это слишком сложный и элитарный жанр.

– Перестань. Опера – сфера эмоций. Ты восприимчива и открыта к жизни, а этого достаточно, чтобы понять такого рода искусство. Не обязательно быть профессиональным музыкантом или искушенным меломаном, – казалось, идея отправить Паолу на встречу с Мартой представлялась Родолфо

единственно верной в складывающихся обстоятельствах. – И я знаю тебя, ты получишь удовольствие от этой пикантной ситуации.

Люси поддержала идею Родолфо и произнесла облегченно:

– Не беспокойся о встрече с Мартой. Я напишу ей записку, ты ее только передашь.

Паола задумчиво постукивала костяшками пальцев по шлему. Вдруг в ее взгляде зажглись лукавые огоньки:

– Ну, я вам так скажу: поеду, но только потому, что это особый случай и меня раздражает любопытство.

Люси быстро написала Марте несколько слов на обратной стороне записки, которая была приложена к билету, вложила ее в тот же конверт и протянула Паоле.

– У меня неожиданно возник повод выглядеть одновременно таинственно и шикарно, и я им воспользуюсь! – она ловко поднялась, прижалась щекой к Родолфо, потом порывисто обняла Люси. – Встречайте меня после спектакля, наверняка будет что обсудить!

Паола стояла у центрального входа в фойе. Она выглядела эффектно: стройная фигура была затянутая в черное, открытое на груди и спине, платье. Это добавляло ей шарма, но ничуть не выглядело вульгарно. Весь образ был выдержан в классическом стиле. Некоторое время Паола разглядывала лепнину и декоративные элементы богатого интерьера, по-

том направилась в партер. Благовидная публика неторопливо занимала свои места. Два соседних кресла в ее ряду были свободны. Она аккуратно продвигалась в их сторону, когда поймала на себе заинтересованный взгляд парня, сидящего рядом с ее креслом.

Как только она устроилась, парень наклонился и вежливо негромко произнес:

– Простите, это место занято. Вероятно, вы перепутали ряд.

Она хотела ответить вызывающе, но сдержалась:

– Действительно? Тогда давайте проверим мой билет вместе, – благосклонно протянула его.

Парень мельком взглянул и недоверчиво уставился на Паолу.

– Если вы Люси, то я нимало удивлен. Я представлял вас по меньшей мере раза в два старше.

Сердце Паолы замерло. Она внимательно посмотрела на него и изумленно произнесла:

– Подожди-ка, ты Лука, сын Алекса? Я видела тебя на фотографии!

– Да, – озадаченно ответил он, – но ты точно не та, кого я ожидал здесь встретить.

– Вот черт! Конечно, я не Люси, я Паола. А Люси не придет. К сожалению! – вена на ее виске запульсировала. – Она отдала мне билет, потому что... Так, это неважно. Но вы обязательно должны встретиться! А где Марта? – она быстро

обвела взглядом зал.

Оркестранты уже проверяли и настраивали свои инструменты.

Лука весело хохотнул и закашлялся в кулак:

– Забавно, но она тоже не придет! Видимо, я летел через океан, чтобы насладиться мифологическим сюжетом, – многозначительно добавил он, улыбаясь, – ну что же, встреча с прекрасной культурой музыкального барокко, вероятно, позволит нам по-новому взглянуть на утонченную игру наших «протеже». Садись, давай попробуем определить место, которое они нам определили в этой спектакле.

– Хм-м-м... интересно... но, – Паола пыталась осмыслить сказанное и неожиданный поворот событий. – Что же, кажется, для этого нам стоит сосредоточиться на гениальной постановке.

– Конечно, – поддержал ее Лука.

В тишине, ожидания первых вдохновенных звуков, Лука произнес лишь движением губ:

– Ты знаешь, что Россини явил Семирамиду истинной женщиной, подверженной сентиментальным порывам и мечтающей, вопреки нависшему над ней воинственному флеру, об искренней любви...

– Да. Это одна из многочисленных версий относительно того, кем в действительности была таинственная царица Ассирии, – глядя на сцену, прокомментировала Паола, – а ты что, любитель оперы? – она искоса взглянула на него.

– Если хочешь, можем поехать туда, успеем ко второму отделению, – предложил Родолфо, когда Люси показала ему селфи Паолы с Лукой и прочитала присланное сообщение: «Марты нет, но зато здесь Лука. Сын Алекса все-таки прилетел ночью из Америки».

– Сейчас в моей жизни все происходит не очень понятно и слишком быстро... Такое ощущение, что я попала в паутину, в замысловатую ловчую сеть судьбы и времени, которая стремительно ткется неведомыми мне силами. Вероятно, я должна быть там, да? Но как мы...

Родолфо не дал ей закончить фразу:

– Возможно, ты знаешь, что Риккардо Мути был назначен почетным пожизненным директором Teatro dell'Opera di Roma. Для меня этот гениальный дирижер и великий человек, прежде всего, давний друг. Думаю, он поможет нам, – Родолфо улыбнулся и протянул Люси чашку кофе, – попробуй.

Они сидели в саду, в ярком гомоне птиц.

– Да-да, теперь я хочу быть там, – Люси коснулась губами края чашки, – знаете, я уже перестала удивляться происходящему со мной и вокруг меня... Но все эти события заставляют меня возвращаться к раздумьям о роли прови-

дения в жизни. Очень давно, много лет назад, один человек, он был моим оппонентом в публичной беседе, подарил мне роман Мердока «Человек случайностей». Тогда я не стала его читать. Но потом вспомнила о нем, но никак не могла найти. Книга удивительным образом где-то затерялась. А недавно вдруг неожиданно попала на глаза. В ней изложен взгляд на философскую проблему. Герои романа пытаются изменить свою жизнь, самонадеянно полагая, что в состоянии управлять судьбой, что всё зависит только от их воли и разумного выбора. Они недооценивают роль событий, которые происходят будто бы случайно, и эта ошибка порой стоит жизни.

– Как он подарил тебе эту книгу?

– Странно, что вы спрашиваете... Я получила бандероль сразу после того, как услышала в новостях о его гибели. С нашей встречи прошла неделя. Он катался на лыжах в горах.

Родолфо внимательно слушал, разглядывая кофейные подтеки на стенках своей чашки.

– Жизнь человека только кажется организационно замкнутой системой. В действительности же эта система открыта, через нее проходит непрерывный поток энергии и материи, образуя временно стабильные структуры с принципиально новыми свойствами на разных уровнях иерархии, – он поднял печальные глаза на Люси, – если готова ехать, у тебя есть 10 минут, чтобы собраться.

Они успели приехать к окончанию антракта и расположились в первом ярусе боковой ложи, куда их проводили перед началом второго отделения. Люси отыскала глазами Паолу и Луку, сидящих на лучших местах в центре пятнадцатого ряда партера. Они заинтересованно беседовали.

Родолфо, рассматривая публику, удовлетворенно произнес:

– Музыкальные стили и направления приходят и уходят, а любовь итальянцев к опере остается неизменной.

– Извини... – Паола на секунду отвлеклась от разговора, быстро прочитала СМС от Люси и вертела головой, пытаясь отыскать ее в зале, – Отлично, ты познакомишься с Люси уже сегодня, она где-то здесь! Пишет, что будет встречать нас после спектакля.

Кажется, Луку эта новость не очень обрадовала:

– Честно говоря, у меня не было и нет желания провести вечер в воспоминаниях, связанных с отцом. Я даже обрадовался, что она не пришла. Но видимо, встретиться придется, – Лицо Луки стало хмурым. – Драма моего отца – это почти все человеческие страсти и недремлющие пороки.

– Не знаю, что и сказать. Ведь ты прилетел для этого, или нет? Да, кстати, передай вот это Марте. От Люси.

Паола протянула ему конверт с запиской и решила уточ-

нить;

– А кто она, эта Марта?

– Родная сестра моей матери, – Лука взял конверт и засунул его во внутренний карман пиджака. – Это она настояла, чтобы я прилетел. Мама пока не знает, что я здесь, мы решили не говорить. Не хочу, чтобы она волновалась, пока я не пойму, что за нелепая история тут разворачивается.

– Нелепая? По мне, так детективная! Странно, кажется, Люси говорила, что Марта – сестра Алекса, – она недоверчиво смотрела на Луку...

Элегантная дама, сидящая перед ними, оглянулась и изящно поднесла палец к губам. Зал погрузился во мрак, шепот угас. Дирижерская палочка стукнула о пульт. На минуту все смолкло. И в зал хлынули мощные звуки оркестра.

SCHERZO 23

23/// прялка времени искусно ткёт узор из тишины и пу-

стоты без причин, объяснений и оправданий

Музыка: Tony Tucker – The old Man, the Strat, and the Swamp

Зал утонул в громе оваций, поэтому Люси наклонилась близко к уху Родолфо:

– Вы же не оставите меня после спектакля? Паола с Лукой будут ждать нас в ближайшем кафе у театра. Она прислала его название и адрес.

– Конечно, дорогая Люси, не волнуйтесь, я пойду с вами. Но прежде заглянем к Риккардо, мы должны его поблагодарить и попрощаться.

– О да, конечно. Я сделаю это с удовольствием и с огромной благодарностью!

Еще минут пятнадцать овации то затихали, то вспыхивали с новой силой.

– Как благосклонна судьба, – продолжила Люси, когда они вышли из ложи и направились по ярко освещенному коридору в направлении кабинета маэстро, – вы подарили мне незабываемое знакомство с этим удивительным человеком. Как он верно сказал: «за нотами скрывается вечность»...

Из-за приоткрытой двери раздавались мужские голоса, один из которых, без сомнения, принадлежал Тому Форду.

– Жизнь полна сюрпризов! – изумилась Люси. – Родолфо, прошу, дайте мне пару минут, – она лукаво указала в направ-

лении дамской комнаты.

– Хотите, чтобы я подождал вас здесь?

– Нет, совсем необязательно. Заходите, там, должно быть, уже собралась интересная компания. Я приведу себя в порядок и тотчас же присоединюсь к вам! – и она ящерицей скользнула за дверь.

В платье тонкого французского поплина гречишного цвета, как вторая кожа облегающее ее гибкую фигуру почти до тонких щиколоток, Люси действительно была похожа на пустынную ящерицу. От высокой горловины вдоль всего позвоночника поблескивала широкая золотая молния, подчеркивая изящество ее движений. Запястья украшали костяные широкие браслеты с причудливыми орнаментами. Они были плотно надеты поверх длинных узких рукавов, почти скрывающих кисти ее рук.

Платье и браслеты ей принес Родолфо, когда они неожиданно приняли решение ехать в оперу. Тогда Люси без колебаний и лишних вопросов отправилась переодеться в платье, предложенное Родолфо. А когда вернулась в салон, Родолфо замер: ее ярко-синие глаза светились предостерегающим магнетическим огнем.

– Хммм... – протянул он озадаченно.

– Что-то не так? – смущенно спросила Люси.

– Напротив, все так. Но несколько больше того, что я ожидал понять о вас. Оставьте платье и браслеты себе, – он удовлетворенно кивнул своим мыслям.

Люси задержалась в дамской комнате, держа руки под водой и медленно смывая пену. Вдруг она почувствовала на своей шее чей-то прожигающий взгляд. Люси подняла глаза и увидела в зеркальном отражении за своей спиной знакомое женское лицо.

– Пилар?! – Люси не могла поверить, что такое возможно.

– Вижу, ты узнала меня, – удовлетворенно произнесла та. После чего цепко схватила Люси за запястье и потянула за собой. Узкими коридорами, не произнеся ни слова, они вышли на улицу с заднего крыльца.

– Присядь со мной, – властно велела Пилар.

Люси послушно опустилась рядом с ней на старую деревянную скамейку и бережно прикрыла свободной рукой руку Пилар со вздутыми синими венами, продолжающую крепко держать ее за онемевшее запястье. Пилар была рано состарившейся перуанской женщиной, которая одним теплым августовским вечером повстречалась ей, заблудившись в путанице столичных улиц.

Тогда, как и сейчас, она жестко удерживала в своей руке руку Люси, которая объясняла и показывала ей дорогу к ближайшему метро. Сжимая до боли ее локоть, Пилар бормотала что-то о больших изменениях, ожидающих Люси. Она всматривалась в ее глаза, будто читая в них скрытое, но одной ей доступное знание.

– Как долго я тебя ждала, – тихо произнесла Люси, мягко

освобождая кисть из костлявых пальцев с длинными темными ногтями, – как ты оказалась здесь? Я хочу услышать от тебя, что по-твоему пошло не так?

Вечерний воздух вокруг них наполнился резким запахом мяты и мексиканской текилы. Пилар сидела с прямой спиной и гордым подбородком, прямо глядя на Люси сухими глазами. Люси тихо говорила, с тоской всматриваясь в ее суровое лицо.

– Ты, верно, все знаешь, не можешь не знать, ты тогда уже много говорила из того, что должно произойти... Но я была глуха, чтобы понять... слушала тебя и глупо улыбалась. А потом, спустя время, пророчества начали сбываться. Я сполна раздавала свои долги, в какой-то момент дошла до отчаяния. Но что это было и для чего, я поняла позже, много позже... Когда встретила его. Хотя, наверное, не все поняла, не все... Когда стали происходить те самые события. Я много раз мысленно задавала тебе вопросы, на которые, вероятно, ты знала ответы, когда держала мою руку и читала в моих глазах. Я так много раз злилась, что тебя нет рядом, – Люси говорила в сторону, бесшумно и медленно, – но, может быть, так было нужно, чтобы понять, что все вопросы следует обращать к себе. Одну важную вещь это позволило мне понять: мы должны честно играть свою игру и оплачивать свои счета.

Люси замолчала, ища в глазах Пилар поддержку. Та бесстрастно произнесла:

– Люди склонны преувеличивать серьезность земных дел.

Помолчав немного, Люси продолжила:

– До той нашей встречи моя жизнь была организована и упорядочена. Но вдруг мне открылось, что в таком идеальном порядке исчезает искра жизни. И в какой-то момент моя жизнь превратилась в хаос...

– Но теперь ты знаешь, что хаос способствует развитию свободного мышления, не так ли? Чему ты научилась?

– Я научилась выключать свет внешний. Тогда загорается свет внутренний. И это придало всем происходящим процессам смысл. Даже если не всегда случается уловить этот смысл, я знаю, что он есть во всем, что с нами происходит. Моя жизнь не стала легче, но она стала содержательной и я чувствую свободу, которой раньше не понимала.

– Вот и хорошо. Ты прошла большой путь. Теперь сможешь понять кто ты, чего действительно хочешь и какова твоя цель. Тебя ждут интересные открытия. Ты увидишь, что мир, который мы создаем, – это отражение нас самих и продолжение наших фантазий, в которых, как ни странно, это тебе покажется сейчас, отражается наша реальность.

Пилар не отводила своего прямого взгляда от Люси. А Люси всматривалась в сгущающиеся сумерки, пытаясь ухватить в них очень важные, ускользающие детали этого, только им понятного разговора.

Люси повернула голову к неподвижно сидящей Пилар и улыбнулась бледными губами:

– Пилар, ты не сказала, почему и как здесь оказалась.

– Я вернулась в Лондон из Перу с Жан-Полем Берджесс. Ты знаешь о нем. Я видела выставку, которую готовит Нора, его жена. Она показала мне рукопись. Я прочла ее и поняла: это ты. Это твоя выставка. От Норы я и узнала, где ты находишься. Я хотела тебя увидеть. Ты очень изменилась. Рассказывай. Высвободи свою историю из тела.

Люси с неохотой стала рассказывать о *нем*, появившемся в ее жизни, как и предсказала Пилар.

– А сейчас, ты знаешь, он исчез... – печально произнесла Люси, – почему это произошло? Своим исчезновением он втянул меня в личные тайны, о которых я ничего не хотела знать, когда мы были вместе. С ним я наконец встретила себя, это было время прекрасных открытий и перемен. Я никогда не задавала ему лишних вопросов. Это было ненужным и казалось благоразумным. Но сейчас я хочу знать то, что знаешь ты. Ты же знаешь *всё*, скажи.

– Бесцельное благоразумие бесцельно, – сухо заметила Пилар, – мы все сошлись в одном круге не для того, чтобы изменить мир, но чтобы учиться любви к нему. Эти переживания... они даны для мудрости и приобретения творческого опыта. Тебе пора понять: важно не почему ты сталкиваешься с трудными ситуациями, а как реагируешь на них.

Сказав это, Пилар ловко сняла браслет с запястья Люси:

– Этот я заберу себе.

Пилар нащупала в складках своей объемной юбки булавку, потом обеими руками наклонила голову Люси к своей

груди и уверенными пальцами пристегнула ее к изнанки ворота, у ее шеи.

– А это останется у тебя, – она несколько секунд держала руку на шее Люси.

– Тебе пора возвращаться, – Пилар резко поднялась и через мгновение исчезла в призрачных очертаниях деревьев.

Люси смыла пену и тщательно вытерла руки белоснежной салфеткой. Неожиданно за спиной услышала приятный голос:

– У вас красивое платье. Но сзади на шее какое-то пятно. Вы позволите? – женщина протянула руку за салфеткой, перехватила ее и осторожно приложила к шее Люси. – Ох, кажется, это кровь.

Люси помнила эту даму (заметила ее, когда искала глазами Паулу в зале). Такие лица запоминаются: выдающаяся красота, далекая от идеальности, но оригинальная во всех чертах.

– Все в порядке, спасибо, – Люси благодарно кивнула, бросила салфетку в корзину и вышла в коридор.

Она открыла дверь в кабинет главного дирижера и удивленно обвела взглядом комнату. Она была полна цветов, но кроме них внутри никого не было, окно открыто. Люси подошла к нему и выглянула наружу. Там группа подростков,

говорящих на неизвестном ей языке, что-то обсуждала активно жестикулируя.

Люси взглянула на висевшие над столом часы. Но, кажется, они очень спешили. А если нет, то это означало, что с момента, как она «на минуту» оставила Роналдо, прошло почти полтора часа. Она вышла из кабинета и направилась к центральному выходу по пустынному, теперь уже слабо освещенному, коридору. На улице ее никто не ждал. Она еще раз взглянула на часы, достала телефон. На экране отразилось множество пропущенных звонков. Она набрала номер Паолы.

– Люси, боже мой! С тобой не соскучишься! Ты где пропала? Никто не может тебе дозвониться. Вне зоны доступа! Где ты? Стой на месте и не смей двигаться. Сейчас мы за тобой приедем.

Люси опустилась на ступени. Что-то сзади в ворота платья царапало шею и мешало сосредоточиться. Куда пропали эти полтора часа, или куда пропала она? Люси подняла волосы на затылке и ощупала шею, что-то мешало, что-то острое. С трудом она вытащила из горловины платья и положила на ладонь золотую булавку с искусно вмонтированным в головку сверкающим черным бриллиантом. Теперь она вспомнила: «Пилар. Это она приколола булавку. Но когда это было, и что это было... сон?».

Люси пристегнула булавку за край рукава и подняла голову, вглядываясь в темноту пустынной улицы. Неподалеку

маячила фигура мужчины, выгуливающего пуделя. Она поднялась и двинулась за ним.

– Извините, пожалуйста, вы могли бы дать мне сигарету?

Мужчина обернулся и с улыбкой протянул ей пачку, которую держал в руке.

– Алекс?! – вскрикнула Люси.

– Простите? – мужчина с интересом смотрел на нее. – Меня зовут Джанни.

Люси не верила своим глазам. «Он что, издевается?» – раздраженно вспыхнула она. Но вслух произнесла:

– Джанни? Ну что ж, прекрасно. Это имя тебе тоже идет. Что за игру ты придумал? – Люси произнесла это резко, нервно сжимая в руке протянутую пачку сигарет.

Но через мгновение она осеклась и замолчала, осознав, что перед ней стоит абсолютно ошарашенный чужой человек:

– Простите... – растерянно произнесла она наконец, – а что Джанни, у вас есть брат-близнец?

– Насколько мне известно, нет. С полной уверенностью могу сказать, что я рос у родителей один. Хотя, думаю, у нас всех в этом мире есть близнецы.

– Простите. Нечасто можно встретить такое исключительное портретное сходство, – устало извинилась Люси. Она машинально вытаскила сигарету из пачки и зажала между пальцами.

– Вам нужна моя помощь?

– Нет-нет, только сигарета, благодарю вас. Еще раз извините. Джанни, – все еще недоверчиво Люси повторила его имя.

Он протянул ей зажигалку. Люси сжала ее в кулаке и повернулась, чтобы уйти:

– Спасибо. Доброй ночи.

– Доброй ночи, сеньора, – участливо произнес он.

Люси на секунду задержала взгляд на пуделе с внимательными глазами-бусинами, смиренно стоящего рядом с хозяином.

– Как зовут вашего кудрявого красавца, Джанни? Ему подошло бы имя Ронни.

– Ронни, ты слышал? Забавно, эта синьора знает твое имя!

Свет приближающихся фар рассек черноту опустившейся ночи. Рядом остановилась машина, и сразу следом за ней – другая. Из первой одновременно выскочили Лука и Паола. Из второй степенно вышел Родолфо, подавая руку Марте. Все четверо замерли, с удивлением уставившись на Люси и ее спутника.

SCHERZO 24

24/// устами страсти приникнув к лаконичным фужерным

ароматам, счастливый безумец услышит звуки бездны незримых звезд и сказки одинокой флейты

Музыка: That's What The Blues is All About/ Maria Daines

Они прилетели сюда из разных городов, из разных стран, отложив привычные дела. Она перекроила свой рабочий распорядок, а уже на третий день после телефонного разговора, они встретились в этом безмятежном городке. За то недолгое время, что они не виделись, произошло слишком много событий, которые хотелось обсудить. Здесь они бродили по незнакомым закоулкам и вели неспешные разговоры.

– Мне важно услышать то, как *ты* это читаешь, твой голос, твои интонации. Хочу подсмотреть твоё выражение лица, когда ты даешь насмешливые комментарии и циничные реплики своему литературному перевоплощению. Понимаешь?

Люси удивилась:

– Егор, почему?!

– Я потом тебе это объясню.

Улицы еще были укутаны розовыми туманными тенями. Сонные, они встретились в гостиной маленького семейного отеля, где жили эти дни. Традиционно после полудня она неспешно читала ему свою рукопись на террасе ресторанчика, что располагался через дорогу. Они наслаждались одино-

чувством и полнотой тихой, мирной жизни этого уединенного места, укрытого от кипящей туристической суеты горным зеленым склоном. Дни были теплыми, без безумия обжигающего солнца. Море – спокойным, с тонкой полоской кружева соленой пены, изгибающейся у края пустынного пляжа.

Гостиная, куда они вошли почти одновременно, служила столовой для постояльцев отеля. Посредине стоял массивный овальный стол, как всегда накрытый и украшенный огромным благоухающим букетом свежих цветов. Справа от широкого окна стояло старинное черное пианино с серебряными подсвечниками, украшающими лицевую панель. Костяшки клавиш были желтоваты и выщерблены, как зубы старого шамана. Но от этого инструмент, которому было, кажется, лет двести, не потерял своего очарования.

Люси открыла пузатый холодильник и достала приготовленный специально для них сок из марокканских мандаринов, кусок ароматного сыра, завернутый в марлю, чашку сизой голубики и две миниатюрные бутылочки просекко. Егор держал в руках доску из мангового дерева, на которой все еще дышали обжигающие пышные круассаны. Он принес их из соседней пекарни за углом, где работа кипела уже с четырех утра, а запах свежего хлеба неудержимыми волнами выкатывался на спящие улицы.

Они устроились в уютном садике, скрытом от посторонних глаз на заднем дворе этого милого старого дома.

– Позавтракаем, потом я приготовлю кофе и пойдем к мо-

рю, – Егор подал Люси легкий плед.

Ранее утро было еще свежо и прохладно. Егор размышлял вслух:

– Как бы мне хотелось задержаться здесь с тобой еще на пару дней. Но пора улетать, – в Лондоне он курировал подготовку новой сезонной коллекции после прошедшей недели моды. – Мне не дает покоя эта история. Ведь это еще не конец? Ты меня заманила в ловушку. Я все время об этом думаю.

– Я тебя заманила?! Идея была твоя, убедил меня начать записывать эти хроники. Я говорила уже, что не знаю, куда это приведет и чем все может закончиться... Но у меня есть еще, что тебе почитать сегодня, – Люси хитро улыбнулась, – пообедаем там же на террасе и потом я провожу тебя в аэропорт.

Они сидели в низких плетеных креслах и молча смотрели друг другу в глаза. Люси фыркнула и запрокинула голову к небу:

– Странная какая тишина, почему не слышно птиц?

– Наверное, они притаились, чтобы подслушать наши мысли, – Егор свинтил пробку и вложил в ладонь Люси бутылочку просекко. – Спасибо, что согласилась приехать. Я знаю, ты практически живешь между небом и землей, как ты выдерживаешь такой график, не представляю.

– Потому и выдерживаю, что живу между небом и землей, – Люси тихонько ударила горлышком своей бутылки о

дно той, что держал Егор. – Маленькие каникулы, как эти с тобой, важная история моей жизни. А сложившиеся за годы наши взаимоотношения – важный для меня процесс познания. И я тебе за него очень благодарна, мой внимательный и добрый друг.

Обдумав, она добавила:

– Важный процесс познания... это, впрочем, любые взаимоотношения.

Люси притихла.

– О чем ты думаешь? – Егор сделал глоток, отщипнул сиреневый цветок с вьющейся зеленой изгороди и вставил его в горлышко бутылки, которую держала Люси.

– Ну... думаю, что жизнь, по сути своей – приключение, в котором человек стоит перед задачей стать лучше, – казалось, Люси отвечала не ему, а себе, на свои раздумья. – Так вышло, что ты стал и причиной, и свидетелем, и участником моих виртуальных путешествий сквозь разные жизни. Без тебя я, вероятно, не взялась бы... Теперь же я хочу использовать открывшиеся возможности.

Люси положила цветок на раскрытую ладонь и вылила на нее шипящее вино, потом развернула, наблюдая за падающим на землю набухшим пьяным бутонем.

– И вот еще какая важная штука мне открылась: иногда лучше принимать ошибочные решения, чем оставаться безучастным свидетелем событий. Это необходимая часть духовного развития, если мы стремимся к нему. А влияние

личного прошлого – это каркас наших потенциалов и вероятностей в настоящем. Все пережитое нами, если оно осознано, повышает способность к знанию. Что было обретено, даже на какой-то момент, то повышает способность к знанию... Ох, прости. Я объясняю то, чего не следует объяснять, – Люси будто вынырнула из бездны блуждающих мыслей. – Скажи лучше, как мы проведем время до твоего отъезда?

– Выпьем кофе и пойдем на море. Потом я сяду работать. А до обеда хотелось бы заглянуть в студию к Василие, как думаешь?

Маленькую художественную мастерскую они обнаружили в первый же вечер, когда пошли прогуляться по городку. Люси уставилась в огромный проем низкого светящегося окна.

– Как такое возможно! Посмотри, вон там, на полу, – Люси уперла палец в стекло, – эти две картины я видела прошлой ночью, во сне. Зайдем.

Она решительно открыла дверь. Мастерская была одновременно и галереей, и студией. Судя по всему, здесь только что закончились занятия. Люси быстрым шагом прошла через зал и присела у картин, прислоненных к стене.

– Кто автор? – громко, нервно спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь и внимательно разглядывая всех.

– Они вам понравились? – услышала она тихий голос за спиной. – Через два дня откроется моя выставка, я вас при-

глашаю.

– Вы автор? – обернувшись на голос, Люси увидела невысокое хрупкое создание с иконописным лицом и заговорила уже мягче. – Когда вы сделали эти работы? Могу я увидеть что-то еще?

– Здесь все картины написаны мной. Да. Это моя мастерская. И здесь я даю уроки живописи своим ученикам. Меня зовут Василия.

Две девушки и парень, на которых показала Василия, приветливо кивнули. Парень что-то негромко сказал своим соседкам, они дружелюбно рассмеялись, без стеснения разглядывая парочку иностранцев, беспардонно вторгшихся в их творческое царство.

– Эти сильно отличаются от того, что я вижу вот здесь, на полу, – Люси с любопытством обвела взглядом стены, увешанные яркими холстами, – пожалуйста, расскажите об этих двух.

– С ними связана странная история... А что вы в них нашли, почему они вас заинтересовали?

Люси коротко сказала о своем сне. И добавила:

– Но знаете, там была еще одна картина. Дайте мне бумагу, я покажу, если хотите.

По-мере того, как лист заполнялся, уплотнялся рисунком и цветом, лицо Василии менялось: становилось все более озабоченным. Когда Люси закончила и протянула набросок, та молча развернулась и скрылась за высокой дверью. Через

несколько минут вернулась, держа в руках довольно большую картину, одетую в багет. Василия опустила картину на пол и развернула лицом к Люси и Егору. Это были два абсолютно одинаковых рисунка. В студии повисла вопросительная-недоуменная тишина.

Вот так они познакомились. Тот вечер оказался долгим, они расстались далеко за полночь.

По пути в мастерскую они заглянули в цветочную лавку на рыночной площади. Егор выбрал тюльпаны. Он забрал всю длинную прямоугольную коробку, в которой они лежали плотными рядами: короткие, сочные зеленые стебли с острыми листьями и упругими, еще нераскрывшимися белоснежными влажными головками.

Люси была заморожена кроваво-красными маками:

– Я никогда не встречала в продаже срезанные маки! – восторженно воскликнула она, подняв перед собой пластиковый вазон и любуясь черноглазыми, с желтыми зрачками, нежными цветами. – Я заберу все!

Тучи осторожно затягивали солнце в свои сети, когда они уже подходили к мастерской, начал накрапывать дождь.

– Люси, когда ты вернешься домой? – Егор вдруг остановился. – Ты ведь не станешь опять все менять из-за этой истории с картинами?

– Егор, я задержусь всего на два дня, я должна увидеть ее выставку. Сейчас себя чувствую... как сказать... на грани

сна и пробуждения.

В мастерской царило оживленное возбуждение. Несколько фотографов щелкали аппаратами. Веселая репортерша под руководством бородатого оператора пыталась найти удобный ракурс для съемки: Василия готовилась к интервью для новостного канала. Люси и Егор помахали ей и сложили свои букеты на большой рабочий стол, где в художественном беспорядке были разложены кисти и краски. Василия, с извиняющимся выражением на лице, развела руками и приложила их к сердцу.

– Я обязательно приеду на открытие! – Люси помахала рукой и ее голос полетел поверх немногочисленной, но суетливой толпы.

Они вышли на улицу. Дождь пузырился на мостовой, а в небе раскинулась далекая многоцветная радуга. Зонтов у них не было, так что в отель они вернулись совершенно промокшие. Договорились встретиться через час.

Люси быстро переделась, взяла компьютер и устроилась на террасе за столом, ставшем для них за эти дни привычным рабочим местом.

Она автоматически отметила, что за соседним столиком, как обычно расположилась дама, которая все эти дни приходила сюда в это же время. Она напоминала Люси манекен: жесткие черты лица, наполовину скрытые за темными очками. Одетая она была в обманчиво консервативное платье

идеального кроя с ярким цветочным принтом и безупречные босоножки на невысоком каблуке на босу ногу. Она сидела всегда вполоборота к их столику и казалось, бесстрастно наблюдала за внешним течением жизни. Перед ней по обыкновению стоял высокий бокал ледяного чая с соломинкой. Но Люси не видела, чтобы хоть раз она притронулась к напитку. Также дама никогда не разговаривала по телефону, не читала и не писала никаких сообщений.

Люси расположилась в ленивой тени уединенного уголка под легким тканевым навесом. Спустя несколько минут дама повернулась к ней и сняла очки:

– Ваш друг, он не придет сегодня? – в прищуре ее глазах было что-то демоническое. – В любом случае я бы хотела услышать продолжение той удивительной истории, которую вы ему читали все эти дни. Уверена, что оно у вас уже готово. И еще вот что. Если я правильно поняла из ваших разговоров, вы не предлагали свою рукопись никаким издательствам. Я заинтересована в ней и готова обсудить с вами условия контракта.

Она не представилась, но положила на стол свою визитную карточку. Люси недоуменно рассматривала визитку, на которой было только имя и фамилия ее владелицы: Мишель Розенталь. Однако в стилистике оформления было что-то знакомое.

Люси не успела сообразить, что ответить, как услышала:
– Мой ассистент свяжется с вами. Вы ведь живете в оте-

ле через дорогу, – утвердительно произнесла она, поправляя темные очки.

Мишель величественно добавила:

– Читайте.

– Хорошо, но не раньше, чем придет мой друг. Это будет через час.

Безапелляционность дамы вызывала в Люси противоречивые чувства, но и разжигала ее любопытство. Она хотела оставаться с ней сдержанной и учтивой.

Мишель Розенталь посмотрела на свои маленькие золотые часы:

– Вы всегда начинали в это время. Что изменилось?

– Сегодня он улетает, и ему нужно собраться, – этот разговор теперь забавлял Люси.

– Хмм... А вы? На сколько здесь задержитесь *вы*?

– Я планирую еще на день, – как ученица перед строгой учительницей ответила Люси.

– Хорошо, значит вечером вы получите контракт, чтобы завтра у вас было время с ним ознакомиться и задать вопросы. Я не могу ждать, пока придет ваш друг, – она поднялась, изящно пересекла террасу и зашагала прочь слегка сутулясь.

Как только Егор поднялся на террасу, Люси немедленно принялась рассказывать о неожиданном и удивительном предложении Мишель, не дав Егору усесться за стол.

– И что ты будешь делать? – Егор, как и Люси, был поражен свалившимся предложением.

– Не знаю! Ты понимаешь, я обалдела! Она меня о-кол-до-ваааа-ла.

– У тебя здорово получается покидать поток времени! – он поддразнивал ее.

– Егор, при чем тут я? Это она! И кажется, мне уже не отвертеться.

И в тот же момент Люси вспомнила кто она, эта знаменитая Мишель, которой достаточно написать одно свое имя на визитной карточке.

SCHERZO 25

25/// огонь множится в бесконечном отражении зеркал, и душа стремится распознать подлинный источник света в лабиринте отражений между солнцами

Музыка: Fire On The Floor/ Beth Hart

Люси любила атмосферу традиционной и неторопливой жизни итальянской провинции. Небольшие, качественно и бережно отреставрированные дома сохраняли очаровательный колорит старины. Ее отель находился недалеко от церкви, где, прорывая густой туман и растворяя последние следы сказочной ночи, колокол звонил к утренней мессе. Этот звон, однако, не мешал любителям долгого сна.

Для прогулки она выбрала извилистую, круто поднимающуюся улочку, плотно окруженную гладко оштукатуренными стенами домов. Ранние прогулки давно стали для нее традиционным началом дня. За очередным поворотом улочка неожиданно уткнулась в небольшую круглую площадь. В центре нее, над хрупкими скамейками, пышной кроной нависало старое дерево. Небольшие кофейни расположились почти во всех окружающих площадь домах. Рядом с ними яркими рядами или экзотическими пирамидами громоздились столы и стулья, прихваченные поблескивающими металлическими цепями. Они стояли в молчаливом одиноче-

стве, будто бережно храня откровения своих посетителей. Такие картины причудливо-замысловато застывших форм всегда вызывали у Люси вереницы жизненных ассоциаций.

В одном из домов (за приоткрытой дверью) виднелся винтажный шкаф с массивным зеркалом, от которого отражались солнечные лучи, рассыпая повсюду сверкающие искры.

Перед дверью был выставлен круглый стол и два ореховых венских стула: на одном стоял недопитый кофе, на другом сидела нахохлившаяся белая голубка. Люси подошла ближе, огляделась и переставила чашку на стол. Она присела и, прищулив глаза, стала рассматривать площадь. Все пространство и дрожащий в нем чистый воздух тут же залились диковинными яркими пятнами, которые создавали пестрые недолговечные картины.

Ум Люси пребывал в волнующем смятении: «Как это похоже на то, что совсем недавно я видела во сне и в мастерской Василей».

Посторонний звук отвлек ее и заставил обернуться. В дверях показался любопытного вида крепкий босоногий старикан. На нем был мятый льняной костюм невнятного цвета: брюки и расстегнутый пиджак на голое тело. Заметив Люси, он вновь скрылся за дверью и вернулся, держа в руках латунный кувшин и чашку.

– Доброе утро, синьора, – приветливо произнес он, ставя чашку перед Люси.

– Доброе утро, – улыбнулась в ответ Люси.

Он взял голубку и пересадил ее к себе на колени, заняв место на стуле. У него был красивый, поставленный голос:

– Туристы редко заглядывают сюда в такой ранний час, – его небритое лицо выглядело по-настоящему счастливым. – Согласитесь со мной, это удивительное место?

Оба любовались распускающимся утром: все вокруг едва уловимо стрекотало и приходило в движение. Площадь казалась сценой огромного театра, на которой вот-вот начнется грандиозное представление.

– Выпейте вот этой волшебной воды, – старикан придвинул к ней кувшин, но сам наливать не стал.

– С удовольствием, спасибо! – Люси налила воду и сделала несколько больших глотков.

– О, нет-нет! – он придержал ее руку с чашкой. – Пейте воду медленно, маленькими глотками, смакуя. Ощутите ее прохладу и сладость. Почувствуйте, как она растекается по всему телу, наполняет вас целиком, течет через вас.

Он смотрел на нее своими светящимися глазами и продолжал:

– Каждый источник на земле имеет свой особенный, заметный вкус. Когда вы пьете его воду, то становитесь этим уникальным источником...

Люси подчинилась его мягким наставлениям и услышала меняющийся ритм своего сердцебиения.

– Ну как? – поинтересовался он, дав Люси время постичь приходящее новое состояние.

– Поразительно, – откликнулась Люси. – Я действительно чувствую себя так, будто не наполняюсь водой, а я и есть сама вода, которая заполняет все вокруг.

Ее новый знакомый удовлетворенно кивнул.

– Прекрасно. Тогда, если позволите... – он достал из кармана пиджака веточку базилика и растер ее в своих пальцах. – Закройте глаза. Вы должны научиться слышать не только запах, вы должны в нем чувствовать пульс и свет жизни. Например, растертая в руках долька чеснока, а потом сладкий аромат цветка и запах кислого молока – это больше чем вкус. Это рождение энергии, которая способна изменить течение вашей жизни.

Он поднес ладони к ее лицу. Люси вдыхала их запах и не могла оторваться: голова кружилась, казалось, что земля уходит из-под ног.

С трудом разомкнув глаза, Люси удивленно произнесла:

– Кто вы? Вы меня гипнотизируете?

– Ох, кажется, я немного перестарался. Вам нехорошо? – он положил ей руку на лоб, заглянул в глаза. – Возвращайтесь.

И затем, добродушно улыбаясь, произнёс:

– Кто я? Хмм, непростой вопрос. Вообще, сейчас я работаю на винодельне, это недалеко отсюда. Когда-то часть виноградников принадлежала моей семье. Но... я не виноградарь и не винодел, я странник... искатель. Иногда возвращаюсь сюда... люблю сюда возвращаться, как сейчас, и здесь

для меня всегда находится интересное дело.

– Откуда же вы вернулись? – вежливо спросила Люси.

Ей захотелось прикоснуться к птичьей головке голубки, сидевшей на коленях ее нового знакомого. Та, вздрогнув, подняла веко и внимательно посмотрела на Люси своим круглым серым глазом.

– Из Индии. Я провел там довольно много времени, в штате Тамил-Наду, жил в Коимбатуре. Слышали о таком городе? Много путешествовал. Вернулся неделю назад, чтобы помочь внучке в подготовке выставки. Сегодня открытие. Она художник. Я бы сказал, она талантливый художник. Какое-то время училась в Оксфорде, – он сидел расслабленно, поглаживая гладкий белоснежный бок голубки. – На территории винодельни есть художественная галерея. Когда я продал свои земли, то на склоне рядом с винными погребками мне захотелось создать что-то типа музея, чтобы разместить свою довольно обширную коллекцию. Я ведь редко бываю дома теперь. А мне хочется, чтобы собранная за много лет коллекция была доступна всем желающим увидеть прекрасное.

Поймав вопросительный взгляд Люси, он пояснил:

– В результате у меня получился небольшой современный художественный комплекс. Там есть зал с постоянной экспозицией и зал со временными выставками. Кстати, вы можете его увидеть, если захотите.

До сих пор Люси слушала с интересом, но слегка рассеян-

но. И вдруг сознание пронзила осенившая ее догадка. Она воскликнула:

– Вашу внучку зовут Василия?

– Так вы знакомы? Значит вы здесь по ее приглашению и будете на открытии? Прекрасно! Кажется, она говорила мне, что ожидает еще двоих друзей по колледжу. Если желаете, поедem вместе, я могу забрать вас там, где вы остановились. Не боитесь ездить на мотоцикле? Да, извините, я не представился. Меня зовут Бернард.

– Василия действительно пригласила меня, – радостно подтвердила Люси. – Это было день назад. Мы случайно познакомились. По довольно странному стечению обстоятельств, должна вам сказать. И признаюсь, я не улетела, а задержалась, чтобы увидеть ее работы. Жду этой встречи с большим нетерпением. Спасибо вам за предложение, огромное спасибо. Но я хочу приехать самостоятельно и уже договорилась о машине.

– Ну что ж, хорошо. Значит, очень скоро мы снова увидимся. Хочу предупредить, что вечером вас ждет еще и винная дегустация, не зря же галерея расположена в сердце виноградников. Так что, если передумаете, дайте знать – я вас заберу.

Он похлопал по своим карманам и достал ручку.

– Дайте руку, – на минуту его взгляд задержался на белой коллоидной нитке шрама, тянущегося от запястья к основанию большого пальца по тыльной стороне ладони. По-

том Бернард аккуратно вывел над ним номер своего телефона. Все это время голубка мирно лежала на его коленях. Он поднялся, взял ее в ладони и бережно подбросил вверх. Она вспорхнула легко, сделала круг над их головами и исчезла за крышами домов.

– Вам давно пора понять: в жизни человека не бывает случайных встреч, – продолжил он спокойно и серьезно. – Посредством встреч с другими людьми вы встречаетесь с собой. И ваше тело, оно подскажет насколько та или другая встреча важна.

– Как я должна понять эту важность? – Люси тоже поднялась.

– Вы почувствуете, потому что такие встречи помогают восстанавливать внутреннюю целостность ваших скрытых зеркал. Мы вступаем в новые отношения на том месте, где они когда-то прервались... в прошлом. А знаете... приезжайте пораньше. Я сделаю для вас небольшую экскурсию. Там много интересного.

Всю обратную дорогу к отелю Люси раздумывала о новой встрече, пытаясь найти место неожиданному пазлу в своей судьбе.

Днем Люси не вышла обедать на террасу. Егор улетел, и ей не хотелось возвращаться туда без него. Однако позже она все-таки решила заглянуть в ресторан, из любопытства. Ми-

шель не было. На ее месте сидела девушка, одетая в духе современной и актуальной моды: ярко-рыжее худи с броской черной надписью на спине и в тон ему штаны из мягкого трикотажа.

Люси поздоровалась со знакомым официантом и собиралась уйти, когда услышала вдогонку:

– Пойдите! Кажется, это именно вас я жду.

Она обернулась и уткнулась взглядом в удивленные глаза Даяны. Для которой, совершенно очевидно, было не меньшим сюрпризом узнать в человеке, которого она ждала, Люси.

– Как неожиданно, что это оказались вы. Мама сказала, что вы обязательно придете, и просила передать это, – констатировала Даяна и протянула Люси папку. – Она хочет, чтобы вы посмотрели контракт. Я юрист и...

– Да, я помню, – машинально ответила Люси.

– Ну да, конечно, вы же были при нашей встрече с Юрием. Так вот, пока мы обе здесь, я могла бы помочь вам разобраться с пунктами, которые вам покажутся непонятными и урегулировать спорные моменты.

– Да, хорошо, – Люси находилась в замешательстве и говорила медленно, – только я завтра улетаю, а через два часа уеду на встречу туда, – она махнула в сторону склона, покрытого ровными рядами виноградников.

Даяна посмотрела на часы:

– У вас достаточно времени. Можете прочесть документ

у себя в отеле, я подожду. Вернетесь и вместе пройдемся по всем пунктам контракта.

Даяна говорила с внутренней профессиональной убежденностью в том, что все будет именно как она спланировала. При этом ее настойчивость не казалась чрезмерной.

– Хорошо, – согласилась Люси и взяла протянутую папку.

– Я буду здесь, когда вы вернетесь. Уверена, что этот документ не отнимет у вас много времени.

Люси не торопилась возвращаться: подошла к террасе только перед тем, как пришло время уезжать на виноградники.

– Передайте, пожалуйста, вашей маме, что у меня нет вопросов. Я готова принять предложение. Но прежде чем подпишу контракт, я хотела бы задать ей несколько вопросов. Свяжусь с ней, как только вернусь домой, через пару дней.

– Отлично. Я буду рада передать ваше решение. Хорошей дороги и красивого вечера, – Даяна мило улыбнулась, отчего ее деловитое лицо моментально преобразилось.

Люси приехала пораньше и припарковала машину на просторной площадке. Дорожка от нее шла через небольшой сквер, засаженный разного сорта низкорослыми пальмами и заполненный старинными скульптурами каменных Будд. Показавшееся за пальмами здание совсем не выглядело маленькой галереей, как она себе представляла. Перед ним было

установлено несколько современных композиций из металла и цветного стекла (это выглядело внушительно и странно). Справа от них был разбит просторный красочный шатер, в котором шли последние приготовления к встрече гостей. Навстречу Люси уже направлялся Бернад. В этом подтянутом моложавом мужчине трудно было узнать старикана, которого она увидела утром. Элегантный спортивный шик делал его образ утонченно-загадочным, а аккуратно подправленная серебристая утренняя щетина делала его определенно привлекательным.

– Вы выглядите как миллиардер, отказавшийся от своего состояния в угоду духовно-интеллектуальным соблазнам современной эпохи, – Люси восхищенно смотрела на преобразившегося Бернарда.

– А и есть такой миллиардер! Какая вы проницательная, – он засмеялся, – пойдёмте, я вам кое-что покажу, пока гости не собрались.

Люси отметила, что он благосклонно принял ее не очень уместную, как теперь показалось, шутку и облегченно зашагала рядом с ним.

– К галерее примыкают три больших погреба, которые, однако, располагаются не под землей. Но они выполняют свою традиционную функцию и к тому же являются своего рода предметом искусства. Я вам покажу, как в них хранится вино. Оно выдерживается в бочках разной формы, из разного дерева. Расскажу, если вам интересно. Но прежде давайте

пройдемся по этим двум залам.

Они вошли под высокий стеклянный свод галереи, сразу ошеломивший Люси своим грандиозным разнообразием коллекций. На небольшой площади были собраны образцы мебели разных эпох, в том числе представленной в так любимом ею стиле ар-деко. Также был китайский фарфор, яркие примеры этнографического искусства, керамика, минералы и древние окаменелости, старинные зеркала и замысловатые светильники, одежды старых латиноамериканских поселенцев, атрибуты африканских племен. При этом вся выставка была организована так безукоризненно грамотно, что торжественное впечатление от нее возрастало с каждой минутой, не создавая хаоса впечатлений и усталости от увиденного.

Что до Бернарда, он был прекрасным рассказчиком с тонким чувством юмора. За полчаса этой спонтанной экскурсии он сообщил Люси множество фактов и поделился интереснейшими историями, связанными с созданием этих коллекций.

– Захватывает дух от этого великолепия, – Люси до боли в глазах вглядывалась в яркие детали гармоничного сочетания цветов, оттенков и форм.

– Люси, я не ношу часов. Сколько времени? – спросил Бернард. Ответу он обрадовался. – Время еще позволяет. Я немного расскажу вам о винных погребах, история которых так же богата, как и само виноделие. Пойдемте.

Он подвел ее к высоким двустворчатым резным дверям из красного дерева, привезенным из какого-то заброшенного храма Юго-Восточной Азии. Теперь они, тщательно отреставрированные, были не только частью выставки, но и входом в тоннель, соединяющий зал галереи с одним из погребов.

Они шли сложными переходами, в которых визуальное впечатление поддерживалось подсветкой, меняющей цвет пола и стен, с движущимися узорами замысловатых теней. Переходы были частью общей системы винохранилища, предназначенной поддерживать необходимую температуру. Наконец дежурный смотритель закрыл за ними тяжелую металлическую дверь, и они оказались в звенящей тишине сумрачного просторного погреба. Вдоль длинного ряда огромных бочек стояло несколько стульев.

– Садитесь, – Бернард потянул ее за руку.

И в то же мгновение где-то под мрачным сводом зазвучала и стала опускаться, заполняя все пространство, музыка. Бессмертная музыка Баха. Это было так торжественно и так значительно, что Люси перестала дышать. Они сидели тихо во мраке холодного погреба. Люси казалось, что она присутствует при непостижимом таинстве рождения чего-то грандиозного.

– Обнаружено: если во время созревания вина в погребах звучит музыка, вкусовые качества напитка заметно улучшаются. Вы знали? – прозаический вопрос Бернарда раство-

рился в космической музыке сфер.

– Вино и музыка – идеальное сочетание, этим можно наслаждаться бесконечно, – наконец выдохнула Люси.

Вернувшись, они разыскали Василию в одной из служебных комнат. Та взволнованно говорила по телефону и была очень озабочена тем, что друзья, которых она ждала, вынуждены были задержаться.

– Дайте мне пять минут, сядьте и никуда не уходите, – быстро произнесла она, прикрыв трубку рукой.

Закончив, она наконец присела на диван рядом со своим представительным родственником и недоверчиво посмотрела на Люси, сказав:

– Оказывается, ты знакома с моим отцом?

– А кто твой отец? – заинтересованно ответила Люси.

– Француз. Сады Ватикана.

– Если Жан-Жак твой отец, то да, именно там мы и повстречались, – Люси была обескуражена такой новостью.

– Понимаешь, он художник, конечно же, я ему рассказала эту поразительную историю с нашими картинами...

Бернард изумился:

– А какая у вас успела появиться общая история с картинами? Мне ты ничего не рассказывала.

– Ты непременно все узнаешь. И, возможно, именно ты сможешь разобраться, – остановила его Василия.

Затем подошла к столу и выдвинула узкий ящик. После

недолгой паузы она продолжила:

– Так вот, отец прислал и просил передать тебе это изделие, – она достала мешочек и положила его на стол перед Люси. – И просил не брать мне *это* в руки, ты должна *его* сама достать.

Бернард подошел к столу и засунул руки в карманы брюк, глядя на бархатный мешочек (один из тех, в которые кладут недорогие ювелирные украшения).

– Эта игра меня заинтриговала. Ну, давай, – подбодрил он Люси.

Стол находился справа от Люси и ей достаточно было протянуть руку. Она взяла мешочек и достала изумительного цвета удлиненный кристалл (почти игольчатой формы).

– Это бразильский полихромный турмалин, полудрагоценный камень. Редкая окраска! – тут же отреагировал Бернард,

Минерал имел необычный цветовой переход: из ярко-красного в темный, следом – в прозрачный с редкой примесью розового, затем – из светло-зеленого в насыщенный изумрудный. Конец его был запаян в золотое кольцо, на котором Люси рассмотрела филигранную гравировку «все в одном и одно во всем».

– Василия, он объяснил, почему передал мне этот камень? Или *ты* можешь объяснить мне? Не-е-ет...?

– Думаю, лучше всего это может сделать он, – Василия перевела требовательный взгляд с кристалла на Бернарда.

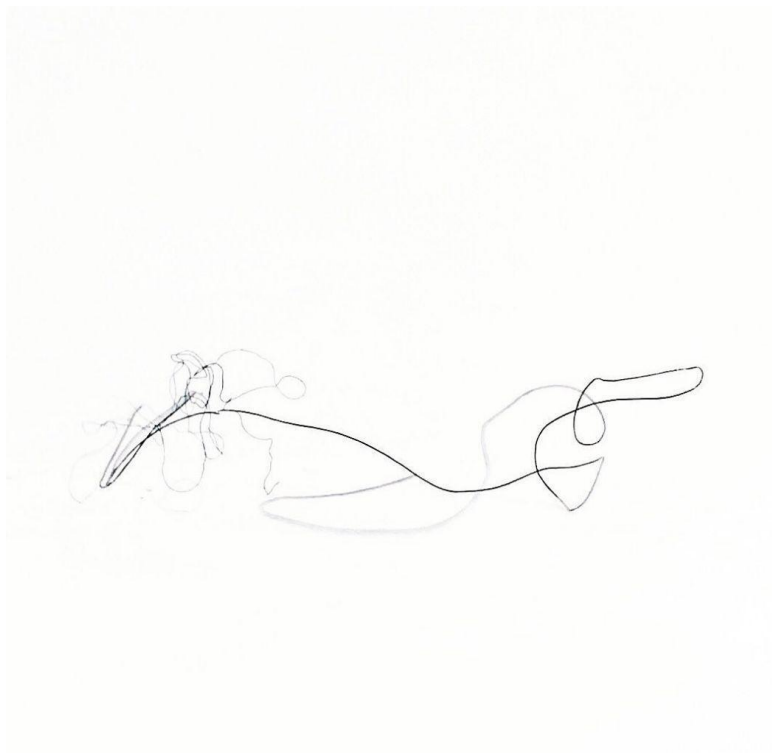
Тот вышел из отрешенной задумчивости и предложил:

– Пора вернуться в шатер. Гости собираются, и Василии следует быть там.

Как и обещал Бернад, после официальных обязательных выступлений, связанных с открытием выставки, и немного затянувшегося знакомства с экспозицией, все наконец были приглашены в дегустационный зал, где Люси ждал очередной сюрприз.

Стало понятно, почему так волновалась Василия, узнав, что ее университетские друзья опаздывают. Ведущей дегустационного шоу, торопливо и с извинениями вошедшей в зал, была Адель. Она прибыла не одна, а со своим бойфрендом. Его Люси тоже сразу узнала. Это был ее сосед из квартиры N14 дома в пригороде Лондона.

SCHERZO 26

/// 26 касаясь пальцем края чаши, наполненной светом,
извлечь музыку небес и записать ее слова на тайном языке

вселенной, и услышать смех ее, и шагнуть в бесконечность

Музыка: Boogie Street/ Leonard Cohen

Бернард рассмеялся:

– Я говорил: совпадения не бывают случайными.

Они возвращались в город, Люси вела машину и рассказывала о том, при каких обстоятельствах, совсем недавно, она познакомилась с друзьями Василии. И о других, предшествующих этой, встречах... и о преследующих ее совпадениях после того, как она неожиданно решила улететь в Лондон...

– Может расскажешь о том, почему ты тогда решила сесть в самолет. Или не хочешь об этом говорить?

– Пожалуй, так.

Машина подкатила к дому Бернарда. Люси вышла вместе с ним, чтобы попрощаться. Завтра она улетает. Ей надо возвращаться.

– Знаете, – вдруг произнесла она, – я бы хотела, чтобы вы проводили меня в аэропорт.

– Конечно. Сам хотел предложить. Я приеду завтра, как только ты будешь готова.

Утром Люси позавтракала и позвонила Бернарду. Она ожидала его, укрываясь от ярких солнечных лучей под фасадной маркизой. Он появился у отеля через час, на спор-

тивном велосипеде.

– Вы спросили вчера, почему я так неожиданно решила улететь в Лондон. Вчера я не хотела обсуждать. Думала, что никогда не буду готова говорить об этом с кем бы то ни было. Но сегодня поняла, что хочу рассказать вам кое-что. Давайте прогуляемся, если не возражаете. Времени у нас достаточно.

Пока они неспешно кружили вокруг квартала, Люси рассказала Бернарду о загадочных, почти неправдоподобных явлениях, которые стали происходить с ней после встречи со странной старухой Пилар. Она рассказала ему об Алексе, который появился в ее жизни так, как и предсказала эта мистическая перуанка.

– Все началось с нее, тогда со мной и стали происходить эти счастливые и одновременно болезненные трансформации: с ожидания, и потом – с его появлением.

Он слушал внимательно: не перебивая и не задавая вопросов. Она закончила и остановилась.

– Скажете что-нибудь?

– Алекс говорил мне о вас, – осторожно произнес Бернард, вдруг перейдя на «вы».

Повисла пауза. Люси развела руками и проговорила сухими губами:

– Я уже ничему не удивляюсь! Хочу знать, как это было. Давайте присядем где-нибудь.

Они расположились на заднем дворе, где недавно Люси завтракала с Егором.

– Я узнал вас, когда увидел у своего дома. Предполагал, что когда-нибудь судьба сведет нас.

– Но почему вы сразу ничего мне не сказали?

– Я и сейчас бы промолчал, если бы вы сами не рассказали о нем. Встреча с вами и жизнь в эти годы изменили и его тоже, не только вас. Он был очень привязан к вам и благодарен за все, что вы дали ему. Когда вы были рядом, для него исчезало время и пространство, но появлялось другое: содержание и наполненность жизни. Вы стали для него единственной реальностью. Но это была зыбкая реальность. Ему казалось, что вы все время норовите исчезнуть, как ящерица исчезает в холодных расщелинах раскаленных камней. И когда вы действительно пропадали, он оказывался в размытых контурах своих невыносимых иллюзий... Так произошло и в последний раз, верно? Вы просто исчезли, как делали всегда, без объяснений.

Бернард внимательно посмотрел в напряженное лицо Люси. Она не отвечала, сосредоточившись на его словах. Тогда он продолжил:

– Недавно, кажется, три-четыре дня назад, Алекс позвонил мне и сказал, что хочет прилететь, я в это время был в Индии. Он считал, что Индия – место, где он сможет осознать тревожащие его мысли. Он не понимал, что делать с тем замедленным тоном сладкой тайной зависимости, который возник между вами. Он очень боялся вас потерять, но не понимал как удержать вас в том духовном резонансе, ко-

торый возникал, когда вы были рядом. Он не понимал, что может дать вам... кроме своей преданности и бесконечной любви.

– Подождите, – вздрогнула Люси, – кажется, я начинаю понимать: это была ваша идея с наследством. Для чего это было нужно? Я ведь всегда знала, что у него ничего нет. Он был одиноким отшельником, когда мы встретились, с бесчисленными потерями и со своей душевной болью. Такой «наследник» тонкого дарования зла, – Люси горько улыбнулась. – Его любовь была человеческой и бесконечно притягательной. Он преподавал мне хороший и очень важный урок, держа передо мной безупречные зеркала. Это было то, что я ценила превыше всего. Мне казалось, что это была чистая, безусловная любовь без взаимных привязанностей, с готовностью отпустить друг друга в любой момент, когда требуют обстоятельства... А наше взаимодействие – это были дары друг другу.

– Вы считаете, что так бывает между любящими людьми или так должно быть?

Разговор оказался для Люси более мучительным, чем она ожидала. И наконец, она поняла, что есть весомая причина остановить его – ее предстоящий скорый отъезд. Она решилась:

– Мне пора. Спасибо, Бернард. Кое-что вы помогли мне понять.

– Люси, может быть вам все-таки отложить отъезд до зав-

тра? – он видел, что она чувствует себя вымотанной после их недолгого непростого разговора.

– Нет-нет. Я должна быть дома: обещала мужу, для нас этот день – важная семейная дата. Я говорила, впереди три долгих перелета. Хочу успеть вернуться, традиционно поднять с ним бокал и уснуть в своей постели, – она благодарно улыбнулась.

– Тогда летите. Жизнь – это так красиво... вся эта игра слов, символов, смыслов и образов, намерений и поступков.

После прощальных слов Бернарда она собралась уходить, но замерла в нерешительности, и потом неловко, по-девичьи, обняла его, прижавшись щекой к сильной груди.

Люси зашла в маленький провинциальный аэропорт, построенный еще в 60-е годы прошлого века. После всех неспешных процедур регистрации она устроилась так, чтобы можно было видеть небольшую взлетную полосу. В единственном имеющемся здесь терминале было немногочленно: кроме нее покинуть остров собиралось всего несколько человек. Она сидела и внимательно рассматривала солнечное небо за окном, чувствовала сухой запах раскаленной взлетной полосы, который, казалось, вторгся внутрь здания. Тогда же ее внимание привлек человек, проходящий вдоль пустующих рядов кресел. Его волосы были зачесаны назад и собраны в короткий аккуратный хвост. Он держал в руках черную дорожную сумку, напоминающую вещмешок, и был одет во

все черное: брюки-шаровары, зауженные книзу, и футболка. Собственно, футболка и привлекла внимание Люси в первую очередь. Это была майка из ограниченной коллекции, выпущенной молодым начинающим японским дизайнером.

С тем дизайнером Люси познакомилась в Токио на модном показе, куда сначала летала как организатор, а потом была приглашена как особый гость. В ее гардеробе было его оригинальное платье, а он тогда получил ее согласие на использование в качестве принтов ее фотографии «философских стульев» – он так их назвал. В скором времени он планировал выпустить партию футболок совместно с уже известным европейским брендом. Теперь она увидела прямо перед собой его реализованную идею и ей определенно нравилось то, как это получилось.

Люси наблюдала за этим «черным» человеком. Зайдя в зал, он тут же направился к небольшому торговому пятачку, где рядом с сувенирами расположились напитки, а также незамысловатый ассортимент продуктов и сладостей. Он рассчитался и огляделся. И хотя вокруг было полно свободных мест, направился прямо в сторону Люси. Бросил свой мешок на кресло между ними и сел рядом. У него в руках была бутылка той же минеральной воды, что купила себе Люси. От него исходил еле уловимый знакомый аромат.

«Он же пахнет кедром», – наконец сообразила Люси и, наблюдая за новым соседом, аккуратно втянула в себя воздух. Тот, не обращая ни на кого внимания, расположился, до-

стал книгу и погрузился в чтение. Люси мельком взглянула на обложку, она напоминала обложку русских народных сказок, которые в детстве читала ей бабуля. Она помнила и любила красивую вязь славянской азбуки. Бабуля научила ее всем 49 буквицам алфавита и в детстве маленькая Лю любила выводить их гусиным пером, аккуратно обмакивая его в старинную чернильницу. Во дворе, бывшем когда-то дворянской усадьбой, гусиных перьев всегда валялось достаточно.

Люси отвела взгляд от книги, еще раз мельком взглянула на соседа и продолжила любоваться золотой солнечной пылью, рассыпавшейся за окном. Через двадцать минут должны объявить посадку. Неожиданно небо за окном пришло в движение и в считанные секунды потемнело, будто на него из ведра выплеснули густой сапфировый сироп. Оно стало тревожным. Ослепительная молния вспорола небосклон, резко и пугающе ослепив все вокруг – и только спустя мгновение грянул оглушительный гром, его раскаты гулко и долго, до изнеможения, бились где-то под сводом вновь захлопнувшегося черно-синего купола. Еще через миг все запылало шумно и угрожающе. Уже не одна, а множество молний со всех концов ударили в упор, разлетаясь и вновь яростно сплетаясь в неистовом танце.

Все стихло так же неожиданно, как и началось. Небо опустошилось запоздавшим обильным потоком, разрушившим невидимую платину. Произошедшее было похоже на спек-

такль, поставленный в грандиозных декорациях гигантского безлюдного театра, предназначенного единственному зрителю. Кровь ударила ей в виски, грудь ныла, с трудом удерживая вырывающееся сердце, в животе пылает факел, позвоночник вибрировал, как натянутая струна.

Небо разглаживалось, успокоивалось и наконец стало синетным. Это церковное слово, означающее «сплошь синий», Люси впервые услышала от своей бабули. Из небесной глубины медленно стало проступать яркое солнце, вокруг которого возникло вторичное свечение. Такое образуется из-за преломления света в кристаллах льда. Но казалось, что его источником была луна, очертания которой призрачно проступали на дивном небосводе. «Чудо и волшебство. Красиво как в сказке», – изумилась Люси.

Кто-то настойчиво тряс ее за плечо приговаривая:

– Поднимайтесь, объявили посадку на Милан.

Рядом стоял ее сосед в черном с устремленным на нее беспокойным взглядом. Во рту у Люси пересохло. Она машинально открутила пробку от зажатой в руке бутылки, отхлебнула и поморщилась.

– Идемте, идемте, – повторил незнакомец.

Она поднялась и послушно двинулась за ним.

Уже в самолете, совершенно придя в себя, она сообразила, что, наверное, впервые за свое долгое отсутствие дома, услышала родную речь – этот парень говорил с ней на ее родном языке!

Самолет уже набрал высоту. Люси отстегнула ремень безопасности и поднялась с кресла. Она внимательно оглядела салон, ища среди пассажиров своего заботливого соседа. Не найдя его, Люси разочарованно опустилась на место и нажала кнопку вызова бортпроводника. Очень хотелось пить.

– И, пожалуйста, если это возможно, принесите мне стеклянный стакан, – попросила она склонившуюся над ней стюардессу.

– А мне можете принести полную бутылку воды? – услышала она знакомый голос.

Через свободное кресло, слева от нее у окна сидел он. Заметив Люси, он обратился к ней:

– Ну как, вам удалось поспать?

Люси показалось, что его вопрос прозвучал сочувственно.

– Через полчаса мы уже приземлимся. Когда принесут воду, добавьте в нее вот это, – он держал в руках маленький флакончик эфирного масла. – Вам еще долгая дорога предстоит, возьмите его с собой и добавляйте в воду. Только совсем немного, на кончике зубочистки.

– Что это? – Люси принюхивалась к приятному, свежему запаху из флакона.

– Лемонграсс. Для вас это будет масло-оптимист, – усмехнулся он. – А если серьезно, поможет справиться с усталостью, повысит концентрацию и способность к принятию решений.

Люси усмехнулась в ответ:

– Мда-а, наверное, мне потребуются такие капли. Давайте попробую, пока я под вашим наблюдением и защитой.

Прошедшая гроза задержала вылет, и поэтому самолет приземлился позже положенного расписания. Люси торопливо шагала по коридору, обгоняя толпу прилетевших. Посадка на следующий рейс должна быть объявлена через несколько минут. За стеклянной перегородкой, разделяющей потоки, двигались улетающие пассажиры. Внезапно, в этой движущейся навстречу массе людей, она выхватила взглядом знакомое лицо. С бьющимся сердцем она замерла у прозрачной стены. Это был он. Алекс тоже увидел ее. Женщина и парень, шедшие с ним, продолжали двигаться, а он, поколебавшись мгновение, приблизился к окаменевшей за стеклом Люси. Они стояли и пристально всматривались в лица друг друга.

Время для них остановилось.

Он начал что-то говорить. Люси не могла ничего расслышать, только видела беззвучное движение губ. Она прикрыла их прикосновением тонких пальцев к холодному стеклу и сжала веки... Когда она открыла глаза, то увидела стоявших на некотором расстоянии за спиной Алекса Луку и Марту. Люси поспешно повернулась и почти бегом устремилась к выходу. Она опаздывала. Сейчас (во что бы то ни стало) ей нужно было успеть на рейс.

SCHERZO 27

/// 27 не выпавшую на землю, с облаков и туманов, собрать в ладони росу, опустить в нее глаза, увидеть насквозь и погрузить свое сердце в великую тишину небесной реки

Музыка: Life for Beirut/ Ash

За окном мелькали сигнальные огни, стремительно приближая ее к земле. Самолёт сделал плавный разворот и пошел на посадку.

Люси спустилась с трапа в дружелюбную темноту теплой ночи. Через два часа начнет светать. Она опоздала на посадку и пришлось менять билеты на оба следующих рейса.

Люси позвонила уже из самолета, который летел домой:

– Марк, пожалуйста, не надо меня встречать. Ложись спать. Я доберусь сама. Подумать только, как занятно и относительно время. Ты уже живешь в завтра, которое у меня еще не наступило.

– Хорошо. Ты тоже постарайся отдохнуть в полете. Когда будешь дома, встретим с тобой рассвет.

Весь полет ей так и не удалось заснуть. Она смотрела какой-то дурацкий фильм, не понимая его содержания. Пробовала читать, но это ее быстро утомило. Наконец, она попросила стюардессу принести ей набор карандашей и альбом для рисования. Такие обычно дают в самолетах детям, чтобы занять их на время полета. К концу пути почти все листы альбома были заполнены удивительными рисунками, напоминающими древние славянские орнаменты.

Выйдя из здания аэропорта, Люси достала телефон, чтобы вызвать такси. Кто-то окликнул ее, назвав полным именем.

С тех пор как Люси оставила бизнес, она успела отвыкнуть от такого обращения.

– Павел?! – удивилась и обрадовалась она.

Это был ее личный водитель, который работал в их компании много лет назад.

– Как давно я тебя не видела! Что ты здесь делаешь, улетаешь? Куда?

– Нет-нет. Я привез жену и дочь, они летят к родственникам в Германию. Я очень рад, что встретил вас. Как раз сегодня мы с ребятами вспоминали то интересное и напряженное время, когда работали с вами. Вас кто-то встречает? Если нет, я могу отвезти вас домой.

Люси искренне была рада этой встрече и сказала:

– Павел, прекрасно! Я с радостью принимаю предложение. Ты изменился. Не пойму, что-то неуловимое. Но определенно – изменения к лучшему. Расскажешь о себе?

– Тогда вы меня здесь подождите, я возьму машину и подъеду.

– Не нужно, я пойду с тобой. У меня не очень тяжелый багаж. Только это, – она указала на стоящий рядом оранжевый «кэбин-лагидж».

Они доехали в доброжелательной, несуетной атмосфере приятных воспоминаний. Прощаясь у ее дома, они не строили планов на будущие встречи, не обменивались номерами телефонов. И не обещали друг другу непременно звонков

и встреч, как часто бывает, когда люди внезапно встречаются, спустя много лет.

– Знаете, это было удивительное время. И я рад, что сейчас могу сказать вам с благодарностью: главное, чему я научился тогда – по-настоящему искренне радоваться жизни и замечать то хорошее, что обычно ускользает от нас.

Люси открыла дверь своим ключом и осторожно прошла в спальню. На заправленной кровати лежала записка, написанная его изломанным почерком: *«Поднимайся на крышу! С возвращением домой, дорогая!»*

Чтобы попасть на крышу, нужно пешком подняться с последнего этажа еще два пролета, а потом еще, по железной пожарной лестнице. Она никогда не была здесь прежде. Поднимаясь, она оценила винтажный лестничный интерьер и облупившиеся стены, оформленные в духе старинных фресок по итальянским мотивам. Заинтригованная, Люси шагнула на плоскую крышу их современной высотки. Прямо перед ней красное солнце рождалось из дымки тонких слоистых облаков. Огромная смотровая площадка была укрыта крепким деревянным настилом, влажным от выпавшей росы. Вдоль белых каменных барьеров, служивших защитным ограждением, были расставлены высокие кадки с аккуратными кипарисами, злаками и травами. Их очертания были размыты и едва уловимы в этот мистический час пробуждения мира. В центре мерцали огни зажженных свечей, укры-

тых стеклянными колпаками, усиливая очарование этой сцены. Люси знала, что сегодня их число – сорок, по количеству прожитых вместе лет. Длинное пламя огня, стелящегося под ее ногами, будто спорило с предрассветными сумерками, расплывающимися в тонкой мгле.

Пустота прозрачных сфер стала постепенно наполняться чарующими стонами. И на фоне пробуждающегося неба, раскинувшегося за все невидимые горизонты, возник фантом: над сумрачно проступающими очертаниями домов парил музыкант с трубой, игравший зарю, и гитара вторила ей протяжным голосом утренней молитвы. Небо пело и, послушные его зову, взлетали стаи птиц, вплетая свои пронзительные крики в эту космическую симфонию.

Люси стояла замороженная от охватившей ее радости, которой не было предела. Понимание того, что всё это – грандиозная трёхмерная голограмма, пришло не сразу. Только сейчас она увидела Марка, стоящего перед ней, протянув руку. Он улыбался ей доброй, счастливой улыбкой:

– Помнишь, ты обещала мне этот танец.

– Марк, мы будто попали в самую сердцевину неба.

Люси выдохнула и прижалась к нему своими пылающими губами в долгом поцелуе. Они медленно кружили вместе с птицами и гаснущими звездами, крепко держа друг друга.

Конечно же, Люси узнала этого виртуозного музыканта. Сержио. Ее талантливый и преданный друг. «Пора их уже познакомиться. Кажется, в расписании его предстоящего ан-

глийского турне стоит Ливерпуль. Вообще, надо ему обязательно позвонить и поблагодарить за все, что он сделал для меня. И уточнить дату концерта. Теперь я могу полететь туда с Марком», – твердо решила она.

Марк без усилий поднял Люси и усадил на парашют. За ее спиной была бездна. Он держал ее руки в своих, восхищенно любуясь ею.

– Даже не верю, что ты вернулась, моя вечно странствующая Люси, – он притянул ее кисти к своим губам, но вдруг удивленно разжал ладонь. – Твой шрам, его нет. Что ты сделала?

Люси недоверчиво высвободила руку и внимательно прикоснулась к себе. Она озадаченно ощупала место, где недавно был длинный рубец, и произнесла удивленно:

– Не... не знаю. Он был на месте еще два дня назад. Он исчез, он сам по себе исчез, я ничего не делала.

– Но так не бывает, – возразил Марк и недоверчиво нахмурил лоб.

– Наверное, бывает, раз ты его не видишь. И я не вижу, – Люси повертела рукой перед его глазами, – подумай об этом: не все, что мы не можем объяснить, не случается или не может произойти. Видишь?!

– Ладно. Сиди спокойно. Тебя ждет сюрприз. Я сейчас вернусь.

– Еще один сюрприз?! Это утро сюрпризов. Наверное, сегодня 32 число месяца Соляр, а? Давай свой сюрприз, я люб-

лю сюрпризы!

Марк торопливо двинулся к чердачной двери. Люси задумчиво смотрела ему вслед. Когда он вернулся, она не удержалась от реплики:

– Я тебя рассматривала сейчас с пристрастием!

– Соскучилась?! – в одной руке он держал два бокала, в другой – нарядную винную коробку.

– Ты, неотразим, черт возьми! И «по-нездешнему» умеешь быть элегантен.

Он был в мятой голубой рубашке из тонкого хлопка, джинсах классического синего цвета и белых сабо на босу ногу.

– Ах да, я забыл. Ты же никогда ни по кому не скучаешь, – он поставил бокалы рядом с Люси и достал из коробки бутылку. Dom Perignon Charles and Diana 1961 – шампанское, выпущенное ограниченной партией для свадебной церемонии принцессы Дианы и принца Чарльза, 1981 года.

– Ого! Где ты ее взял?! Невероятно!

– Для меня было бы невозможно, но вот для твоего друга Юрия оказалось реально.

Марк весело щелкнул Люси по лбу:

– Я звонил спросить его совета, как знатоку и ценителю тонких вин, какое шампанское купить к этому дню. Так вот он решил это просто – прислал его нам в качестве подарка вместе с этими специальными бокалами.

– Ах, как мило с его стороны! Реверансы! Реверансы его

большому, чуткому сердцу! Я хочу отблагодарить его, я что-нибудь придумаю. Открывай! Время пить шампанское.

Она подняла бокал на уровень глаз и смотрела на Марка сквозь маленький фейерверк ледяных серебристых пузырьков.

– Я никогда ни по кому не скучаю, это правда. Но я бесконечно ценю твое присутствие и участие в моей жизни. Очень... Мое чувство к тебе не вмещается в привычное всем понятие «любовь».

Прежде чем сделать глоток, она вдохнула пьянящий аромат и почувствовала счастливое возбуждение во всем своем теле.

Она легко спрыгнула с парапета и предложила:

– Пойдем домой. Я тоже хочу тебя порадовать.

Люси села на пол и разложила свой рыжий чемодан.

– Это я привезла для тебя. Держи.

Марк взял в руки и бережно развернул тщательно упакованную виниловую коллекционную пластинку, потом другую, и следующую. Он не произнес ни слова, пока не открыл последнюю в комплекте (из пяти). Пять альбомов с оркестровой классикой, которую компания Deutsche Grammophon подготовила к 175-летию Венского филармонического оркестра. Роскошная подборка пятерых выдающихся маэстро: Герберт фон Караян, Риккардо Мути, Леонард Бернстайн, Карлос Клайбер и Клаудио Аббадо.

Марк был потрясен:

– Люси, как тебе удалось? Я знаю, что было выпущено всего 1842 копии.

Люси прекрасно знала, что для него Венский филармонический оркестр – это подлинная аристократия в области музыкального исполнительства. Большинство специалистов и меломанов во всем мире называют его в числе пяти или даже трех лучших на свете оркестров.

– В это трудно поверить мне самой до сих пор, но я получила это сокровище из рук легендарного Риккардо Мути. Ох, это длинная история, я когда-нибудь тебе ее расскажу.

– Послушай! – оба произнесли одновременно и расхохотались.

Решено было идти спать и все разговоры отложить до завтра. Он встал задернуть плотные шторы, а она потянулась выключить бра с его стороны. На ночном столике у его изголовья лежала книга, с закладкой из конфетного фантика.

«Интересно», – подумала Люси. Это была та же книжка, которую ей рекомендовал Марио – учитель итальянского языка. Задание его было такое: глядя в русский текст, читать его вслух на итальянском.

– Ты читаешь *Bella Figura*?

– А чему ты удивляешься?

Он нырнул к ней под одеяло и поцеловал в плечо.

– Мне интересно чем так привлекательна для тебя итальянская философия счастья.

Он взял книгу из ее рук и прочел: «Она прислушалась к намекам судьбы, сложила чемодан, шагнула в пропасть... И оказалась во Флоренции. Италия – страна жгучих страстей, произведений искусства и самой вкусной еды...»

Потом приподнялся на локте, глядя на нее сверху вниз, и сказал:

– Когда я прочел это предисловие, то решил, что возможно эта книга поможет мне лучше понять тебя.

Уже засыпая, уткнувшись ей в спину, он пробормотал:

– Кстати, я нашел дом в Италии, ты же всегда мечтала. Завтра покажу фотографии. Мне кажется, он тебе понравится.

Люси легко вынырнула из сна. Осторожно сняла его тяжелую руку со своей груди, выскользнула из-под одеяла, опустила ноги на пол и так просидела несколько минут с закрытыми глазами. По привычке она собирала крупницы рассыпавшегося сна в общую картинку. На кресле, карамельно-фисташковой пеной, лежало ее любимое японское кимоно с тонким узором вышитых по подолу японских зонтов. Оно невесомо обволакивало тело пустыми складками, как будто никакого тела под ним и не было.

Кухня, в отличие от темной спальни, уже была полна движений разогретого полуденного света и звуков города. Стоя у окна и глядя вниз на оживший шумные улицы, Люси мелкими глотками выпила воду из хрустального стакана и взяла

на язык несколько кристалликов соли. Потом достала пару замороженных круассанов, сунула их в разогретую духовку. Из глубины квартиры слышались босые шаги.

– Если ты уже делаешь кофе, делай для меня тоже. Я встал! И приготовь, пожалуйста, мой любимый скрэмбл с сыром и с грибами. Я все купил, посмотри в холодильнике.

Она запахнула кимоно, скрыв стройные ноги и гибкое тело, открыла холодильник, придирчиво оглядывая полки. Он вошел в кухню, еще сонный, щуря близорукие глаза.

– Доброе утро.

– Микеланджело мог бы взять с тебя опытного Давида, только попросил бы надеть очки для убедительности, – шутливо прокомментировала Люси его появление.

– Ты мне льстишь, неприкрыто и откровенно, – парировал он, протирая глаза.

– А это откуда взялось? – она провела ладонью по колючему краю гладких мясистых листьев, собранных в густые розетки и расположенных в них по спирали. Роскошный алоэ красовался в белом глиняном горшке, занимая большую часть широкого подоконника.

– А, ну это... Ты же не любишь розы, а этого красавца я нашел в интернете. Купил для тебя вместо поздравительного букета. Его привезли два дня назад.

– Милый «букетик». И как такая фантазия могла прийти в твою умную голову? – в ее голосе звучала добрая ирония.

– Вовка прислал фотографии с вашей последней встречи.

Вы с Ниной сидите у дома на улице, в обнимку, а между вами такой же кактус растет.

– Не кактус, а алоэ. Должна признать, он мне очень-очень нравится. Знаешь, в древнем Египте считали алоэ священным растением. Говорили, что оно приносит в дом счастье, и вообще – укрепляет семью. А его цветки обладают сильной энергетикой.

– Ну и прекрасно. Тогда не забывай его поливать и не оставляй надолго! – радостно произнес Марк, надевая очки и рассматривая нового голубовато-зеленого жильца.

– Иди в душ, через 10 минут завтрак будет готов, – она взяла его за плечи, развернула и подтолкнула в направлении ванной комнаты. Потом подхватила тяжелый горшок и переставила его на пол.

После завтрака она потребовала показать обещанные фотографии дома ее мечты.

Марк открыл компьютер:

– Смотри здесь, в папке Firenze.

Он стоял сзади, пока Люси медленно листала фотографии, испытывая смешанные чувства. Она все здесь отлично знала, ракурсы были до боли знакомы.

«Интересно, кто сейчас поливает эти многочисленные герани и настурции», – подумала она.

– Красиво... – голос ее прозвучал с оттенком грусти, – как ты нашел этот дом? Кто его продает?

– Случайно произошло, увидел в интернете. Он действи-

тельно очень хорош. Из любопытства позвонил по указанному телефону. Разговаривал с доверенным лицом хозяина, адвокатом. Его зовут Франческо Скопези. Про продавца я не все понял. Мне показалось, там есть какие-то тайны и проблемы. Откровенно говоря, стоимость довольно высока для нас. А продавец не дает рассрочек, просит всю сумму. Но если ты захочешь, мы найдем способ его купить.

– Я знаю этот дом, – Люси произнесла это так тихо, что Марк не услышал, – мы можем купить его. Не беспокойся о деньгах. Я получу внушительный гонорар за экранизацию своей книги.

– Действительно? Позволь поинтересоваться, что за книгу ты имеешь в виду? – натянуто спросил он.

– Присядь, я тебе кое-что покажу ...

Люси достала из чемодана сверток, это была ее книга, изданная Норой специально для нее, подарочный экземпляр.

Марк, недоверчиво держа в руках книгу, переворачивая страницы.

– И когда ты собиралась мне про это рассказать? – сухо спросил он после ее немногословного объяснения.

– Не знаю. Может быть и никогда, если бы это не превратилось вот в такую историю. Когда записывала, я об этом и не думала. Это была такая игра... Scherzo...

– Предположим, что так. Но раз уж это превратилось в реальную «историю», я могу прочесть книгу? И узнать, кто заинтересовался ее экранизацией?

– Книга на самом деле еще не издана, есть только рукопись. Но я привезла контракт, подожди, – она резко поднялась и вернулась с папкой в руках. – Я должна показать его тебе. Здесь достаточно поставить подпись...

Люси протянула папку Марку, сбивчиво рассказывая о своем странном знакомстве с Мишель Розенталь. Их разговор прервал телефонный звонок.

Люси взглянула на экран:

– Извини, это Кэти. Ты же помнишь Кэти, я тебе рассказывала? Я должна ответить.

Люси вышла в гостиную. Разговор затянулся. Ей пришлось сделать еще пару неотложных звонков. После, с горящими глазами, Люси вернулась на кухню, но Марка там не было. Она нашла его в их большой застекленной лоджии. Жалюзи были приспущены. Он сидел в кресле, погруженный в чтение. На барном табурете перед ним стояла пепельница с потушенной сигаретой. Другую он держал между пальцев, переворачивая страницу.

– Марк, – тихо позвала она.

Он поднял голову и, будто продолжая с ней диалог, возразил:

– Но здесь же нет никакой логики.

– Она и не нужна, зачем? Логика ограничивает человеческий разум, который и без того не способен вместить в себя все парадоксы мира, – Люси присела рядом. – Знаешь, мир огромен, и он существует вне рамок человеческой ло-

гики. Отвлекись, пожалуйста, на минуту. Я сейчас узнала, – голос ее стал особенно низким, как бывало в минуты высокого нервного напряжения, – через три недели могут начаться съемки, если я сегодня подпишу контракт. Первый эпизод снимут в доме у Норы. Там практически все готово. Даже состав актеров утвержден. Проб не было. Все приглашенные дали свое согласие. Мне назвали имена... Марк, я не знаю, что об этом думать! Через неделю весь состав готов вылететь на несколько дней в Перу.

Марк отложил книгу и устало произнёс:

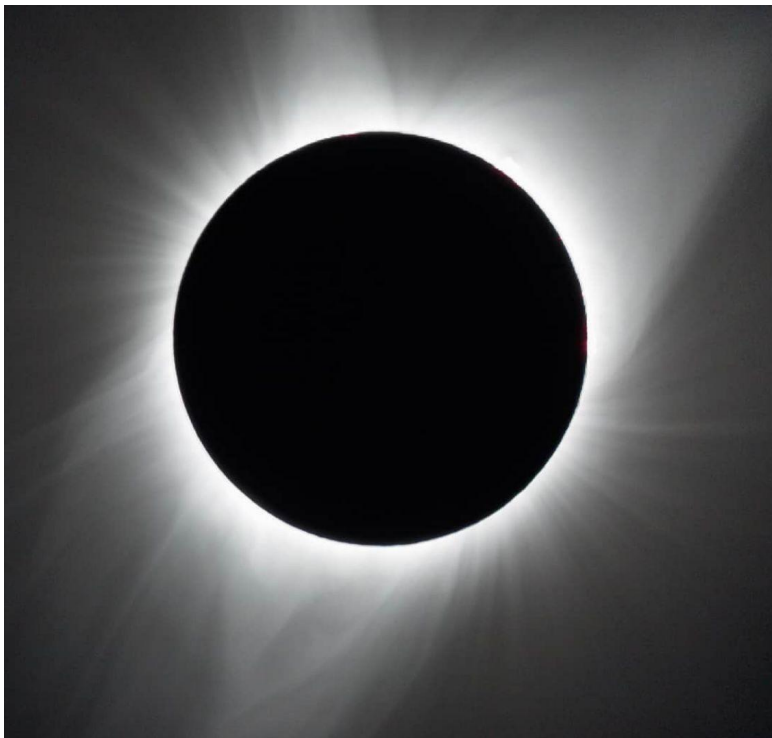
– Что ты хочешь сказать? Что теперь ты улетаешь в Перу?

– Нет-нет. Я вообще не хочу принимать участие в этом процессе. Но я подумала... Если... Когда ты прочтешь... Если ты захочешь, ты можешь лететь с ними в эту экспедицию. И я не буду возражать, если ты захочешь присутствовать на площадке. Это легко организовать. По плану съемки продлятся три месяца.

– Я понял. Давай начнем с того, что я закончу чтение. По крайней мере, я уже заинтригован.

В дверь резко дважды позвонили.

SCHERZO 0

0/// гора, погруженная в тишину тайн великой гармонии

жизни, и одинокая душа на ее вершине в беспредельной свободе, среди рассеивающихся облаков: мягких, подобных туману, и воздух, осыпающийся острым льдом, укрывающий рождение новой жизни

Музыка: Lonely Flute. Magic melody. Pan flute

Люси торопливо распахнула дверь. Фрида, консьержка, много лет работающая в их доме, и дежурившая сегодня, испуганно отскочила.

– Ой, вы вернулись?

– Фрида, здравствуй. Станный вопрос. Ты разве не ко мне?

– К вам, конечно! – она протянула небольшой сверток. – Курьер принес. Просил передать.

– Спасибо, Фрида.

Люси взялась за пакет, но консьержка его не отпускала.

– Что-то еще, Фрида?

– Я не пойму. Вы будто недолго отсутствовали, но какая-то другая, непривычная. Лицо гладкое. И я вас никогда с длинными волосами не видела, – озадаченно произнесла она.

– Фрида, не выдумывай. Спасибо. Можно я возьму?

– Там пакет и письмо. – Фрида осторожно приоткрыла сверток двумя пальцами. – Интересно... Письма вам каждую неделю приходят, регулярно, а вот такой пакет только три-

четыре раза в год, я заметила. И еще заметила какая здесь всегда интересная оберточная бумага. Всегда одна и та же, особенная, с одинаковыми мелкими иностранными словами.

Люси взглянула на привычную упаковку, в которой приходили бандероли от Александра. Впервые она обратила внимание, что горько-коричневая бумага была перфорирована сплошной диагональной строчкой с повторяющимся словом – scherzo.

– И даже печать сургучная, как в старину ставили. Но раньше на ней такого отпечатка не было, – Фрида ткнула пальцем в рельефный оттиск с изображением обруча с восемью лучами.

Это был знак Перуна. Люси видела такие знаки прежде.

– Я прям сгораю от любопытства, что это такое вам присылают, – Фрида смотрела на Люси горящими доверчивыми глазами.

Люси очень хотелось вернуться к себе, не терпелось увидеть, что в посылке на этот раз. Но ее всегда забавляла добрая и наивная прямота Фриды.

И сейчас, тронутая ее простодушием, она подразнила ее:

– А я сгораю от любопытства узнать о происхождении твоего имени, мой пытливый друг, Фрида.

Фриду, кажется, удивил такой вопрос, но она, вежливо и с готовностью, снисходительно объяснила:

– Имя Фрида немецкого происхождения. Первоначально было уменьшительно-ласкательным и означало «мир», «по-

кой» А еще существует вариант перевода с германо-скандинавского – «любимая».

Люси разжала пальцы, отпустила пакет, который Фрида не выпускала из своих рук. Та увлеченно продолжала:

– Еще Фрида безумно не любит лжи и обмана. Она настолько прямолинейна, что это мешает её карьере. В отношениях с мужчинами сильно проявляется ее властолюбие и непокорность. Женщина с этим именем нравится мужчинам за ум, начитанность и независимость суждений, но те же качества Фриды вызывают к ней ненависть женщин. Женщине, носящей это имя, нужен партнер равный по интеллекту и способный обуздать ее гордыню.

Люси смотрела на Фриду с возрастающим интересом, но не удержавшись, перебила ее:

– Фрида! Ты где этого набралась?!

– Ну это же очень интересно: знать все о своем имени и его происхождении! Вы вот что знаете о своем имени?

Люси окончательно растерялась.

– Ну не знаю, я как-то никогда не задумывалась.

– Это неправильно. Тогда я все узнаю о вашем имени и в следующий раз вам расскажу, – согласилась Фрида и наконец отдала пакет. – Отдыхайте, до свидания. И вот еще возьмите. Это письмо, но не от Марка. Его-то письма я знаю, как выглядят. Странно как-то, что в наше время вы друг другу письма пишете...

Они договорились, что Марк будет ей писать и рассказывать, как идут съемки. Она убедила его, что для нее очень важен именно *его* непредвзятый взгляд на происходящее, и важно, чтобы он писал от руки на бумаге.

Сначала без большого энтузиазма, но он согласился лететь со съемочной группой в Перу. Однако, пробыв там неделю, позвонил ей и сообщил, что намерен присутствовать на всех площадках, где будут проходить съемки, до их завершения. Он убедил Люси, что организует все таким образом, что его отсутствие никоим образом не отразится на работе.

– А уж в том, что ты не будешь скучать, я вовсе не сомневаюсь!

Пару раз она все-таки прилетала к нему. Первый раз, очень скоро, в Италию. Там состоялась встреча с Мишель Розенталь, которая продюсировала фильм. Она сообщила Люси, что за разработку костюмов к фильму будет отвечать Том Форд.

Где-то в середине съемочного сезона она прилетела к нему еще раз, уже в Португалию. Они провели три прекрасных дня в приморском городе, обойдя все рыбные рестораны и встречая рассветы на скалистых берегах, где табуны волн яростно обрушивались на них, взлетая брызгами шипящей белой пены. Но ни разу она не была на съемочной площадке, категорически отказывалась. Ее не смог уговорить даже обаятельнейший Томмасо, написавший к сценарию некоторые диалоги – он был истовый итальянец и чувствовал от-

тенки интонаций языка и артистически владел им. Люси была непреклонна. Не помогло даже то, что он пустил в ход все свое очарование, убеждая ее в необходимости познакомиться с актерами.

В конверте от Александра лежал амулет из серебра с закольцованным ярко-голубым камнем посередине. Камень был невероятной чистоты и искрился так, что казался живым. От кольца исходило восемь тонких серебряных лучей. Там же, в конверте, Люси нашла записку, впервые за долгое время.

«Колесо олицетворяет круговорот жизни во вселенной, символизирует движение вперед. Оно связано с естественными, природными энергиями: 8 лучей – это отождествление 4 времен года и 4 стихий. Носи его до наступления нужных перемен».

Письмо было от Паолы. Она подробно писала о том, что они с Якопо приняли решение улететь в Китай до следующего лета. Они хотят провести все это время в горах Уданьшань, знаменитых своими даосскими монастырями и храмами, и многими боевыми искусствами, предшественниками знаменитого кун-фу. Главное, что их привлекло, – это

необыкновенная прелесть и мощная энергетика гор Уданшань. Они надеются успеть добраться туда к сезону сбора чая. Паола обещала вести очень подробный дневник их жизни и посылать эти записи Люси.

Люси отложила письмо и пододвинула к себе старинное прямоугольное зеркало на подставке из китайского граба, слегка наклонила его к себе. Из его патиновой глубины на нее внимательно смотрела загадочная незнакомка.

Люси провела рукой по волосам, длинными прядями падающим на плечи: «Фрида была права».

Она взглянула на часы. 00:00 – время, которого нет; состояние бытия, граничащего с небытием; существование, слитое воедино с несуществованием.

Подобно тому, как в зародыше заключена потенция развития еще не родившегося существа, так в нуле заключен весь, еще не сотворенный и никак не проявленный мир. Потому счет начинается не с нуля, а с единицы. В единице заключен первый принцип явленного мира и начало всего сущего.

На большом столе в гостиной ее дожидались тонкие кисти для каллиграфии и стопка пожелтевших листов. Бумага была подготовлена специальным образом и окрашена куркумином.

На ее руке не осталось следов от раны, из-за которой когда-то она вынуждена была забросить рисование. Возвращаться к этому она уже не хотела. Но с завтрашнего дня бу-

дет переписывать свои записки, разрабатывая руку и восстанавливая свой когда-то каллиграфический почерк.

Внезапно налетевший порыв ветра распахнул окно и взметнул над Люси легкий занавес белых штор.